

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ФЕВРАЛЬ.

1883.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХV.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Средн. Подъяч., № 1.

1883.

СОДЕРЖАНІИ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Топографія средневѣковаго Востантинскаго поля Г. ДЕСТУНИСА.

Отношенія Россіи и Франціи при Петрѣ Великомъ А. БРИКНЕРА.

Къ исторіи крестьянскаго земледѣнія въ Византіи О. УСИНСКАГО.

Гербордова біографія Оттона, епископа Баденбургскаго А. ПЕТРОВА.

КРИТИКА И ОБІЮГРАФІЯ:

Матеріалы для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе управленія Кавказскаго учебнаго округа В. МИЛЛЕРА.

Montenegro. Schilderung einer Reise durch das Innere nebst Entwurf einer Geographie des Landes von Dr. *Bernhard Schwarz*. Mit Illustrationen nach eigenen Aufnahmen und einer Karte (Черногорія. Описаніе путешествія внутрь ея, вмѣстѣ съ географическимъ очеркомъ страны. Сочиненіе д-ра *В. Шварца*). А. О—СКАГО.

Владиміръ Иваценычъ. Собраніе памятниковъ народнаго творчества у южныхъ и западныхъ Славянъ (Библиографическое обозрѣніе). П. СЫРКУ.

Отчетъ Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ за 1882 годъ.

Отчетъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ за 1882 годъ.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: Институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи въ 1881 году.

Столѣтній юбилей С.-Петербургской дирекціи училищъ.

Письмо изъ Парижа Л. Л—РА.

Отдѣлъ классической филологіи.

(См. на 3-й стр. обертки).

ОТНОШЕНІЯ РОССІИ И ФРАНЦІИ ПРИ ПЕТРЪ ВЕЛИКОМЪ.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. XXXIV. С.-Пб.
1881.

I.

1681—1712.

Отношенія Россіи къ Франціи до половины XVIII вѣка не имѣли особенно важнаго значенія. Не ранѣе какъ при императрицѣ Елизаветѣ Франція стала для Россіи важною школою относительно литературы, правовъ, обычаевъ, модъ и проч. Дипломатическая связь между Франціей и Россіей становится болѣе оживленною тоже не ранѣе, какъ при Елизаветѣ и Екатеринѣ II. Во время Семилѣтней войны Франція и Россія дѣйствовали за одно противъ Фридриха II. Во многихъ отношеніяхъ Екатерина сочувствовала Франціи до переворота 1789 года. Русскіе дипломаты въ Парижѣ въ это время играли довольно важную роль. Съ другой стороны, и графъ Сегюръ могъ быть названъ чуть ли не важнѣйшимъ членомъ находившагося въ С.-Петербургѣ дипломатическаго корпуса въ замѣчательнѣйшее время царствованія Екатерины.

Тѣмъ не менѣе и до половины XVIII вѣка отношенія Россіи къ Франціи не лишены значенія. Дипломатическая связь между обоими государствами началась въ то самое время, когда Московское государство, при первыхъ государяхъ изъ дома Романовыхъ, стало обращать на себя вниманіе западной Европы. Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ сочиненій о Россіи еще до того времени былъ трудъ Маржерета, современника Генриха IV и Аѳимитрія. Вскорѣ во

Франція начали думать о заключеніи съ Россіей торговыхъ договоровъ; затѣмъ въ Россіи обнаружилась попытка католической пропаганды со стороны французскихъ іезуитовъ. Далѣе, польскія и турецкія дѣла иногда служили поводомъ къ переговорамъ между Франціей и Россіей. Наконецъ, въ эпоху Петра Великаго Россія приняла болѣе близкое участіе въ политическихъ дѣлахъ Европы. Петръ посѣтилъ Парижъ. Французское правительство чрезъ своего дипломата Кампредова содѣйствовало заключенію Ништадтскаго мира.

Къ этому времени относится богатая коллекція архивныхъ дѣлъ, изданная Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ въ XXXIV-мъ томѣ его Сборника. Документы эти заключаютъ въ себѣ донесенія французскихъ дипломатическихъ агентовъ, находившихся въ Россіи, о международныхъ и торговыхъ сношеніяхъ, бумаги, относящіяся къ пребыванію Петра во Франціи въ 1717 году, и инструкціи и предписанія французскаго правительства посланникамъ и дипломатическимъ агентамъ, находившимся при русскомъ дворѣ съ 1681 по 1717 годъ; кромѣ того, въ видѣ введенія или приложенія помѣщена записка старшаго чиновника французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ Ле-Драна, составленная имъ въ 1726 году, по порученію министра, о переговорахъ для заключенія трактата между Россіей и Франціей. Эта записка заключаетъ въ себѣ краткій очеркъ политическихъ переговоровъ со времени царствованія Людовика XIII во Франціи и Михаила Ѳеодоровича въ Россіи до 1717 года. Опубликованіе этихъ документовъ послѣдовало благодаря предупредительности начальства Парижскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, которое съ готовностью отозвалось на ходатайство по сему предмету русскаго посла въ Парижѣ, князя Н. А. Орлова.

Цѣль настоящей статьи—указать на значеніе этихъ документовъ въ ряду имѣющихся уже историческихъ матеріаловъ по данному предмету, и отвѣтить на вопросъ: на сколько это изданіе прибавило свѣдѣній ко всему тому, что и прежде было извѣстно объ отношеніяхъ между Россіей и Франціей за указанное время. Съ этою цѣлью мы, придерживаясь хронологическаго порядка и стараясь привести въ нѣкоторую систему весь изданный матеріалъ, укажемъ на главное содержаніе всего XXXIV тома.

О договорѣ 1680 года въ запискѣ Ле-Драна сказано лишь нѣсколько словъ, дополняющихъ свѣдѣнія объ этомъ предметѣ, сообщенныя въ сочиненіяхъ Германа, Соловьева и проч. Царь Михайлъ

Теодоровичъ, вскорѣ по восшествіи на престолъ, отправилъ въ 1615 году посла къ королю Людовику XIII, чтобы привѣтствовать его и увѣрить въ своей дружбѣ. Франція въ то время не обращала вниманія на отдаленную и не имѣвшую никакого значенія въ Европѣ Московію. Къ тому же тогда, непосредственно послѣ ужасовъ и крутыхъ переворотовъ Смутнаго времени, въ западной Европѣ не считали особенно вѣроятнымъ, что царь Михаилъ Теодоровичъ удержится на престолѣ. Поэтому король Людовикъ XIII не считалъ нужнымъ отделиться на привѣтствіе Московскаго царя, и не ранѣе какъ въ 1629 году отправилъ въ Россію своего агента де-Ге-Курменена (Des Hayes Courmenin), при посредствѣ котораго и былъ заключенъ между Франціей и Россіей торговый договоръ, не имѣвшій впрочемъ особеннаго значенія, такъ какъ Французы не привозили товаровъ въ Россію и ихъ старанія склонить Московское правительство къ предоставленію имъ монополіи транзитной торговли чрезъ Россію съ Персією не имѣли успѣха. Объ этихъ переговорахъ относительно персидской торговли ни слова, однако, не сказано въ запискѣ Ле-Драна. За то въ ней упомянуто о нѣкоторыхъ частностяхъ, относящихся къ титулу царя, объ условіяхъ, на которыхъ было дозволено Французамъ отправлять богослуженіе въ Россіи и проч. Въ запискѣ Ле-Драна не говорится также о тѣхъ недоразумѣніяхъ, которыя возникали относительно церемоніала, между тѣмъ какъ эти мелочные споры характеризуютъ дипломатическія дѣйствія той эпохи и занимали весьма видное мѣсто въ переговорахъ вообще.

О нѣкоторыхъ, впрочемъ, не имѣвшихъ значенія попыткахъ политическаго сближенія между Франціей и Россіей во время царствованія Алексѣя Михайловича Ле-Дранъ также не говоритъ почти ничего. Равнымъ образомъ, лишь мимоходомъ упоминаетъ онъ о пребываніи во Франціи, въ 1681 году, русскаго посланника Потемкина, пріѣзжавшаго, чтобы просить Людовика XIV оказать помощь Польскому королю противъ Турокъ. За то между документами, напечатанными въ Сборникѣ, встрѣчается заимствованный изъ Парижскаго архива оффиціальныи разказъ „о приѣмѣ Московскихъ пословъ въ 1681 году“.

Какъ видно изъ статейнаго списка Петра Ивановича Потемкина о совершенномъ имъ до этого времени путешествіи по западной Европѣ, онъ былъ хорошимъ наблюдателемъ и замѣчательнымъ дипломатомъ. Особенно любопытенъ его разказъ о пребываніи его въ Испаніи. Что же касается до его путешествія во Францію въ

1681 году, то оно, при холодныхъ отношеніяхъ между Франціей и Россіей и при нѣкоторомъ расположеніи Людовика XIV къ Оттоманской Портѣ, не могло имѣть особеннаго политическаго значенія.

Въ официальномъ документѣ о приѣмѣ, оказанномъ Потемкину и Волкову во Франціи, сообщаются подробности о прибытіи русскихъ дипломатовъ въ концѣ марта этого года, въ Кале, о путешествіи ихъ оттуда въ Парижъ и т. п. Достойно вниманія, что когда, по случаю приѣзда русскихъ пословъ въ Бомонъ (Beaumont), въ таможенѣ озаботились приготовленіемъ пропускныхъ билетовъ для ихъ вещей, Потемкинъ и Волковъ отказались отъ нихъ и не позволили осмотрѣть свои сундуки, подѣ тѣмъ предложомъ, что иначе король до полученія назначенныхъ ему подарковъ можетъ узнать, въ чемъ они состоятъ.

Какъ видно, и въ 1681 году во Франціи по поводу вопроса объ осмотрѣ поклажи русскихъ дипломатовъ, въ таможенѣ легко могли возникнуть недоразумѣнія въ родѣ непріятностей, случившихся въ 1662 году по случаю проѣзда русскаго дипломата Желябужскаго изъ Англіи чрезъ Францію въ Италію, или, какъ мы тотчасъ же увидимъ, по случаю пребыванія во Франціи въ 1687 году князя Долгорукаго.

Въ официальномъ французскомъ разказѣ говорится подробно о церемоніалѣ, соблюдавшемся при приѣмѣ русскихъ дипломатовъ. И тутъ обнаружилась обычная мелочность. Когда посланники шли на аудіенцію къ королю, они были въ шапкахъ. При входѣ въ опочивальню ихъ пригласили снять шапки; сначала они возражали, но затѣмъ исполнили желаніе церемоніймейстера. Затѣмъ, когда посланники вошли въ аудіенцъ-залу, Потемкинъ изъявилъ желаніе, чтобы король поднялся съ мѣста и освѣдомился о здоровьѣ царя. Людовикъ замѣтилъ, что посоль долженъ удовольствоваться тѣмъ, что видѣлъ его снимающимъ шляпу каждый разъ, какъ произносилось имя царя; далѣе Потемкинъ требовалъ назначенія со стороны французскаго правительства трехъ комиссаровъ для переговоровъ, какъ это было сдѣлано въ 1668 году по случаю перваго пребыванія Потемкина во Франціи. Король сказалъ, что назначить только одного комиссара. Когда затѣмъ посланникамъ предложили ѣхать къ министру Кольберъ-де-Круасси для переговоровъ, они отказались на томъ основаніи, что комнаты его не находились въ зданіи Версальскаго дворца, тогда какъ комнаты маршала де-Вильроа, одного изъ трехъ комиссаровъ, назначенныхъ состоять при нихъ въ 1668 году, были въ Сепъ-Мерменскомъ дворцѣ. На это, однако, имъ возразили отъ имени короля, что если они не желаютъ видѣться съ де-Круасси

въ его Версальскомъ помѣщеніи, то Людовикъ не дастъ имъ прощальной аудіенціи, а просто пришлетъ имъ свое письмо къ царю. Посланники, посовѣтовавшись между собою, рѣшились исполнить то, чего отъ нихъ требовали. Затѣмъ имъ показывали Версальскіе сады и фонтаны; король подарилъ имъ много гобеленовыхъ ковровъ, штофныхъ матерій, затканыхъ серебромъ и золотомъ, и другихъ тканей, часовъ стѣнныхъ и карманныхъ и пр. Наконецъ, когда посланники уѣхали, по приказанію короля были уплачены всѣ расходы, сдѣланные ими, на пути въ предѣлахъ Франціи и во время ихъ пребыванія въ Парижѣ.

О содержаніи переговоровъ между французскимъ министромъ и русскими дипломатами мы узнаемъ кое-что изъ записки Кольберъ-де-Круасси отъ 4-го іюля 1681 года. Французское правительство желало отиѣны пошлинъ, обременявшихъ торговлю Французовъ въ Московскомъ государствѣ. Толковали о заключеніи торговаго договора, но все это ограничилось общими выраженіями. „Нравы и обычаи Французовъ“, сказано въ запискѣ французскаго министра, — „такъ разнятся отъ нравовъ Россіи, что нѣтъ вѣроятности, чтобъ эти двѣ столь различныя націи остались на долго въ согласіи, а потому торговый договоръ уничтожится самъ по себѣ“.

Очевидно, Франція, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, не желала никакого сближенія съ Московскимъ государствомъ, и потому пребываніе русскихъ дипломатовъ въ Парижѣ не могло имѣть сколько нибудь важныхъ послѣдствій.

Вскорѣ послѣ того произошла перемѣна въ русскомъ правительствѣ: царевна Софья, при помощи князя В. В. Голицына, стала править государствомъ.

Около этого времени во Франціи явилась мысль объ отправленіи въ Москву чрезвычайнаго посла, г. де-ла-Пикетьера. По крайней мѣрѣ въ Парижскомъ архивѣ была найдена „записка для руководства г. де-ла-Пикетьеру“, содержаніе которой отлично характеризуетъ взглядъ французскаго правительства на Московію.

Достоинно вниманія то обстоятельство, что Франція не столько по своимъ собственнымъ нуждамъ и интересамъ, сколько ради своихъ дружескихъ отношеній къ Датскому королю и Бранденбургскому курфюрсту, желала вступить въ сношенія съ Россією. Въ запискѣ сказано прямо: „Его Величество при отправленіи г. Пикетьера въ Москву соображается болѣе съ выгодами Датскаго короля и курфюрста Бранденбургскаго, чѣмъ съ интересами своего королевства,

и ему нѣтъ нужды вступить въ связи съ государствомъ, столь отдаленнымъ, какъ Московское^а.

Франція въ это время была недовольна Швеціей и намѣревалась дѣйствовать враждебно противъ нея. Для этой цѣли она мечтала о сближеніи съ Россіей, еще прежде 1682 года расположенною къ войнѣ съ Карломъ XI. Упомянувъ о таковыхъ намѣреніяхъ Московскаго правительства, авторъ записки говоритъ о событіяхъ 1682 года слѣдующее: „Правда, что всѣ тогда существовавшія благія намѣренія совершенно измѣнились со смертью великаго князя Московскаго, выборомъ московскою знатію (par les Grands du Royaume) его десятилѣтняго брата отъ второго брака, вмѣсто старшаго, признаннаго неспособнымъ по его немощамъ, бунтомъ стрѣльцовъ и солдатъ московской стражи, избившихъ знатнѣйшихъ вельможъ этого двора, грабежомъ имущества и другими смутами и безпорядками^а. Затѣмъ однако высказана надежда, что де-ла-Пикетьеръ найдетъ въ Москвѣ устроенное правительство, и потому французскому дипломату предписывается снѣшить пріѣздомъ въ Москву: онъ долженъ былъ возбуждать Московское правительство къ нападенію на Швецію. Далѣе сказано о грамотахъ „для великаго князя и патріарха“, которыя, вмѣстѣ съ подарками для обоихъ лицъ, долженъ былъ взять съ собою чрезвычайный посолъ: „Такъ какъ Его Величество не знаетъ еще ихъ именъ, то остаются для нихъ пробѣлы, которые пополняются означеннымъ г. де-ла-Пикетьеромъ, лишь онъ о томъ освѣдомится“.

Изъ этого замѣчанія видно, во первыхъ, что во Франціи считали царя и патріарха какъ бы равносильными авторитетами въ Московскомъ государствѣ; во вторыхъ же, изъ этихъ словъ записки можно заключить, что спустя цѣлый годъ до вступленія на Московскій престолъ обоихъ царей, Петра и Ивана, и назначенія Софьи правительницею, во Франціи еще не знали никакихъ подробностей объ этихъ событіяхъ. такъ что даже имена Русскихъ государей были неизвѣстны: доказательство, до какой степени Россія въ то время была чужда Европѣ.

Однако, путешествіе г. де-ла-Пикетьера въ Москву вовсе не состоялось. Не легко отвѣтить положительно на вопросъ: что могло заставить Людовика XIV отказаться отъ намѣренія отправить чрезвычайнаго посла въ Россію? Можно допустить развѣ слѣдующее предположеніе: во Франціи считали вѣроятнымъ разрывъ между Россіей и Швеціей; это ожиданіе оказалось тщетнымъ; Софья послѣ

тяжкихъ испытаній въ началѣ своего правленія, не считала возможнымъ дѣйствовать наступательно противъ кого бы то ни было. Поэтому она вскорѣ послѣ того, какъ сдѣлалась правительницею, сочла необходимымъ подтвержденіемъ Вардисскаго договора обезпечить мирныя сношенія со Швеціей и окончить распри, возникшія при царѣ Теодорѣ Алексѣевичѣ между обоими государствами. Быть можетъ, во Франціи, узнавъ о такомъ расположеніи Россіи къ миру, рѣшили не искать дружбы Московскаго правительства, такъ какъ нельзя было воспользоваться имъ для дѣйствій противъ Швеціи.

Важнѣйшій сановникъ при правительницѣ Софьѣ, князь Василій Васильевичъ Голицынъ, считался большимъ поклонникомъ Франціи вообще, и въ особенности короля Людовика XIV, котораго портретъ былъ у него въ домѣ. Голицынъ охотно сближался съ представителями католицизма и ласкалъ іезуитовъ, пріѣзжавшихъ въ это время въ Россію, и т. п. Не мудрено поэтому, что при немъ было отправлено чрезвычайное посольство во Францію, во главѣ котораго поставленъ былъ князь Долгорукій.

Голицынъ былъ замѣчательно образованный человекъ; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ можетъ быть названъ предшественникомъ и единомышленникомъ Петра. Въ области внѣшней политики дѣятельность его была однако неудачна. Переговоры съ Польшею, при царевнѣ Софьѣ, имѣвшіе слѣдствіемъ „вѣчное докончаніе“, обнаруживали необычайное дипломатическое искусство князя Василя Васильевича; но договоръ съ Польшею заставилъ Московское правительство отважиться на слишкомъ опасное предпріятіе—на войну съ Татарами. Крымскіе же походы, вполнѣ неудачные, послужили страшнымъ кризисомъ для Голицына: неудача въ этомъ важномъ дѣлѣ сдѣлалась одною изъ причинъ его паденія.

Отправленіе князя Долгорукаго во Францію въ 1687 году стояло въ тѣсной связи съ восточнымъ вопросомъ. Голицынъ надѣялся принудить Францію принять враждебныя мѣры противъ Порты, между тѣмъ какъ „наихристіаннѣйшій король“, напротивъ того, былъ склоненъ къ дружбѣ съ Турками. Къ тому же Долгорукій велъ себя во Франціи безтактно, возбудилъ противъ себя неудовольствіе короля и его министровъ. Подробности этихъ столкновеній уже извѣстны изъ документовъ Московскаго архива, которыми пользовался въ своей „Исторіи Россіи“ Соловьевъ. Довольно важнымъ дополненіемъ къ этимъ свѣдѣніямъ служатъ изданные нынѣ документы изъ архивовъ Парижскихъ.

Въ „Запискѣ о происходившей между г. де-Круасси и Московскими послами конференціи 1-го сентября 1687 года“, говорится, впрочемъ, только въ общихъ выраженіяхъ, объ отношеніяхъ Россіи и Франціи къ Туркамъ. Долгорукій сообщилъ о союзѣ, заключенномъ между царями и Польшею. Кольберъ де-Круасси замѣтилъ, что въ настоящую минуту со стороны короля Людовика XIV было бы крайне безразсудно воевать съ Турками, что его величество не имѣетъ обыкновенія объявлять войну безъ достаточныхъ въ тому поводовъ, и пр. Къ этому довольно рѣзкому замѣчанію Кольберъ де-Круасси прибавилъ однако, что король будетъ весьма доволенъ, если Русскіе и Поляки будутъ продолжать употреблять свое оружіе на покореніе невѣрныхъ. Далѣе французскій министръ замѣтилъ, что король посылаетъ иногда миссіонеровъ въ Китай, и просилъ, чтобы Московское правительство облегчило этотъ переѣздъ іезуитамъ и другимъ миссіонерамъ, и пр. Переговоры не повели ни къ какому результату. Зато въ другомъ документѣ, а именно въ „Запискѣ о томъ, какъ вели себя Московскіе послы во Франціи“, замѣтно сильное раздраженіе французскихъ чиновниковъ противъ русскихъ дипломатовъ. Тутъ сказано, между прочимъ: „Выѣхавъ изъ Голландіи во Францію, послы отправили къ королю гонца съ письмомъ, и этотъ служитель былъ столь наглъ или невѣжественъ, что требовалъ аудіенціи у его величества и объявилъ, что лишь ему лично передастъ письмо, ему порученное. Въ продолженіе двухъ дней напрасно старались убѣдить его въ томъ, что онъ обязанъ вручить это письмо государственному секретарю иностранныхъ дѣлъ, вслѣдствіе чего были принуждены отправить его обратно, не узнавъ содержанія письма“. Отправленный посламъ на встрѣчу дворянинъ Торфъ „объяснилъ имъ въ Дюнкирхенѣ всѣ обычаи, соблюдаемые во Франціи послами коронованныхъ особъ, и далъ имъ понять, что въ случаѣ, если бы они не рѣшились имъ слѣдовать, его величеству не уголно будетъ принять ихъ въ своемъ королевствѣ, и что, для сохраненія добраго согласія, существующаго между королемъ и царями, лучше будетъ, если они направятъ путь свой въ другія страны, не вынуждая его величество выслать ихъ, вслѣдствіе ихъ требованій, противныхъ обычаямъ, и презрѣнія къ его приказамъ и постановленіямъ. Посланники обѣщали въ точности слѣдовать всему, что имъ будетъ предписано. Въ то же время его величество выслалъ офицеровъ съ экипажами и деньгами, нужными для удобства пословъ въ пути и для роскошнаго ихъ содержанія, и повелѣлъ снабдить пропускными билетами всѣ ихъ по-

житки и тюки, съ тѣмъ, чтобы, согласно обычаю, соблюдаемому въ подобныхъ случаяхъ, къ упомянутымъ тюкамъ была приложена въ дюнкирхенской таможенѣ печать, которую бы сняли въ Парижѣ. Но хотя имъ объясняли, что свинцовая печать есть печать короля, которую слѣдуетъ уважать и которую можно сломать только по ошибкѣ, влекущей за собою наказаніе, тѣмъ не менѣе, повинаясь болѣе дурнымъ внушеніямъ, чѣмъ даннымъ ими обѣщаніямъ, они снимали печати по дорогѣ и главнымъ образомъ въ городѣ Сентъ-Дени, гдѣ открыто торговали тканями и мѣхами, забывая, такъ сказать, званіе посланниковъ, чтобы дѣйствовать въ качествѣ мелочникъ торговцевъ, и предпочитая личныя выгоды чести своихъ государей. Это побудило его величество, вслѣдствіе жалобы откупщиковъ, приказать полицейскому чиновнику переѣхать въ Парижъ въ посольскій домъ, гдѣ король помѣстилъ ихъ, и удерживать ихъ отъ продажи упомянутыхъ товаровъ. Но чиновникъ этотъ, въ точности исполняя данныя ему приказанія, не только подвергся оскорбленію со стороны прислуги посланниковъ, но даже говорятъ, что одинъ изъ нихъ замахнулся на него кинжаломъ и пришелъ въ чрезмѣрный гнѣвъ, обнаружившій столь малое уваженіе къ его величеству, что когда королю о томъ подробно доложили, то онъ счелъ несомнѣннымъ съ своимъ достоинствомъ дать вторую аудіенцію посланникамъ, оказавшимся недостойными этой чести по своему дурному поведенію или вслѣдствіе тѣхъ дурныхъ совѣтовъ, которые были имъ даны къ нарушенію ихъ слова. Тѣмъ не менѣе, однако, желая заявить свое уваженіе къ царямъ, ихъ государямъ, его величество повелѣлъ послать имъ подарки. Когда же они отъ нихъ отказались, его величество приказалъ возвратитъ имъ всѣ тѣ подарки, которые ему угодно было принять отъ нихъ, и проводить ихъ до Дюнкирхена тѣмъ же порядкомъ, какимъ они были встрѣчены.

Приказаніе это было имъ сообщено упомянутымъ г-мъ Торфомъ, и въ среду 27-го августа, экипажи, нужные для путешествія ихъ со всею свитою, были поданы къ посольскому дому; но послы объявили, что не уѣдутъ до тѣхъ поръ, пока его величество не назначитъ аудіенціи, и такъ упорно настаивали на своемъ намѣреніи остаться, несмотря на всѣ дѣлаемыя имъ представленія, что лица, на которыхъ возложено было исполненіе приказаній его величества, признали, что имъ не оставалось другихъ средствъ, какъ отозвать всѣхъ чиновниковъ, назначенныхъ состоять при послахъ, и даже вынести всю мебель, находившуюся въ комнатахъ занимаемаго ими

дома, объявивъ при этомъ, что они могутъ оставаться сколько имъ угодно, живя на собственный счетъ, но въ то же время дали имъ понять, что если они хотятъ возвратить себѣ милость его величества, то всего лучше отправиться имъ въ Сень-Дени, гдѣ они точно такимъ же образомъ будутъ помѣщены и содержаны на счетъ его величества и что послѣ изъявленія съ ихъ стороны таковой покорности, имъ будетъ легче просить о назначеніи вторичной аудіенціи. Посланники согласились на это". Затѣмъ происходили переговоры между послами и министромъ короля; двумя днями позже послы имѣли вторую аудіенцію у Людовика XIV; наконецъ ихъ проводили до Гавра, гдѣ былъ приготовленъ корабль для перевозки ихъ до испанской границы. Въ запискѣ сказано: „Послы должны были остаться весьма довольны таковымъ приѣмомъ, и если испытали какое либо огорченіе, то должны его приписать лишь непорядочности своего поведенія (*l'irrégularité de leur conduite*) и другимъ совѣтамъ, которымъ они послѣдовали“.

Какъ видно даже изъ этого официальнаго документа, образъ дѣйствій французскаго правительства относительно Московскаго посольства былъ въ нѣкоторой степени произвольнымъ и даже непоследовательнымъ. Въ одно и то же время Долгорукому отказывали во второй аудіенціи у короля, и при извѣстныхъ условіяхъ, все-таки обѣщали ему исполнить его желаніе, лишь бы онъ согласился на удаленіе въ Сень-Дени, а эта перемѣна мѣстопробыванія русскаго посольства имѣла нѣкоторымъ образомъ характеръ высылки. Не ограничиваясь тѣмъ, французское правительство требовало отъ нихъ, чтобъ они еще старались вновь приобрести себѣ „милость“ короля. Все это какъ-то не вяжется съ обыкновенными понятіями о правахъ пословъ вообще. Съ другой стороны, нельзя не признать безтактнымъ и поведеніе Долгорукаго, нарушавшаго правила французскаго законодательства относительно пошлннѣ. Онъ долженъ былъ понимать, что уничтоженіе королевскихъ печатей повлечетъ за собою серьезныя неприятности. Такіе случаи происходили, впрочемъ, и прежде, напримѣръ, по случаю проѣзда чрезъ Францію Желябужскаго въ 1662 году. Повторявшіяся столкновенія русскихъ дипломатовъ съ таможенными чиновниками доказываютъ, что русскіе дипломаты не хотѣли признавать французскихъ законовъ. Что касается до личныхъ столкновеній между посольствомъ и французскими чиновниками, то не имѣемъ права сомнѣваться въ справедливости официальнаго французскаго разказа. Случай ссоръ и неистоваго поведе-

нiя русскихъ дипломатовъ за границею въ XVII столѣтiи повторились не рѣдко. Можно указать на цѣлый рядъ подобныхъ эпизодовъ изъ исторiи тогдашнихъ дипломатическихъ сношенiй между Россiей и западной Европой.

Французское правительство рѣзко порицало русскихъ дипломатовъ за то, что они, забывая свое достоинство, превращались въ торгашей. Но въ оправданiе Долгорукаго и его товарищей можно указать на тогдашнiй обычай русскихъ дипломатовъ вообще. Извѣстно (между прочимъ изъ „Памятниковъ дипломатическихъ сношенiй“), что русскiе дипломаты обыкновенно снабжались весьма незначительнымъ количествомъ наличныхъ денегъ, и что, находясь за границею, они нуждались въ деньгахъ и по необходимости должны были прибѣгать къ продажѣ товаровъ, которые возили за собою именно для этой цѣли. Эти товары были по преимуществу соболи и прочая мягкая рухлядь, также ревенъ и т. д. Все это становится вполне понятнымъ, если взять во вниманiе, что въ Россiи въ то время преобладало натуральное хозяйство, въ противоположность къ денежному. Служившіе въ русскомъ войскѣ иностранцы получали жалованье не деньгами, а мѣхами, и потому они поневолѣ должны были для сбыта ихъ, пускаться въ торговлю. За границею же такой порядокъ вещей могъ казаться страннымъ и несомнѣстнымъ съ достоинствомъ сановника, занимающаго видное мѣсто.

Неприятное впечатлѣнiе, произведенное Долгорукинымъ, не скоро изгладилось. Сорокъ лѣтъ позже Ле-Дранъ, въ своей запискѣ о сношенiяхъ между Россiей и Франціей, замѣтилъ: „Посланники Московскаго царя въ 1688 г. (sic), явились скорѣе торгашами, домогающимися покрытiя всѣхъ своихъ издержекъ и безпошлинной продажи своихъ товаровъ, чѣмъ посланниками, которымъ поручено вести какое нибудь государственное дѣло; потому они возбудили неудовольствiе, и король велѣлъ имъ объявить, что отнюдь не намѣренъ содержать на свой счетъ посланниковъ, которыхъ царь отправилъ къ нему, и что съ своей стороны онъ будетъ производить содержанiе отправляемымъ къ царю посланникамъ своимъ, и пр.“.

Такимъ образомъ попытка князя Голицына сблизиться съ Франціей оказалась вполне неудачною и даже повела къ неприятностямъ. И Франція должна была испытать нерасположенiе Россiи, оскорбленной неблагосклоннымъ приѣмомъ, оказаннымъ Долгорукову. Когда, вскорѣ послѣ того, въ Россiю прибыли два иезуита для проѣзда въ

Китай, Московское правительство не дозволило имъ ѣхать чрезъ русскія владѣнія.

Вскорѣ послѣ того, въ 1689 году, пріѣхалъ въ Россію Нѣвиль, авторъ замѣчательнаго сочиненія „Relation nouvelle et curieuse de la Moscovie“ (La Haye, 1699). Къ сожалѣнію, о его пребываніи въ Москвѣ мы знаемъ лишь изъ его сочиненія. Нѣвиль считается обыкновенно французско-польскимъ дипломатическимъ агентомъ. О немъ не упоминается ни въ запискѣ Ле-Драна, ни въ документахъ, изданныхъ вообще въ XXXIV-мъ томѣ Сборника Историческаго Общества. Нельзя не желать, чтобы вопросъ о путешествіи Нѣвиля и о его сочиненіи былъ подвергнутъ тщательному изслѣдованію. Можно думать, что онъ скорѣе былъ орудіемъ католической пропаганды, нежели представителемъ французскаго правительства.

Нѣвиль былъ въ Москвѣ свидѣтелемъ государственнаго переворота 1689 года. Восхищаясь необычайными способностями и замѣчательнымъ образованіемъ князя В. В. Голицына, онъ не ожидалъ для Россіи хорошихъ результатовъ отъ побѣды, одержанной Петромъ надъ Софьею и ея ближайшимъ помощникомъ. Въ то время еще нельзя было предвидѣть громадное значеніе правленія царя-преобразователя. Петра еще не знали за границею. Не раньше какъ во время путешествія его въ 1697 и 1698 годахъ начало развиваться высокое понятіе о гениальности молодого государя. А вскорѣ послѣ его возвращенія въ Россію распространился слухъ о первыхъ попыткахъ реформъ въ Московскомъ государствѣ.

Съ паденія Софьи и Голицына до начала XVIII вѣка не было сдѣлано попытки сближенія между Россіей и Франціей. Петръ не любилъ Францію въ первое время своего царствованія. Во время своего пернаго путешествія по западной Европѣ онъ не только не думалъ посѣтить Францію, но даже избѣгалъ, какъ на примѣръ, въ Голландіи, всякихъ сношеній съ французскими дипломатами. Во время этого путешествія Франція даже, какъ кажется, желала повредить Россіи. По крайней мѣрѣ Лефорть, во время пребыванія въ Голландіи, жаловался на интриги французскихъ дипломатовъ, распускавшихъ слухъ, будто Русскіе, находящіеся за границею, нуждаются въ деньгахъ и проч. За то немногимъ позже во Франціи появилась мысль о вступленіи въ близкую дипломатическую связь съ Московскимъ государствомъ.

Нарвская битва 1700 г. поставила Россію въ весьма неловкое положеніе. Положеніе русскихъ дипломатовъ въ Гагѣ, Вѣнѣ и проч.

было чрезвычайно затруднительное. Въ то время ожидали дальнѣйшаго торжества Карла XII и еще бѣльшаго униженія Россіи. Тѣмъ болѣе достойна вниманія мысль французскаго правительства завести дипломатическія сношенія съ Петромъ въ 1701 году.

По случаю пребыванія Петра въ Биржахъ, въ февралѣ 1701 года, туда же, по порученію французскаго правительства, отправился дю-Геронъ, французскій посланникъ при дворѣ Польскаго короля. 28-го февраля дю-Геронъ имѣлъ аудіенцію у Петра, о которой въ запискѣ ле-Драна сказано слѣдующее: Царь, выразивъ ему свое высокое уваженіе къ особѣ короля и свое искреннее желаніе соединиться тѣснѣйшими узами дружбы съ Людовикомъ XIV, присовокупилъ, что онъ проникнуть особымъ уваженіемъ къ геройскимъ доблестямъ его величества и всегда ставилъ себя его въ образецъ своей политики относительно управленія своимъ государствомъ (sic?); далѣе царь заявилъ, что нужно бы нѣсколько поумѣрить спѣсъ Генеральныхъ Штатовъ, желающихъ стоять наравнѣ съ первѣйшими государями и вмѣшиваться во всѣ европейскія дѣла. Затѣмъ Петромъ было выражено желаніе заключить торговый договоръ съ Франціей и предоставить ей тѣ же выгоды, которыми до того пользовались въ Россіи Англія и Голландія и проч.

Во всемъ этомъ разказѣ замѣтно, что онъ составленъ исключительно по французскимъ, оффиціальнымъ источникамъ; поэтому нельзя считать его вполне безпристрастнымъ. При всемъ томъ нельзя не считать вѣроятнымъ, что Петръ дѣйствительно въ то время желалъ сближенія съ Франціей, тѣмъ болѣе, что былъ весьма недоволенъ Голландіей. Изъ донесенія русскаго посланника въ Гагѣ Матвѣева мы знаемъ, что Генеральные Штаты, послѣ Нарвской битвы, относились къ Россіи весьма недружелюбно; имъ казалось нежелательнымъ развитіе силъ царя на Балтійскомъ морѣ. Поэтому царь легко могъ подумать о нѣкоторомъ сближеніи съ опаснѣйшимъ противникомъ Голландіи, Людовикомъ XIV.

Въ 1701 году однако, какъ кажется, не были приняты дальнѣйшія мѣры съ этою цѣлью. За то, какъ видно изъ донесенія дю-Герона, служившихъ источникомъ при составленіи записки ле-Драна, въ январѣ 1702 года Долгорукій, русскій посолъ въ Польшѣ, сообщилъ дю-Герону, что царь желаетъ войти въ союзъ съ Людовикомъ XIV, при чемъ русскій дипломатъ горько жаловался на образъ дѣйствій прежнихъ союзниковъ Россіи — Англіи, Голландіи и Польши. Долгорукій объяснялъ дю-Герону, что Людовикъ XIV легко можетъ по-

дорвать торговлю Голландцевъ отнятіемъ у нихъ возможности сношеній съ Балтійскимъ моремъ. „Царь“, говорилъ русскій дипломатъ,— „требуеть только одного, чтобы король доставилъ ему возможность завладѣть какимъ нибудь портомъ при Балтійскомъ морѣ, способствуя тому, чтобы война противъ Швеціи продолжалась, и заставивъ Польскую республику принять въ ней участіе; лишь только онъ будетъ обладать такимъ портомъ, то вскорѣ построить столько кораблей, что въ непродолжительномъ времени одни только подданные его и короля будутъ производить торговлю въ Балтійскомъ морѣ, другіе же народы будутъ устраны“.

Дю-Геронъ, впрочемъ, не ограничивался бесѣдами съ Долгорукимъ. Въ то время выступилъ на сцену, въ качествѣ русскаго дипломата, лифляндскій дворянинъ Паткуль; въ февралѣ 1702 года, онъ видѣлся съ дю-Герономъ и также старался выставить на видъ значительныя выгоды французско-русскаго союза, при чемъ, между прочимъ, замѣтилъ, что въ интересахъ короля было бы далеко не лишнимъ имѣть особаго представителя при царѣ.

Людвигъ XIV, по полученіи извѣстій объ этихъ переговорахъ, происходившихъ въ Варшавѣ, увѣдомилъ дю-Герона, что Паткуль извѣстенъ ему, какъ горячій сторонникъ императора, и что поэтому нужно дѣйствовать осторожно, не входить съ нимъ ни въ какія соглашенія и пр.

Какъ видно, не столько Людвигъ XIV, сколько Петръ желалъ союза между Россіей и Франціей. Въ августѣ 1702 года Паткуль опять появился въ Варшавѣ и чрезъ третье лицо сообщилъ дю-Герону, что царь искренно желаетъ заручиться дружбой Людовика XIV и можетъ быть полезенъ королю предоставленіемъ ему казаковъ для диверсій въ Трансильваніи. Далѣе Паткуль далъ понять дю-Герону что положеніе дѣлъ въ Польшѣ предвѣщаетъ революцію; если бы королю было угодно этимъ воспользоваться, возведя на престолъ польскій принца своего дома, то онъ въ состояніи оказать ему большую услугу и устроить это дѣло. И Паткуль, какъ прежде Долгорукій, сильно жаловался на Польшу, Голландію, Англію, императора Леопольда и даже на Бранденбургскаго курфюрста. Наконецъ, Паткуль прибавилъ еще, что Петръ охотно отправилъ бы, если нужно, въ помощь королю—русскія войска въ Италію, что онъ былъ бы въ состояніи дать Людовику XIV денегъ займы и проч.

Все это можетъ служить свидѣтельствомъ раздраженія Петра противъ своихъ союзниковъ и желанія его достигнуть во что бы то ни

стало желанной цѣли — занятія какой-либо гавани на Балтійскомъ морѣ. Въ этихъ жалобахъ на Голландію, на Августа, Леопольда I и Фридриха III, а также въ этихъ нѣсколько легкомысленныхъ и почти наивныхъ обѣщаніяхъ доставить Франціи и войско, и даже деньги, замѣтно характеризующіе ту эпоху дипломатическіе приемы, не гнушавшіеся никакими средствами для достиженія извѣстной цѣли. Достойнымъ представителемъ такого образа дѣйствія въ области дипломатіи былъ Паткуль.

Людвигъ XIV во всему этому отнесся лишь хладнокровно. дю-Геронъ на всѣ сдѣланныя предложенія Паткуля отвѣчалъ въ общихъ выраженіяхъ, ничѣмъ не связывая себя и даже указывая на нѣкоторыя затрудненія, которыхъ можно было ожидать при осуществленіи предложеній Московскаго правительства. При всемъ томъ, однако, дю-Геронъ далъ знать Паткулю, что Людвигъ XIV намѣренъ отправить въ Москву, для веденія переговоровъ о заключеніи союзнаго трактата, особаго посланника.

Очевидно, Петръ все болѣе и болѣе сталъ обращать на себя вниманіе французскаго правительства, получавшаго разные извѣстія о преобразованіяхъ царя и о его дальнѣйшихъ намѣреніяхъ. Чѣмъ болѣе онъ усилъ въ своихъ смѣлыхъ предначертаніяхъ, тѣмъ скорѣе Франція могла желать союза съ нимъ.

На этотъ счетъ особеннаго вниманія заслуживаетъ записка Бойссена „о преобразованіяхъ Московскаго царя“ (1702 г.). Этотъ документъ, составленный, какъ кажется, нарочно для французскаго правительства, включаетъ въ себѣ чрезвычайно любопытныя данныя о слухахъ, ходившихъ въ то время о Петрѣ Великомъ. До сихъ поръ онъ былъ совершенно неизвѣстенъ и впервые напечатанъ въ XXXIV томѣ Сборника. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, къ кому именно авторъ этого письма обращается въ своей запискѣ. Въ заключеніи упомянуто о какомъ-то „monsieur du H.“. Мы едва ли ошибемся, предположивъ тутъ дю-Герона. Характеръ и содержаніе этого письма напоминаетъ донесенія къ императору Леопольду Плейера, въ то время проживавшаго въ Москвѣ и также зорко слѣдившаго за важными перемѣнами, происходившими въ Россіи. Какъ видно изъ письма Бойссена, отъ дѣйствій Петра ожидали чрезвычайно важныхъ результатовъ. Бойссенъ пишетъ, между прочимъ: „Царь рѣшился ввести въ своемъ государствѣ всѣ хорошіе порядки и законы, которые онъ, какъ второй Улиссъ, видѣлъ и наблюдалъ во время своего путешествія по большей части Европы. Онъ хочетъ: 1) Устроить по образцу прочихъ ино-

странныхъ дворовъ дворъ и домъ царевича, своего сына, который скоро долженъ будетъ отправиться путешествовать подъ надзоромъ опытныхъ наставниковъ, учителей и офицеровъ. 2) Привести въ лучшее состояніе войско, пригласивъ къ себѣ на службу иностранныхъ генераловъ и офицеровъ и купивъ, если будетъ можно, нѣсколько иностранныхъ полковъ. Онъ дастъ военнымъ офицерамъ натурою то же жалованье, которое король Польскій даетъ своимъ германскими талерами. Кромѣ того, каждый полковникъ получитъ еще помѣстья. Гостинницы для проезжающихъ, зимнія квартиры и помѣщенія для инвалидовъ будутъ въ порядкѣ; припасы тамъ на половину дешевле, чѣмъ въ Германіи. 3) Учредить полицію посредствомъ хорошихъ законовъ, указовъ и уставовъ, которые онъ намѣренъ ввести и обнародовать относительно полиціи, правъ наслѣдства и прочаго гражданскаго и уголовнаго судопроизводства. 4) Поощрять развитіе торговли на морѣ и на сушѣ, предоставляя . . . и даже выдавая впередъ деньги иностраннымъ купцамъ, которые пожелаютъ основаться въ его государствѣ. 5) Ввести ученіе и занятія въ университетахъ, академіяхъ и прочихъ училищахъ. 6) Привлечь въ свое государство художниковъ и ремесленниковъ: живописцевъ, архитекторовъ, граверовъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ, учителей танцевъ и другихъ искусствъ, шляпниковъ, вязальщиковъ чулокъ нитяныхъ и шелковыхъ, ткачей, садовниковъ, словомъ, всякаго рода людей, свѣдущихъ въ ремеслахъ и фабричномъ дѣлѣ. Онъ повелѣлъ содержать ихъ на его счетъ во время пути по его государству и хорошо ихъ принимать, и предоставляетъ каждому изъ нихъ свободу совѣсти, большое жалованье и другія выгоды. 7) Преобразовать канцеляріи и установить придворныя церемоніи для пословъ, князей, графовъ, дворянъ и кавалеровъ ордеповъ, которые онъ хочетъ учредить по примѣру другихъ государей. 8) Вступать въ союзъ съ иностранными державами, дабы имѣть большое участіе въ общественныхъ дѣлахъ Европы. Наконецъ его величество царь, какъ монархъ просвѣщенный и заботливый отецъ отечества, дѣлаетъ все, что можетъ, какъ и для того, чтобы прославиться, такъ и для того, чтобы образовать свой народъ и населить свое государство. Весьма много лицъ уже отправилось туда, особенно художниковъ изъ Богеміи, которые почти понимаютъ московскій языкъ, и за ними скоро послѣдуетъ съ разныхъ сторонъ значительное число Французовъ и Голландцевъ. Увѣряютъ, что его императорское величество весьма желаетъ союза съ его величествомъ царемъ. Даже говорятъ, что, быть можетъ, состоится бракъ между молодымъ царе-

вичемъ и австрійскою эрцгерцогинею, и что къ веснѣ императоръ отправитъ посланника къ московскому двору. Папа падѣтся, что при этомъ случаѣ можно будетъ наконецъ соединить греческую церковь съ церковью латинскою, къ чему нѣсколько разъ были дѣлаемы тщетныя попытки, особенно на Флорентинскомъ соборѣ. Говорятъ, что Пиньятели, нунцій въ Польшѣ, долженъ въ томъ же званіи отправиться въ Московію; но это еще требуетъ подтвержденія. Впрочемъ, относительно нашего московскаго дѣла позвольте мнѣ сослаться на мое предыдущее письмо, при чемъ покорнѣйше прошу васъ отвѣчать мнѣ нѣсколькими словами на имя лицъ, которыхъ г. дю-Г. вамъ укажетъ¹⁾ и пр. ¹⁾).

Къ 1703 году относится пребываніе въ Москвѣ французскаго дипломатическаго агента Балюза. Объ этомъ фактѣ были извѣстны нынѣ лишь немногія данныя, заимствованныя Соловьевымъ изъ Московскаго архива, и нѣкоторыя довольно любопытныя замѣчанія въ донесеніяхъ австрійскаго дипломатическаго агента Плейера, находящихся въ Вѣнскомъ архивѣ и изданныхъ Устряловымъ. Тѣмъ важнѣе оказывается цѣлый рядъ документовъ, относящихся къ дипломатической дѣятельности Балюза въ Россіи и помѣщенныхъ въ XXXIV-мъ томѣ Сборника Историческаго Общества.

Извѣстія, полученныя Людовикомъ XIV отъ дю-Герона, побудили французское правительство отправить въ Москву посланника съ цѣлью узнать точно, на сколько можно было считать вполнѣ искренними заявленія Петра о его готовности сблизиться съ Франціей. Этотъ посланникъ Балюзъ (Baluze), до отъѣзда въ Москву долженъ былъ въ Варшавѣ получить отъ дю-Герона всѣ свѣдѣнія, необходимыя для успѣха его миссіи. Къ тому же ему была дана инструкція, уполномочивавшая его заключить договоръ о вѣчномъ союзѣ. Этотъ документъ цѣликомъ напечатанъ въ Сборникѣ.

Тутъ прежде всего говорится о неоднократно выраженной царемъ готовности вступить въ близкія сношенія съ Франціей, при чемъ однако прибавлено, что „успѣхъ предложеній самъ по себѣ кажется сомнительнымъ, и предлагающій ихъ можетъ казаться подозрительнымъ“. Балюзу было вмѣнено въ обязанность обратить вниманіе царя на коварство императора, курфюрста Бранденбургскаго, Англіи

¹⁾ Къ сожалѣнію, издатели этихъ документовъ не касаются вопроса о томъ, къ кому писано это донесеніе. Не нашлось ли въ архивѣ и то „предыдущее письмо“, о которомъ говоритъ авторъ этого донесенія.

и Голландіи, на недобросовѣстность образа дѣйствій этихъ державъ въ отношеніи къ Московскому государству съ тѣхъ поръ, какъ началась Сѣверная война. За то Балюзъ долженъ былъ увѣрить Петра въ томъ, что „во всей Европѣ извѣстно вниманіе его величества (Людовика XIV) къ выгодамъ своихъ союзниковъ, и если царь когда-либо будетъ въ ихъ числѣ, то онъ испытаетъ пользу этого“. Затѣмъ Балюзъ, въ случаѣ успѣха своихъ дѣйствій, долженъ былъ требовать, вопервыхъ, чтобы царь сдѣлалъ диверсію въ Трансильваніи, при помощи казаковъ, а во вторыя, чтобы онъ ссудилъ королю деньги. Балюзъ долженъ былъ совѣтовать Петру заключить какъ можно скорѣе миръ со Швеціей, при чемъ король былъ готовъ принять на себя посредничество. Наконецъ, Балюзъ долженъ былъ предложить заключеніе торговаго договора. Достойно вниманія окончаніе инструкціи, свидѣтельствующее о томъ, въ какой степени мало извѣстна была въ то время Россія, и въ какой мѣрѣ именно въ эти годы усиливалось на Западѣ желаніе узнать подробнѣе о ея состояніи. „Къ кому (Балюзу) слѣдуетъ точно извѣстить его величество о качествахъ ума великаго князя Московскаго, объ образѣ его управленія, о власти, которую онъ имѣетъ надъ своими подданными, о его силахъ какъ на сушѣ, такъ и на морѣ, о его стараніи къ ихъ увеличенію, о его доходахъ, о его семьѣ, о торговлѣ и о способностяхъ его подданныхъ, о значеніи, сохраняемомъ вельможами этой страны, и объ ихъ расположеніи къ царю. Г. Балюзъ извѣститъ его величество, представляется ли ему эта страна спокойною, или же думаютъ, что она можетъ быть подвержена новымъ смутамъ. Наконецъ, онъ долженъ дать точный отчетъ обо всемъ достойномъ вниманія его величества въ странѣ столь отдаленной, съ которою до сихъ поръ его величество имѣлъ такъ мало сношеній. — Также необходимо, чтобы онъ осведомился о дѣйствительномъ протяженіи владѣній царя, о ихъ границахъ къ востоку, о войнахъ, которыя тамъ могутъ происходить, и о торговлѣ этого государства съ Индією“.

Инструкція Балюзу помѣчена 28-мъ сентября 1702 г. Онъ выѣхалъ изъ Варшавы 8-го декабря въ качествѣ чрезвычайнаго французскаго посланника, но въ Москву пріѣхалъ лишь 24-го марта 1703 г. Къ сожалѣнію, первыя донесенія его къ королю, отправленныя изъ Россіи, не были получены королемъ и могутъ считаться невозвратно потерянными. Первая депеша Балюза, напечатанная въ XXXIV т. Сборника, помѣчена 3-мъ октября 1703 г. Тутъ онъ

вкратцѣ повторять содержаніе прежнихъ своихъ донесеній, о которыхъ узналъ, что они не дошли по назначенію.

Какъ видно изъ этого донесенія, приемъ, оказанный Балюзу въ Москвѣ, не отличался радушіемъ и предупредительностью. Французскому дипломату было отказано въ требуемой имъ публичной аудіенціи. Когда онъ согласился удовольствоваться, такъ-сказать, частною аудіенціей, ему отказывали сначала въ особомъ и роскошномъ экипажѣ, требуя, чтобъ онъ поѣхалъ въ саняхъ Головина къ послѣднему, у котораго и долженъ былъ встрѣтиться съ царемъ. „Настоятельность моихъ требованій“, пишетъ Балюзъ „продолжавшихся два часа, заставила подать мнѣ большія золоченныя сани, обитыя бархатомъ, заложеныя сѣрыми въ яблкахъ лошадыи и покрытыя изъ малиноваго бархата на соболѣ полостью съ золотою бахромой“ и пр. Затѣмъ, и словесно и письменно было объявлено Балюзу, что приемъ его безъ церемоній нисколько не повредитъ на будущее время равенству, которое царь желаетъ ввести при приемѣ и въ содержаніи французскаго и Вѣнскаго пословъ.

Быть можетъ, такая безцеремонность приема объясняется отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что Петръ, тотчасъ же послѣ аудіенціи, долженъ былъ ѣхать къ арміи. Какъ бы то ни было, нѣсколько неудачное начало пребыванія Балюза въ Россіи не можетъ считаться дѣломъ случая. Плейеръ, весьма недовольный пріѣздомъ французскаго дипломата въ Москву, былъ очень радъ чрезвычайно скромной, чуть ли не жалкой роли, которую игралъ Балюзъ. Его нигдѣ не видѣли, не замѣчали. Онъ оставался на заднемъ планѣ, жилъ въ Москвѣ какъ бы въ качествѣ частнаго лица и нисколько не успѣвалъ въ порученномъ ему дѣлѣ. И изъ краткихъ замѣчаній въ „Исторіи Россіи“ Соловьева и изъ донесеній Балюза видно, что русское правительство вовсе не желало брать на себя какія-либо обязательства предъ Франціей. Въ противоположность къ обѣщаніямъ, сдѣланнымъ со стороны русскихъ дипломатовъ дю-Герону въ 1702 году, Головинъ объявилъ Балюзу, что царь не можетъ „отнять торговлю“ у Голландцевъ и Англичанъ, не нанеся тѣмъ вреда своимъ подданнымъ и доходамъ.

При краткомъ воспроизведеніи содержанія другихъ своихъ донесеній, не полученныхъ королемъ, Балюзъ говоритъ о необходимости поднести царю какой-либо подарокъ, жалуется на дороговизну въ Москвѣ всѣхъ предметовъ роскоши, намекаетъ на выгоду назначенія какихъ-либо подарковъ Меншикову и Головину, сообщаетъ нѣкоторыя дѣла о состояніи католической церкви въ Москвѣ и пр. Изъ

другихъ замѣчаній, сдѣланныхъ въ донесеніяхъ Балюза, достойны вниманія, между прочимъ, слѣдующія: „Царь остался бы очень доволенъ, если бы я могъ поднести ему въ подарокъ рисунки нѣкоторыхъ самыхъ главныхъ кораблей флота вашего величества, съ опредѣленіемъ ихъ величпы, размѣровъ, вмѣстительности и количества пушекъ, а также рисунки галеръ и галіотовъ, вооруженныхъ мортирами“. О Паткулѣ, называемомъ въ депешахъ Балюза не иначе, какъ „Pasqu“, сказано, „Онъ высказывалъ мнѣ, что былъ бы весьма доволенъ доказать вашему величеству свое усердіе къ вашей службѣ, считая это вполне совмѣстнымъ со службой царю, своему государю, если бы вамъ угодно было употребить его при заключеніи мира между этимъ государствомъ и Швеціей, въ случаѣ принятія вашимъ величествомъ посредничества въ этомъ дѣлѣ. Онъ, кажется, желалъ бы составить третій союзъ, въ которомъ бы участвовали царь и король датскій и польскій, и не сомнѣвается въ томъ, что дворъ этотъ согласится на посредничество вашего величества, если только оно будетъ принято и королемъ шведскимъ“ и пр. Какъ видно, Паткулъ и въ бесѣдахъ съ Балюзомъ оставался вѣрнъ своему характеру дипломата-авантюриста, постоянно занятаго составленіемъ новыхъ и смѣлыхъ проектовъ, и искавшаго все новыхъ и новыхъ комбинацій для поддержанія своихъ интересовъ, не всегда и даже лишь въ видѣ исключенія совпадавшихъ съ выгодами тѣхъ государей, въ службѣ которыхъ онъ находился.

Людовикъ XIV былъ недоволенъ холодностью русскаго правительства въ обращеніи съ Балюзомъ. Пробывъ около года въ Москвѣ, французскій дипломатъ не достигъ тамъ ни малѣйшаго успѣха; переговоры его съ Головинымъ ограничивались, какъ кажется, общими фразами. Со стороны Россіи было высказано желаніе, чтобы Балюзъ объяснилъ сперва точнѣе намѣренія короля, между тѣмъ какъ Франція требовала, чтобы русское правительство прежде всего заявило о своихъ желаніяхъ. Такимъ образомъ обѣ стороны мѣшали успѣху дѣла, очевидно не считавшагося ни Петромъ, ни Людовикомъ особенно важнымъ. Уже лѣтомъ 1703 года, король въ письмѣ къ Балюзу замѣтилъ: „Такъ какъ, посылая васъ, мое намѣреніе было отвѣчать на готовность, выказанную царемъ для вступленія въ сношенія со мною, а между тѣмъ я не вижу, чтобы онъ оставался въ томъ же расположеніи, совершенно было бы бесполезно ваше дальнѣйшее пребываніе въ Москвѣ. Также ничто не обязываетъ васъ сопровождать этого государя при отъѣздѣ его въ армію,

а потому мое желаніе заключается въ томъ, чтобы вы не теряли времени для возвращенія въ Польшу“ и пр.

Маркизь Торси писалъ Балюзу 5-го октября, повторяя приказаніе о скорѣйшемъ возвращеніи въ Варшаву. Однако, такого рода приказанія, очевидно, приводились въ исполненіе въ то время чрезвычайно медленно. Въ началѣ 1704 года Балюзъ все еще находился въ Москвѣ, и маркизь Торси, въ письмѣ отъ 3-го января, еще разъ повторилъ прежнее приказаніе Балюзу ѣхать въ Польшу.

Въ запискѣ, составленной Балюзомъ въ Варшавѣ и помѣченной 29-мъ августа 1704 г., мы встрѣчаемъ объясненіе тому, отчего Балюзъ медлилъ выѣздомъ изъ Россіи. Тутъ сказано между прочимъ: „По возвращеніи царя въ Москву въ ноябрѣ, Головинъ тотчасъ же навѣстилъ меня, чтобы узнать, не получилъ ли я какихъ-либо повелѣній отъ вашего величества. Онъ былъ крайне удивленъ, когда я сказалъ ему, что такъ какъ царь не хотѣлъ меня удостоить предложеніемъ условій союзнаго трактата, то это дало нашему величеству поводъ предполагать, что мысли царя измѣнились, и потому ваше величество повелѣли мнѣ испросить прощальную аудіенцію и возвратиться въ Польшу. Вслѣдъ затѣмъ я просилъ его устроить мой отъѣздъ по возможности скорѣе. Министръ этотъ, повидимому, старался скрыть смущеніе, въ которое привелъ его мой отвѣтъ, и спросилъ меня: не могу ли я отложить своего выѣзда до возвращенія курьера, котораго царь пошлетъ во Францію; я отвѣчалъ, что это не въ моей власти... каждый день отыскивали какую-нибудь причину отложить мой отъѣздъ, между тѣмъ какъ самое удобное время для путешествія проходило... Наконецъ придумали прислать мнѣ записку, въ которой было выражено желаніе царя, чтобы я остался еще на нѣкоторое время при его дворѣ для занятія дѣлами, весьма полезными для обоихъ государствъ... Многократныя и настойчивыя требованія мои наконецъ подѣйствовали“ и пр. Прощальная аудіенція происходила также въ квартирѣ Головина; при этомъ царь пилъ за здоровье Людовика XIV, и Головинъ и Балюзъ выразили надежду, что въ будущемъ государи заключатъ между собою дружественный союзъ.

Такимъ образомъ окончилось въ сущности совершенно бесполезное пребываніе Балюза въ Москвѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что пока ни Франція, ни даже Россія не видѣли пользы въ сближеніи другъ съ другомъ. До Полтавской битвы Россія не пользовалась уваженіемъ въ

Европѣ. Тогда еще нельзя было предвидѣть, что скоро она займетъ мѣсто первоклассной державы.

Безплодному пребыванію Балюза въ Москвѣ въ 1703 году соотвѣтствовало столько же безуспѣшное путешествіе Матвѣева во Францію въ 1705 году.

Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ принадлежалъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ дипломатовъ того времени. До отправления во Францію онъ уже нѣсколько лѣтъ провелъ въ Голландіи въ качествѣ русскаго посланника. Въ то время, когда Петръ, занявъ Дерптъ и Нарву, Шлюссельбургъ и Нѣншпанцъ и заложивъ Петербургъ, мечталъ о заключеніи мира съ Карломъ XII, Россія нуждалась въ посредничествѣ одной изъ западно-европейскихъ державъ. Всѣ попытки склонить императора, Голландію, Англию и пр. къ обезпеченію интересовъ Россіи оказывались тщетными. За то естественно возникала мысль о возобновленіи сношеній съ Франціей. Къ тому же во Франціи въ то время находилось уже съ цѣлью ученія морскому дѣлу нѣкоторое число Русскихъ; въ Парижѣ жилъ тогда какъ бы политическимъ наблюдателемъ Постниковъ. Изъ переговоровъ съ дю-Герономъ и Балюзомъ, мы видѣли уже, что Петръ сильнѣе, чѣмъ Людовикъ XIV, желалъ сближенія между обоими государствами. Поэтому нельзя удивляться появленію мысли объ отпращиваніи Матвѣева въ Парижъ.

О частностяхъ пребыванія Матвѣева во Франціи мы знали пока главнымъ образомъ по двумъ источникамъ. Весьма замѣчательнымъ памятникомъ въ этомъ отношеніи служили путевыя замѣтки самого Матвѣева, напечатанныя въ извлеченіи П. П. Пекарскимъ (Современникъ 1856 г., II, 39—66). Изъ этихъ записокъ мы узнаемъ, какое глубокое впечатлѣніе произвели французскіе нравы и обычаи на Андрея Артамоновича, въ какой мѣрѣ общественный строй, утонченность пріемовъ общежитія, роскошь и прелесть салонной жизни сдѣлались школою для русскаго дипломата-туриста. О политическихъ дѣлахъ, о ходѣ переговоровъ Матвѣева съ французскимъ правительствомъ, въ этихъ запискахъ не говорится ни слова. По этому вопросу весьма важныя данныя встрѣчаются въ „Исторіи Россіи“ Соловьева, воспользовавшагося документами Московскаго архива. Понятно, что изданные нынѣ документы изъ французскихъ архивовъ значительно дополняютъ наши свѣдѣнія о ходѣ дипломатической миссіи Матвѣева въ Парижъ.

Спеціальною задачею Матвѣева при отпращиваніи въ Парижъ было

требованіе возвращенія нѣкоторыхъ русскихъ кораблей, взятыхъ французскими каперами. Эта цѣль не была достигнута. Французское правительство объявило, что не можетъ исполнить желанія царя. По прїѣздѣ въ Парижъ Матвѣевъ въ подробномъ меморіалѣ изложилъ все дѣло относительно взятыхъ кораблей, при чемъ указалъ на увѣренія французскаго правительства въ расположеніи къ Россіи и въ склонности къ заключенію союзнаго договора. Этотъ меморіалъ помѣченъ 19-мъ ноября 1705 г. и цѣликомъ напечатанъ въ XXXIV томѣ Сборника. Какъ на этотъ эпизодъ смотрѣло французское правительство, мы узнаемъ изъ письма Поншартрена къ де-Торси отъ 25-го ноября. Указывая на нѣкоторыя частности факта, оправдывавшія образъ дѣйствій французскихъ каперовъ, Поншартренъ замѣчаетъ: „Такъ какъ эти корабли проданы и вырученныя за нихъ деньги давно раздѣлены между частными каперами, то, хотя бы настоящее требованіе и было болѣе справедливо, чѣмъ оно есть въ дѣйствительности, весьма трудно, чтобы не сказать болѣе, обратно получить отъ нихъ эти деньги“. Матвѣевъ былъ весьма недоволенъ французскими сановниками, съ которыми имѣлъ дѣло, и жаловался на нихъ въ своихъ донесеніяхъ царю Петру. Самъ же онъ въ Парижѣ произвелъ довольно благоприятное впечатлѣніе. Д'Ибервиль, послѣ двухъ часоваго разговора съ Матвѣевымъ, писалъ 14-го ноября 1705 г. „Я нашелъ въ этомъ посланникѣ гораздо болѣе ума, знанія европейскихъ дѣлъ и вѣжливости, чѣмъ того ожидалъ... онъ уже понимаетъ французскій языкъ, когда читаетъ, и собирается провести во Франціи довольно много времени, чтобы научиться говорить“.

Изъ этого письма мы узнаемъ, между прочимъ, что во Франціи въ то время были убѣждены въ ненависти Петра ко Франціи. Стараюсь разсвѣять такія предубѣжденія, Матвѣевъ замѣтилъ, что если бы при дворѣ французскомъ и при дворѣ московскомъ находились бы уполномоченные министры съ той или другой стороны, то не впади бы въ ошибку, которая повредила выгодамъ обѣихъ державъ. Въ бесѣдѣ Матвѣева съ д'Ибервилемъ была рѣчь о „предосудительномъ поведеніи и гнусномъ корыстолюбіи нѣкоторыхъ московскихъ пословъ или посланниковъ“. Матвѣевъ охотно выслушалъ нѣкоторыя подробности, очевидно, относившіяся къ пребыванію во Франціи Долгорукаго и его товарищей въ 1687 году, и замѣтилъ, что этихъ лицъ строго накажутъ. Въ доказательство расположенія Петра къ Франціи Матвѣевъ указалъ на два обстоятельства: воцервыхъ, когда онъ былъ

въ Голландіи посланникомъ, то при проѣздѣ эрцгерцога ¹⁾ онъ, по особому повелѣнію своего государя, уклонялся отъ свиданія съ нимъ и отъ признанія его Испанскимъ королемъ, не смотря на убѣдительныя о томъ просьбы, и даже зашелъ такъ далеко, что нарочно постарался встрѣтиться съ нимъ на улицѣ, прошелъ мимо него, не останавливаясь, и только поклонился ему, снявъ шляпу; вовторыхъ, послѣ объявленія войны ²⁾ онъ, по особому повелѣнію, сообщилъ королю Вильгельму, что царь хочетъ остаться нейтральнымъ; затѣмъ Матвѣевъ сказалъ д'Ибервилю, что французскія вина очень цѣнятся въ Московіи, и что тамъ ихъ потребляется много и пр.

Изъ другихъ сообщеній, сдѣланныхъ Матвѣевымъ д'Ибервилю, достойны вниманія слѣдующія: Онъ отзывался съ большимъ презрѣніемъ о покойномъ генералѣ Лефортѣ и называлъ его пьяницей, не имѣвшимъ другого достоинства, кромѣ того, что хорошо пилъ, и тѣмъ не менѣе, однако, любимымъ его государемъ, не смотря на всѣ свои недостатки, потому что всегда былъ къ нему очень привязанъ. Рассказывая нѣкоторыя подробности изъ жизни своего отца, Матвѣевъ замѣтилъ, что отецъ его пользовался довѣренностью Петра, „потому что царь сынъ благородной дѣвицы, приѣмной дочери по обычаю ихъ страны его покойнаго отца, на которой царь Алексѣй, уже будучи не молодъ, женился за рѣдкія ея качества“.

Въ своей запискѣ объ отношеніяхъ Франціи къ Россіи, составленной въ 1726 году, ле-Дранъ замѣчаетъ о пребываніи въ Парижѣ Матвѣева, что Людовикъ XIV поручилъ вести переговоры съ нимъ совѣтнику д'Агюссо, но что возгорѣвшаяся, еще въ началѣ столѣтія, во всѣхъ частяхъ Европы война до того шла въ разладъ съ интересами обѣихъ сторонъ, что до заключенія мира нельзя было думать о сближеніи между Россіей и Франціей. Такимъ образомъ пребываніе Матвѣева во Франціи кончилось лишь тѣмъ, что русскій дипломатъ взялъ съ собою письмо короля Людовика къ царю Петру, въ которомъ первый въ общихъ терминахъ говорилъ о своемъ расположеніи къ Россіи. Воспроизводя довольно подробно содержаніе ноты де-Торси, въ которой говорилось объ условіяхъ морского сообщенія между Россіей и Франціей, ле-Дранъ замѣчаетъ: „Людовикъ XIV не счелъ тогда нужнымъ принимать на себя болѣшихъ обязательствъ относительно царя, такъ какъ Русскіе въ то время не обладали еще

¹⁾ Карла, впоследствии императора Карла VI.

²⁾ За Испанское наслѣдство.

ни одной гаванью при Балтійскомъ морѣ, и Архангельскій портъ служилъ для Французовъ единственнымъ морскимъ путемъ въ ихъ страну“.

Въ 1705 году нельзя было утверждать навѣрное, что Россія не имѣла гавани на Балтійскомъ морѣ, такъ какъ уже въ 1703 году былъ заложенъ Петербургъ, а въ слѣдующемъ была взята Нарва. Но дѣло въ томъ, что на Западѣ до окончательной развязки подъ Полтавою не считали прочными успѣхи русскаго оружія. Все это измѣнилось въ 1709 году, и тогда Франція возобновила прежнія старанія сблизиться съ Петромъ.

Ле-Дранъ пишетъ: „Однимъ изъ послѣдствій одержанной царемъ, въ іюль 1709 г., Полтавской побѣды надъ Шведами, было полное подчиненіе его власти Ингрии, Ливоніи и Кареліи. Повидимому, царь хотѣлъ воспользоваться этими новыми приобрѣтеніями при Балтійскомъ морѣ, чтобы въ короткое время создать значительный флотъ и отовсюду привлечь чужеземныхъ купцовъ къ портамъ этихъ земель; онъ повелъ это дѣло съ такимъ усердіемъ, что вскорѣ достигъ цѣли: возрастающее его могущество обратило на себя вниманіе Европы, и Людовикъ XIV пришелъ къ убѣжденію, что при такомъ положеніи дѣлъ не слѣдовало пренебрегать союзомъ съ этимъ государемъ, власть котораго усиливалась съ каждымъ днемъ. Его Величеству было извѣстно, что, не смотря на полную побѣду, одержанную царемъ надъ Шведами, онъ былъ бы не прочь заключить миръ съ Шведскимъ королемъ Карломъ XII, геній котораго, не пошатнувшійся подъ ударомъ бѣдствій, могъ сильно озабочивать своихъ враговъ; а также и Шведскій король съ своей стороны передалъ г. Дезаллеру, при проѣздѣ его чрезъ Вендеры въ Константинополь, куда онъ отправился въ качествѣ посланника при Оттоманской Портѣ, что его величество доставитъ ему живѣйшее удовольствіе, способствуя заключенію мира между нимъ и царемъ. Примиреніе обоихъ государей могло бы быть весьма выгодно для Франціи, если бы вслѣдъ затѣмъ они стали дружно дѣйствовать въ пользу всеобщаго мира, заключеніе котораго составляло завѣтную цѣль, къ которой стремился король. Его величество воспользовался этимъ предлогомъ, чтобы отправить, въ 1710 г., отъ себя министра къ русскому царю. На этотъ постъ былъ назначенъ г. Балюзъ, бывшій уже въ 1703 г. чрезвычайнымъ посланникомъ въ Москвѣ и теперь снова удостоившійся этой чести“.

Чрезвычайно любопытна слѣдующая оцѣнка значенія Россіи послѣ Полтавской битвы въ „Запискѣ о предполагаемыхъ переговорахъ

для пользы службы короля“, составленной въ 1710 году. Тутъ сказано въ введеніи: „Царь совершилъ завоеванія, доставившія ему владычество надъ Балтійскимъ моремъ, а положеніе этихъ земель такъ облегчаетъ оборону ихъ для Московскаго государства, что всѣ сосѣднія державы не въ состояніи принудить его къ возвращенію ихъ Швеціи. Царь выказываетъ свое честолюбіе стараніемъ приученія своихъ войскъ къ войнѣ и къ дисциплинѣ, обученіемъ и просвѣщеніемъ своего народа, привлеченіемъ къ себѣ иностранныхъ офицеровъ и всякаго рода свѣдущихъ людей. Подобный образъ дѣйствій и возрастаніе его могущества, самаго величайшаго во всей Европѣ, дѣлаютъ его грознымъ для его сосѣдей, и возбуждаютъ при этомъ весьма основательную зависть въ императорѣ и въ морскихъ державахъ; его земли обильно доставляютъ все нужное для мореплаванія; его гавани могутъ вмѣщать безконечное множество кораблей. Ему желательно, чтобъ его подданные торговали во всей Европѣ, что все не согласно съ интересами Англии и Голландіи, желающихъ оставаться поставщиками товаровъ всѣхъ народовъ и вести однимъ всемірную торговлю“. „Эти обстоятельства“, сказано далѣе, „заставляютъ короля возобновить дипломатическія сношенія съ Московскимъ государствомъ, предложить царю заключеніе торговаго договора и посредничество для возстановленія мира между царемъ и Шведіею“. Достоинство вниманія и заключеніе записки: „Если царь станетъ жаловаться на наше пренебреженіе къ нему и на то, что его послы во Франціи испытали обиды, можно ему отвѣтить, что Московское государство хорошо узнали лишь съ тѣхъ поръ, какъ государь, нынѣ тамъ царствующій, своими великими дѣлами и личными качествами приобрѣлъ себѣ уваженіе другихъ народовъ, и побуждаемый его доброю славой, его христіаннѣйшее величество чистосердечно предлагаетъ ему свою дружбу. Кардиналъ Ришелье отклонилъ Густава-Адоल्фа отъ завоеванія Ливоніи, для униженія могущества австрійскаго дома; было бы весьма важно въ настоящемъ положеніи дѣлъ отклонить царя отъ завоеванія тѣхъ же областей для той же цѣли“. Во второй запискѣ по тому же предмету (стр. 422 — 424) еще подробнѣе указано на условія чрезвычайнаго могущества Московскаго царя; авторъ приходитъ къ заключенію, что „царю нечего бояться со стороны Швеціи и ея союзниковъ, что король Августъ утвердится въ Польшѣ съ помощію этого государя и что оба государства вмѣстѣ смогутъ поддержать недовольныхъ въ Венгріи и причинить много тревогъ императору“. Затѣмъ говорится, что нужно предложить царю

принять посредничество Франціи для мира, а въ случаѣ отказа со стороны враговъ стать во главѣ лиги, которую можно составить на сѣверѣ; далѣе сказано, что не мѣшаетъ похвалить царя, великіе планы котораго извѣстны, предложивъ ему услуги короля для получения согласія отъ султана на проходъ его кораблей въ Средиземное море изъ Чернаго и проч.

Какъ видно, всѣ эти соображенія были результатомъ Полтавской битвы. Обѣ записки составлены были уже въ 1710 году. Лѣтомъ этого же года была написана инструкція Балюзу (24-го іюля 1710 г.). Содержаніе этого документа слѣдующее: Можно разчитывать на готовность Швеціи и Россіи принять посредничество для заключенія мира между обѣими державами, при чемъ можно надѣяться на содѣйствіе въ будущемъ царя и Карла XII при заключеніи общаго мира, пользуясь раздраженіемъ царя по поводу образа дѣйствій Англіи, Голландіи и императора. Балюзу долженъ узнать, на какія обязательства въ отношеніи къ Франціи согласится царь. Въ заключеніе говорится подробно объ образѣ дѣйствій противниковъ Людовика XIV по случаю начавшихся не задолго до того переговоровъ о мирѣ, а также о возможности склонить царя къ доставленію Баварскому курфюрсту войска и денегъ, необходимыхъ для веденія войны въ Венгріи. Балюзу долженъ навести царя на мысль посадить царевича Алексѣя на венгерскій престолъ. Во всякомъ случаѣ нужно уговорить Петра назначить министра для отправленія его во Францію. Въ заключеніе Балюзу вмѣняется въ обязанность по возможности обращаться прямо къ царю, такъ какъ „Меншиковъ, какъ извѣстно, волюнъ расположенъ ко врагамъ короля“.

Во второй половинѣ 1710 года французское правительство зорко слѣдило за ходомъ дѣлъ на сѣверо-востокѣ Европы. Министръ Торси сообщалъ Балюзу, находившемуся въ то время въ Польшѣ, разныя извѣстія о состояніи дѣлъ въ Испаніи, о слухахъ относительно намѣренія Карла скорѣе возвратиться въ Швецію и проч. Между тѣмъ случился разладъ между Россіей и Оттоманскою Портою. Въ своемъ письмѣ отъ 12-го февраля 1711 года Торси жалуется на то, что „враги Франціи ложно приписываютъ ей причины войны, которую Турки объявили Русскимъ“, и обращаетъ вниманіе Балюза на то, что эта война скорѣе можетъ считаться результатомъ коварства Австріи. Въ февралѣ же и самъ король писалъ Балюзу, предписывая ему спѣшить свиданіемъ съ царемъ для разсѣянія слуха объ интригахъ Франціи въ Константинополѣ.

Вскорѣ послѣ этого скончался императоръ Іосифъ I. Торси писалъ по поводу этого случая 3-го мая 1711 года: „Это важное событіе дастъ дѣламъ совершенно новый оборотъ. Нечего думать болѣе Шведскому королю о веденіи теперь войны съ Московскимъ государствомъ, такъ какъ германскія дѣла должны его вполнѣ занимать, а слѣдовательно онъ долженъ желать найти средства къ заключенію мира съ царемъ, выгоднаго какъ для того, такъ и для другого. Такимъ образомъ посредничество, которое поручено вамъ предложить царю со стороны короля, должно быть пріятнымъ для него предложеніемъ, и вы будете при царскомъ дворѣ въ такое время, когда государь, подобный ему, привыкшій держаться благородныхъ и возвышенныхъ чувствъ, вѣроятно будетъ очень радъ съ вами ихъ раздѣлить и вполнѣ принять мѣры вмѣстѣ съ его величествомъ. Желательно, чтобъ въ ожиданіи сего онъ доставилъ бы венгерскимъ конфедератамъ помощь, надѣяться на которую онъ далъ имъ основанія. Еслибы онъ возложилъ корону этого государства на главу своего союзника, короля Августа, онъ увеличилъ бы свою славу, и это было бы исходомъ весьма удачнымъ для устраненія главнаго затрудненія при заключеніи договора съ Шведскимъ королемъ; потому что съ утвержденіемъ короля Августа на престолѣ Венгріи, слѣдовало бы царю согласиться на доставленіе польскаго престола королю Станиславу“.

Таково было положеніе дѣлъ, когда наконецъ весною 1711 года Балюзъ долженъ былъ встрѣтиться съ Петромъ въ Галиціи. Это свиданіе происходило въ Яворовѣ, гдѣ царь оставался нѣкоторое время на пути къ Турціи.

Пріемъ, оказанный Балюзу Петромъ и его министрами, Шафировымъ и Головкинымъ, не отличался особенною предупредительностью. И царь, и сановники его, какъ казалось Балюзу, оставались въ убѣжденіи, что турецкая война была выгодна для Людовика XIV. Въ подробномъ донесеніи объ аудіенціи у царя и о бесѣдахъ съ министрами его, Балюзъ жаловался на несоблюденіе со стороны русскихъ вельможъ нѣкоторыхъ частностей церемоніала. На предложеніе посредничества Людовика XIV для примиренія Петра съ Карломъ XII, царь и его министры отвѣчали указаніемъ на „гордость и упорство“ Шведскаго короля, служащія непреодолимымъ препятствіемъ заключенія мира безъ самаго энергичнаго со стороны Россіи продолженія военныхъ дѣйствій. Совѣты Балюза остерегаться коварнаго образа дѣйствій союзниковъ Россіи также были приняты довольно холодно:

русскіе сановники замѣтили, что не опасаются обмана со стороны союзниковъ, потому что знаютъ, какимъ образомъ остеречься отъ него. Объявляя, что нельзя ожидать успѣха отъ посредничества Людовика XIV для окончанія Сѣверной войны, министры царя выразили желаніе, чтобы Франція скорѣе содѣйствовала заключенію мира между Россіей и Оттоманскою Портой, указывая на готовность царя, послѣ достиженія этой цѣли, вступить въ близкія сношенія съ Франціей и явно принять ея сторону противъ ея враговъ.

Кромѣ всего этого, во второмъ донесеніи Балюза изъ Яворова встрѣчаются нѣкоторыя любопытныя данныя о Петрѣ: „Царь“, пишетъ Балюзъ, „въ саду собственноручно работаетъ надъ постройкою небольшой лодки, уже подаренной госпожѣ Синявской, которая тоже взялась за модель, чтобы помогать въ работѣ“. О Екатеринѣ сказано: „Въ Яворовѣ вонсе не скрываютъ брака царя; этотъ монархъ знакомитъ свою жену съ дамами, здѣсь находящимися, и она каждый день показывается въ Яворовскомъ саду. Ее очень хвалятъ за доброту“. О переговорахъ Балюзъ писалъ: „Московитскіе министры многократно повторяли мнѣ въ конференціяхъ, что дружба короля Шведскаго сдѣлается бесполезна для вашего величества вслѣдствіе союза съ ихъ государемъ. Они ежедневно увѣряютъ, что получаютъ неудовлетворительныя для короля Шведскаго извѣстія; однако это не мѣшаетъ имъ желать мира“ и пр.

Въ частной аудіенціи, которую Балюзъ имѣлъ у царя, Петръ опять выразилъ желаніе, чтобы король Людовикъ XIV доставилъ ему возможность заключить миръ съ одною Портою, независимо отъ короля Шведскаго. Балюзъ отвѣтилъ, что можно вести переговоры одновременно съ обѣими державами. Царь возразилъ, что предпочелъ бы сперва заключить миръ съ Турціей, въ виду того, что въ такомъ случаѣ Швеція, покинутая Портою, оказалась бы болѣе стоворчивою. Шафировъ старался выставить на видъ, что союзъ со Швеціей никогда не оказывался выгоднымъ для Франціи, и что поэтому для Людовика XIV гораздо полезнѣе думать о сближеніи съ Россіей.

Всѣ эти бесѣды и переговоры не повели ни къ какому результату. Опять-таки оказалось, что не было много общаго между интересами Россіи и Франціи.

Людовикъ XIV не могъ не видѣть нѣкоторой холодности въ заявленіяхъ Петра и его министра. Въ письмѣ къ Балюзу, отъ 11-го іюня 1711 г., онъ жаловался на то, что Шафировъ и Головкинъ говорятъ лишь въ общихъ выраженіяхъ о томъ, что царь намѣренъ

сдѣлать для выгодъ Франціи. „Наши владѣнія“, писалъ король, „такъ удалены другъ отъ друга, что нужно бы было яснѣе объяснить, въ какія сношенія угодно будетъ ему войти со мною и какія деклараціи сдѣлалъ бы онъ противъ моихъ враговъ. Онъ не могъ бы ничѣмъ лучше заявить свое доброе расположеніе, какъ поддержкою въ настоящее время князя Рагоци и венгерскихъ конфедератовъ. Но я не вижу, чтобы со стороны Русскихъ было на то много расположенія, а между тѣмъ время не терпитъ“. Въ другомъ письмѣ король относительно желанія царя примирить его съ Портою и не думать о посредничествѣ между Швеціей и Россіей, замѣтилъ: „Я не могу оставить этого государя въ томъ положеніи, въ которомъ онъ находится, ни содѣйствовать къ лишенію помощи, получаемой имъ отъ Порты. Если я къ нему питаю эти чувства, въ то время, когда онъ не заключалъ со мною договора, московскіе министры могутъ судить о томъ, какъ я буду думать о царѣ, еслибъ онъ вступилъ со мною въ связи, которыхъ онъ, какъ кажется, желаетъ. Достоверно то, что въ настоящее время онъ ничего не могъ бы сдѣлать для меня болѣе пріятнаго, какъ помочь князю Рагоци и не допустить венгерскихъ конфедератовъ до полнѣйшаго разоренія“ и пр.

Узнавъ о содержаніи бесѣды Балюза съ Петромъ въ частной аудіенціи, Людовикъ XIV писалъ: „Такъ какъ у меня никогда не было намѣренія заставить короля Шведскаго потерять единственнаго союзника (Порту), который могъ бы ему помочь возвратиться въ свое государство, я не могу содѣйствовать желаніямъ царя во вредъ этому государю. Но такъ какъ я не разчитываю помогать Шведамъ противъ Русскихъ, то рѣшеніе, принятое мною, не помѣшаетъ мнѣ поддержать съ царемъ доброе согласіе, котораго, какъ видно, онъ желаетъ“. Къ этому было прибавлено предписаніе прекратить сношенія съ царемъ, когда Петръ удалится въ свои владѣнія, или же когда Балюзъ увидитъ, что ничего нельзя сдѣлать болѣе для пользы службы короля. Въ другомъ письмѣ къ Балюзу (отъ 2-го іюля 1711 г.) король жаловался на то, что царь подалъ завѣреніе въ свлонности къ интересамъ Франціи лишь на словахъ, а на дѣлѣ показавъ, что онъ вполне расположенъ поощрять противниковъ Франціи. Король опять повторилъ свою прежнюю мысль о помощи, которую царь долженъ оказать венгерскимъ конфедератамъ. Опять заявилъ онъ, что вовсе не намѣренъ устранить Турокъ отъ союза съ Карломъ XII. Въ этомъ смыслѣ Людовикъ XIV писалъ къ Балюзу еще 9-го и 23-го іюля.

Въ то же время, когда Балюзъ былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ при Петрѣ Великомъ, царь назначилъ своимъ резидентомъ при французскомъ дворѣ г. Крока. О немъ пока ничего не было извѣстно изъ другихъ источниковъ. О его назначеніи въ 1710 году мы впервые узнаемъ изъ записки ле-Драна. Онъ скончался въ Парижѣ въ 1711 году, не успѣвъ предъявить своихъ вѣрительныхъ грамотъ. Торси, упоминая въ своемъ письмѣ къ Балюзу отъ 11-го іюня 1711 г., замѣчаетъ о Крокѣ: „Этотъ чиновникъ, находившійся на службѣ у короля, никогда здѣсь не былъ признаваемъ за царскаго министра, и умеръ до полученія вѣрительной грамоты. Не знаю, почему захотѣли васъ сравнить съ нимъ ¹⁾. Между вами и имъ очень большая разниа“ и пр.

Впрочемъ, судя по запискѣ ле-Драна, между Крокомъ и французскимъ правительствомъ происходили какіе-то переговоры. По крайней мѣрѣ ле-Дранъ пишетъ, что Кроку было сдѣлано увѣреніе, что король желаетъ соблюдать нейтралитетъ въ борьбѣ Карла XII съ Петромъ. „Эти же увѣренія“, прибавляетъ ле-Дранъ, — „были сдѣланы г. Волкову, который правель часть 1711 и 1712 гг. въ Парижѣ въ званіи царскаго секретаря“. О Волковѣ упомянуто, впрочемъ, лишь мимоходомъ, и у Соловьева. Его пребываніе во Франціи, очевидно, не имѣло важнаго значенія. Въ депешахъ Балюза къ королю, осенью 1711 г., также упоминается вскользь о Волковѣ. Какъ кажется, и Волковъ, въ силу данныхъ ему инструкцій, не сдѣлалъ точно опредѣленныхъ предложеній, а только ожидалъ таковыхъ отъ французскаго правительства.

Успѣхъ дипломатической миссіи Балюза состоялъ въ нѣкоторой связи съ ходомъ русско-турецкой войны. Не даромъ онъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за этими событіями. Поэтому въ его донесеніяхъ встрѣчаются разныя любопытныя данныя о Прутскомъ походѣ. Балюзу было предписано не слѣдовать за царемъ въ походъ. Онъ оставался въ Галиціи во все время пребыванія царя въ этомъ походѣ. Тутъ до него доходили разныя слухи о страшной опасности, въ которой находились царь и его войско. Къ сожалѣнію, въ собраніи донесеній Балюза встрѣчаются пробѣлы: тутъ нѣтъ никакихъ донесеній между 19-мъ мая 1711 г. и 27-мъ августа 1711 г., между тѣмъ какъ въ письмахъ Людовика XIV къ Балюзу упоминается о пятнадцати его депешахъ, въ это время писанныхъ.

¹⁾ Въ отношеніи къ церемоніалу приѣма.

Мы знаемъ, что Петръ не безъ опасеній выступилъ въ походъ въ началѣ 1711 года. Въ Яворовѣ, бесѣдуя о предстоявшихъ военныхъ дѣйствіяхъ съ брауншвейгъ-вольфенбюттельскимъ дипломатомъ Шлейницомъ, онъ удивилъ послѣдняго скромностью своихъ сужденій и притомъ необычайно подробнымъ знакомствомъ съ дѣлами военной техники ¹⁾. Между тѣмъ какъ царь, готовясь къ борьбѣ съ Турками, сомнѣвался въ успѣхѣ, и потому желалъ скорѣйшаго примиренія съ Оттоманскою Портою при посредничествѣ Франціи, современники, напримѣръ, извѣстный инженеръ Жюль Перри, удивлялись быстротѣ движеній русскаго войска, направившагося къ берегамъ Дуная. Въ письмѣ Торси къ Балюзу отъ 23-го іюля 1711 года также сказано: „Не ожидали такой быстроты со стороны Русскихъ, и царь прославился, принявъ предосторожности довольно своевременно для предупрежденія своихъ враговъ“. Вскорѣ затѣмъ, однако, были получены кое-какія извѣстія о событіяхъ на берегахъ Дуная и Прута. 1-го іюля Балюзъ писалъ королю, что до него дошелъ слухъ о пораженіи Русскихъ Шведскимъ королемъ; разказывали, что „проигранное Русскими сраженіе стоило имъ множество убитыхъ и плѣнныхъ“. Король увѣдомлялъ Балюза, что тѣ же самыя извѣстія приходятъ изъ столь различныхъ мѣстъ, что кажутся вѣроятными. „Если это событіе подтвердится“, прибавилъ Людовикъ XIV, — „то оно произведетъ большія перемены въ дѣлахъ Польши и Германіи“. Слухъ о неудачѣ Петра заставилъ Людовика XIV предписать Балюзу „не высказывать слишкомъ большую поспѣшность при предложеніи содѣйствія Франціи къ доставленію царю мира съ его врагами“.

Напрасно французское правительство обвиняло, какъ мы видѣли, Англичанъ и Голландцевъ въ томъ, что они, заключая союзныя договоры съ Россіей, думали лишь о своихъ выгодахъ. На этотъ счетъ Людовикъ XIV нисколько не отличался отъ Генеральныхъ Штатовъ или отъ англійскаго правительства. Все значеніе Петра и Россіи для Людовика заключалось въ надеждѣ, что русскіе казаки сдѣлаютъ диверсію въ Трансильванію, что царь поможетъ князю Рагоци и венгерскимъ конфедератамъ. Поэтому онъ былъ весьма недоволенъ заявленіемъ Волкова, что царь будетъ въ состояніи дѣйствовать въ пользу Венгріи не раньше, какъ послѣ окончанія Турецкой войны. Узнавъ о неудачныхъ дѣйствіяхъ царя еще до Прутской неудачи.

¹⁾ *Guerrier, Sophie Charlotte, Kronprinzessin von Russland. Bonn, 1875, стр. 57.*

король не считалъ вѣроятнымъ, что царь будетъ въ состояніи оказать ему содѣйствіе въ борьбѣ съ императоромъ, и потому писалъ Балюзу, что нужно дѣйствовать болѣе сдержанно, не обнаруживать особенной горячности и даже имѣть въ виду прекращеніе дипломатическихкихъ сношеній.

Слухи о какомъ то сраженіи повторялись, но въ письмахъ Балюза отъ 8-го и 15-го іюля не было ничего опредѣленнаго относительно этого событія. Извѣстіе о побѣдѣ, одержанной будто бы Карломъ XII надъ Русскими, считалось однако весьма сомнительнымъ, какъ видно изъ письма Торси къ Балюзу отъ 20-го августа 1711 г. Даже по письму Балюза отъ 29-го іюля 1711 г., король не могъ составить себѣ вѣрнаго сужденія о дѣлѣ „такъ какъ обѣ стороны приписывали себѣ побѣду“. Немногоимъ позже король пишетъ: „Ваше письмо отъ 5-го августа не разъясняетъ болѣе распространеніе слухи о сраженіи между Русскими и Турками. Министры шведскаго короля приписываютъ теперь одержаніе побѣды оттоманскому войску. Но я вижу, что слѣдуетъ ожидать болѣе вѣрныхъ извѣстій“ и пр. 10-го сентября 1711 года маркизъ Торси писалъ Балюзу: „Повидимому извѣстіе о мирѣ между Турками и Русскими начинаетъ подтверждаться, такъ что нѣтъ болѣе причинъ въ этомъ сомнѣваться. Неопредѣленность все еще существуетъ въ отношеніи сраженія и того, которая изъ двухъ сторонъ одержала побѣду“ и пр. Двумя недѣлями позже, король писалъ Балюзу: „Письмо, которое вы мнѣ написали 19-го августа, заключало въ себѣ еще болѣе неопредѣленнаго извѣстія о пораженіи Русскихъ и о мирѣ, послѣдовавшемъ за этимъ событіемъ... Всего важнѣе знать то, что касается до шведскаго короля, потому что вовсе невѣроятно, какъ обѣ этомъ гласятъ всѣ извѣстія, чтобы Турки, одержавъ побѣду и будучи въ состояніи заставить своихъ враговъ принять условія, какія имъ будутъ удобны, покинули бы государи своего союзника, послѣ того какъ взяли за оружіе и объявили войну въ его пользу“.

Турки именно сдѣлали то, что по справедливости казалось Людовику XIV неправдоподобнымъ. Какъ бы то ни было, послѣ такого кризиса нельзя было ожидать помощи отъ Россіи. Король замѣтилъ: „Какой бы оборотъ ни приняла дѣла, положеніе князя Рагоци мнѣ кажется весьма критическимъ: онъ ожидалъ помощи лишь отъ царя, а въ настоящее время Русскіе не въ состояніи вмѣшиваться въ его дѣла“.

Всѣ эти данныя намъ извѣстны лишь изъ намековъ на содержа-

ніе тѣхъ донесеній Балюза, которыя не помѣщены въ коллекціи, напечатанной въ XXXIV томѣ Сборника. Изъ его письма отъ 24-го августа видно, что ему были довольно точно извѣстны условія Прутскаго договора. Балюзъ узналъ, между прочимъ, еще о слѣдующихъ подробностяхъ: „Деньги, данныя великому визирю, много содѣйствовали, какъ полагають, заключенію мира; король шведскій употреблялъ всѣ средства, чтобъ помѣшати заключенію мира, но безуспѣшно, не смотря на то, что онъ сказалъ великому визирю, что сей послѣдній заплатитъ за этотъ миръ головою, на что великій визирь отвѣчалъ ему, чтобы онъ берегъ собственную голову“... „Меня увѣряли“, продолжаетъ Балюзъ, „что царь потерялъ не болѣе трехсотъ человѣкъ, убитыхъ Турками, но что въ лагерѣ его много умерло отъ болѣзней, что Татары взяли въ плѣнъ много слугъ, убили много женщинъ и отняли болѣе пяти тысячъ возовъ съ поклажей арміи внѣ лагеря“ и т. д. Сообщая королю подробности Прутскаго дѣла, Балюзъ замѣчаетъ: „Теряю надежду, ваше величество, имѣть возможность сообщить вамъ болѣе полное разъясненіе всего происшедшаго между Турками и Москвитянами, такъ какъ всѣ свѣдѣнія получаю только отъ сихъ послѣднихъ; быть можетъ, ваше величество получить болѣе положительныя извѣстія отъ графа Девелера или шведскаго министра, находящагося при вашемъ величествѣ. Нѣкоторые сомнѣваются въ продолжительности нынѣ заключеннаго мира“.

29-го августа 1711 г., рано утромъ, Балюзъ въ Ярославлѣ имѣлъ аудиенцію у Петра, готовившагося выѣхать изъ этого города, гдѣ былъ лишь проѣздомъ. Свиданіе происходило на берегу рѣки Сана. Балюзъ доносилъ объ этомъ эпизодѣ: „Головкинъ предложилъ мнѣ идти вмѣстѣ съ нимъ представиться царю. Я подождалъ нѣсколько времени, потому что государь писалъ, и подошелъ къ нему въ присутствіи его министра, въ то время, когда онъ ходилъ взадъ и впередъ, отдавая приказанія относительно своего отъѣзда. Когда я подошелъ, онъ снялъ шляпу и выслушалъ привѣтствіе, которое я сказалъ ему по-польски, по случаю благополучнаго его возвращенія и предпринимаемаго имъ путешествія. Онъ ничего мнѣ не отвѣтилъ, тотчасъ же обратился къ своему министру и къ одному изъ своихъ генераловъ, снова надѣлъ шляпу и, повернувшись ко мнѣ спиной, началъ переходить отъ одной лодки къ другой, отдавая приказанія относительно своего отплытія... Монархъ этотъ, его министры и генералы показались мнѣ весьма сдержанными и смущенными. Нѣсколько времени спустя я обратился къ графу Головкину и спросилъ у него: не бу-

детъ ли угодно его государю поручить мнѣ что либо такое, о чемъ я бы могъ доложить вашему величеству. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что нѣтъ, ибо царь озабоченъ своимъ отъѣздомъ, но что онъ одобряетъ мое намѣреніе поселиться въ Варшавѣ.. вслѣдъ затѣмъ мы распрощались“.

Какъ видно, Балюзу былъ оказанъ весьма холодный приѣмъ, при которомъ безцеремонность дошла до крайнихъ предѣловъ. Французскій дипломатъ не безъ раздраженія доносилъ королю: „Холодность и сдержанность этого двора даютъ мнѣ поводъ сомнѣваться въ томъ, чтобъ онъ былъ расположенъ предложить что бы то ни было.. Дворъ московскій не хотѣлъ назначить мнѣ прощальную аудіенцію и дать мнѣ отвѣтъ на письмо, которое я вручилъ царю отъ имени вашего величества; я не считалъ полезнымъ для пользы службы вашего величества требовать то и другое, не имѣя на то приказаній, и установилъ съ канцлеромъ Головкинымъ переписку“ и пр.

Затѣмъ слѣдуютъ въ донесеніи Балюза, писанномъ уже въ Варшавѣ, довольно любопытныя данныя о Прутской неудачѣ. Царь, въ отвѣтъ на комплиментъ супруга Краковскаго воеводы: „пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ“, повторилъ нѣсколько разъ: „не совсѣмъ“, а когда она вслѣдъ за тѣмъ выразила ему свою радость по поводу его благополучнаго возвращенія, царь снова сказалъ, что счастье его заключается лишь въ томъ, что вмѣсто ста ударовъ, которые онъ могъ получить, ему дали только пятьдесятъ. Разказавъ нѣкоторыя подробности переговоровъ Русскихъ съ Турками, Балюзъ замѣчаетъ: „Въ обществѣ распространено мнѣніе, что московскій дворъ рюдалъ нѣсколько милліоновъ, чтобы достигнуть мира; что быстрый и ускоренный отъѣздъ его изъ Ярославля похожъ на бѣгство изъ опасенія быть застигнутымъ королемъ шведскимъ“ и пр. Далѣе слѣдуютъ разныя данныя объ отношеніи царя къ разнымъ державамъ ¹⁾, о его бесѣдахъ съ разными лицами, о нерасположеніи Поляковъ къ Русскимъ, о состояніи русскаго войска послѣ Прутскаго похода, о неудовольствіи иностранныхъ офицеровъ, служащихъ въ русскомъ войскѣ, и пр.

При такомъ положеніи дѣлъ послѣ Прутскаго похода, негоціація

¹⁾ Довольно любопытенъ анекдотъ о встрѣчѣ царя въ Варшавѣ съ прусскимъ посланникомъ. Петръ сказалъ ему: „Вы всегда поступаете въ дѣлахъ эмпирически, тогда какъ мы действуемъ механически“, желая, какъ полагалъ Балюзъ, тѣмъ сказать, что онъ, царь, ведетъ дѣла просто и прямо, а берлинскій дворъ относится къ нимъ съ хитростью, которая ему, царю, не нравится.

Балюза не могла имѣть успѣха. Франція не разчитывала, болѣе на Петра и ждала удобнѣйшаго времени для возобновленія дипломатическихъ сношеній съ Россією. На заявленіе Волкова въ Парижѣ, просившаго посредничества короля для всеобщаго мира, маркизъ Торси отвѣчалъ въ общихъ выраженіяхъ, уклончиво. Балюзу было приказано оставаться въ Польшѣ на случай возобновленія переговоровъ съ Россіей, однако онъ уже болѣе не встрѣчался съ царемъ, который, начиная съ 1711 года, началъ часто ѣздить въ западную Европу, гдѣ лично велъ переговоры съ государями и министрами разныхъ державъ ¹⁾.

О дипломатической миссіи Балюза ле-Дранъ замѣчаетъ въ своей запискѣ: „Единственный результатъ, полученный королемъ Людовикомъ XIV, изъ переговоровъ г. Балюза, заключался въ томъ, что онъ доказалъ царю ошибочность мнѣнія, внушеннаго ему врагами Франціи, убѣдивъ его, что его величество не принималъ никакого участія въ вооруженіи противъ него Турокъ, и увѣривъ его, что его величеству было желательно соблюдать строгій нейтралитетъ, какъ въ отношеніи короля шведскаго, такъ и царя“.

Между тѣмъ вопросъ объ отношеніи Россіи къ Франціи сталъ интересовать прочія державы. Когда, въ 1711 году, послѣ Прутскаго похода, Петръ былъ для лѣченія въ Карлсбадѣ, туда пріѣхалъ саксонскій дипломатъ Фицтумъ, который особенно тщательно разспрашивалъ царя о его намѣреніи вступить въ близкія сношенія съ Франціей. Царь увѣрялъ Фицтума, что пока нѣтъ ни малѣйшаго соглашенія между Россіей и Людовикомъ XIV.

Балюзъ, остававшійся въ Польшѣ, не переставалъ наблюдать за ходомъ дѣлъ въ Россіи и сообщалъ о разныхъ событіяхъ и слухахъ маркизу Торси. Въ началѣ марта 1712 года, между прочимъ, Балюзъ доносилъ, что распространены слухъ о смерти царя. Торси отвѣчалъ, что едва ли можно вѣрить этому слуху, но что еслибы это извѣстіе оправдалось, то можно думать, что вражда между Россіей и Портою прекратится, а также поправится значительно положеніе Карла XII. „Можно прибавить“, продолжалъ Торси, „что Польшѣ можно бы надѣяться на нѣкоторое спокойствіе послѣ такой тревоги, потому что нѣтъ вѣроятія, чтобы государь, наследовавшій царю, считалъ бы себя обязаннымъ идти по слѣдамъ своего отца“ (стр. 482).

¹⁾ Нѣкоторое число писемъ Торси къ Балюзу съ 1711 до 1713 гг. см. въ *Сборникѣ*, XXXIV, 477.—489. Содержаніе ихъ не особенно важно.

Слухъ, о смерти царя оказался ложнымъ. Извѣстіе о новомъ разрывѣ между Россіей и Оттоманскою Портою также не подтвердилось. Балюзъ, однако, продолжалъ сообщать разныя свѣдѣнія о Россіи, Польшѣ, Швеціи и пр. При этомъ, однако, случился слѣдующій эпизодъ, свидѣтельствующій о нѣкоторомъ деспотизмѣ Людовика XIV. Торси писалъ къ Балюзу 12-го сентября 1712 года: „Графъ Поншартренъ просилъ у васъ нѣкоторыхъ свѣдѣній о дворѣ и министрахъ царя, и вы мнѣ посылаете копію съ записки, которую вы ему отравили. Такія подробности должны быть сохранны для короля, который знаетъ примѣнять что нужно для пользы его службы изъ получаемыхъ имъ свѣдѣній объ иностранныхъ дворахъ, а иногда можетъ оказаться несоотвѣтственнымъ его выгодамъ, чтобы тѣ, кому онъ поручаетъ дѣла такого рода, были извѣщены объ обстоятельствахъ, которыми до нихъ не касаются“.

Изъ этого замѣчанія видно, что на Западѣ знали весьма немного о состояніи Россіи. Балюзъ, находившійся въ Польшѣ и узнававшій о томъ, что происходило въ Россіи лишь по слухамъ, весьма часто недостовернымъ, вообще едва ли, могъ составить себѣ точное понятіе о состояніи Россіи. Франціи нуждалась въ постоянномъ резидентѣ, который жилъ бы въ Петербургѣ. Такимъ резидентомъ былъ назначенъ де-Лави, пріѣхавшій въ Петербургъ въ самомъ началѣ 1715 года. Одновременно съ отправленіемъ де-Лави въ Россію начинается цѣлый рядъ попытокъ сближенія Франціи съ царемъ во время его пребыванія въ западной Европѣ. Весьма важнымъ фактомъ въ этомъ отношеніи было пребываніе Петра въ Парижѣ въ 1717 году.

Весьма значительная часть XXXIV тома Сборника Историческаго Общества заключаетъ въ себѣ донесенія де-Лави; въ этомъ же томѣ встрѣчается богатая коллекція документовъ, относящихся къ пребыванію Петра во Франціи. Тѣ и другіе заслуживаютъ особеннаго разбора, которому мы и посвящаемъ слѣдующія статьи.

А. Бршнеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
ПАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

МАЙ.

1883.

227
1883

ПЯТОМ ДЕСЯТИЛѢТІИ.

ЧАСТЬ ССХХVII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Среди. Подъяч., № 1.
1883.

СОДЕРЖАНІИ.

Правительственныя распоряженія.

Каталогъ учебныхъ руководствъ и пособій,
одобренныхъ для среднихъ учебныхъ
заведеній.

- Замѣтки къ исторіи хожденія игумена Да-
ніила М. Вяземитинова.
- Франція и Россія въ эпоху царствованія
Петра Великаго А. Брикнера.
- Изъ исторіи французской колоніи въ Пе-
тербургѣ Д. Ковеко.
- Бритика и библиографія:**
- Древніе памятники русскаго пясма и языка (X—XIV
вѣковъ). Трудъ *И. И. Срезневскаго*. Второе
изданіе А. Соболенкаго.
- Пенздаинскій дубровницкій поэтъ Антошь-Маринъ Гле-
говичъ. *Владимира Качановскаго* В. Макушева.
- И. Мансветовъ. Митрополитъ Киприанъ въ его литур-
гической дѣятельности И. Помяловскаго.
- Heinrich Marczali. Ungarns Geschichtsquellen im
Zeitalter der Agraden В. Кракау.
- Антошь Будиловичъ. Начертаніе церковно-славянской
грамматики, примѣнительно къ общей теоріи
русскаго и другихъ родственныхъ языковъ Ив. Анненскаго и
А. Соболевскаго.
- Mélanges d'archéologie et d'histoire А. С.
- П. Голубовскій. Исторія Сѣверской земли до поло-
вины XIV ст.—Д. Вагалъ. Исторія Сѣверской
земли до половины XIV ст. И. Липниченко.
- Императорская публичная библіотека въ
1881 году.
- Императорское московское археологическое
общество въ 1882 году.
- Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ
учебныхъ заведеній: университеты.
- Письмо изъ Парижа Л. Д—ра.

Отдѣлъ классической филологіи.

(См. на 3-й стр. обертки).

ФРАНЦІЯ И РОССІЯ ВЪ ЭПОХУ ЦАРСТВОВАНІЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ¹⁾.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. XXXIV.
С.-Пб. 1881.

II.

Донесенія де-Лави (1715—1718 года).

Де-Лави (de-la-Vie), донесенія котораго о русскихъ дѣлахъ относятся въ Сборникѣ къ 1715—1718 годамъ, не игралъ значительной роли въ Петербургѣ. За то онъ былъ хорошимъ наблюдателемъ и во время многолѣтняго пребыванія своего въ Россіи имѣлъ возможность собрать свѣдѣнія о многихъ происшествіяхъ того времени. Въ этомъ отношеніи его донесенія имѣютъ сходство съ донесеніями ганноверскаго резидента Вебера и съ донесеніями австрійскаго дипломатическаго агента Плейера ²⁾.

О маловажности политической роли де-Лави можно судить и по тому обстоятельству, что даже ле-Дранъ, составившій въ 1726 году записку о дипломатическихъ сношеніяхъ между Россіей и Франціей до 1718 года, вовсе не упоминаетъ о немъ. Постараемся сгруппировать здѣсь свѣдѣнія о дипломатической дѣятельности де-Лави, а затѣмъ укажемъ на значеніе его донесеній, какъ историческаго источника.

¹⁾ *Продолженіе.* См. февральскую книжку *Ж. М. Н.* Пр. за текущій годъ.

²⁾ См. мон статьи о Веберѣ въ *Журналъ Министерства Нар. Пр.* т. ССХІІІ; донесенія Плейера изданы отчасти *Устрелосымъ* въ «Исторія Петра В.».

Въ 1715 году въ Парижѣ въ качествѣ русскаго дипломатическаго агента находился племянникъ любимца Петрова Ф. Я. Лефорта. Онъ велъ переговоры съ министромъ Поншартреномъ главнымъ образомъ по вопросамъ торговымъ. Въ то время во Франціи желали заключенія торговаго договора съ Россіею: намѣревались учредить компанію для торговли съ Россіею, въ надеждѣ нанести этимъ самымъ значительный ущербъ Голландіи, до тѣхъ поръ продававшей французскіе товары въ Россіи, а русскіе въ западной Европѣ. Но по видимому Французинъ взялись за дѣло не совсемъ ловко; капиталисты, затратившіе значительныя суммы денегъ на это предпріятіе, дорого заплатились за эту попытку. Французское правительство желало поправить дѣло, выхлопотавъ французскимъ негоціантамъ разныя льготы въ Россіи, и потому стало собирать подробныя свѣдѣнія о состояніи русской торговли.

О переговорахъ французскаго правительства съ Лефортомъ мы не находимъ въ разсматриваемыхъ документахъ почти никакихъ свѣдѣній. Мы узнаемъ только, что онъ былъ отправленъ во Францію, облеченный званіемъ царскаго коммерціи совѣтника, и что Меншиковъ далъ ему письмо къ графу Поншартрену о торговыхъ дѣлахъ (стр. 105); кромѣ того, видно, что Лефортъ заботился о русскихъ, учившихся во Франціи морскому дѣлу (стр. 616); наконецъ, что онъ отличался расточительностью, входилъ въ долги и подвергался разнымъ непріятностямъ по этому поводу (стр. 166).

Еще до пріѣзда въ Парижъ Лефорта ¹⁾ французское правительство рѣшило отправить дипломатическаго агента въ Россію для переговоровъ о торговлѣ. Порученіе это было дано де-Лави. О его прежней службѣ нѣтъ почти никакихъ свѣдѣній. Лишь слѣдующее „письмо изъ Гамбурга“ 1717 года (безъ болѣе точнаго означенія даты) заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя данныя о характерѣ миссіи де-Лави и о впечатлѣніи, произведенномъ его путешествіемъ на современниковъ: „Г. де Лави прибылъ сюда недавно. Шведы весьма недовольны

¹⁾ Когда Лефортъ пріѣхалъ во Францію? Въ документѣ на стр. XXII сказано «къ концу 1715 г.»; де-Лави пишетъ, что Лефортъ выѣхалъ 16-го марта 1715 года изъ Петербурга (стр. 105), — въ инструкціи же, на которой выставленъ 1714 годъ, сказано: «Первый предметъ, о которомъ спросилъ г. Лефортъ, прибывшій сюда», и пр. (стр. 440). Какъ объяснить это хронологическое противорѣчіе? Инструкція эта, вѣроятно, составлена для де-Лави, прибывшаго въ Петербургъ въ январѣ 1715 года.

пребываніемъ его въ Петербургѣ; графъ Велинкъ въ особенности дѣлаеть изъ-за этого много шума, говоря, что этимъ поступкомъ Франція по видимому молча признаеть за царемъ владѣніе Петербургомъ и другими гаванями, которыя этотъ государь завоевалъ у Шведовъ на Балтійскомъ морѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что г. де-Лави не имѣеть никакого назначенія быть консуломъ, а отправленъ въ Петербургъ лицами, заинтересованными французскими кораблями, которые отправились изъ Сентъ-Мало и другихъ гаваней въ Балтійское море съ цѣлью заботиться о ихъ выгодахъ и обращать вниманіе на сбытъ груза, какъ равно и того, который пошлется въ обмѣнъ, изъ чего ясно, что у Шведовъ нѣтъ никакихъ основаній для жалобъ и онѣ возникли, безъ сомнѣнія, для того, чтобы постараться увеличить пріатства для торговли королевскихъ судовъ и объяснить несправедливую задержку нѣкоторыхъ изъ этихъ кораблей, которые они захватили и отвели въ Стокгольмъ“ (стр. 493—494).

Отсюда можно бы заключить, что де-Лави былъ не столько дипломатическимъ представителемъ французскаго правительства, сколько частнымъ коммерческимъ агентомъ нѣкоторыхъ французскихъ кальталлистовъ. Этому, однако, противорѣчитъ то обстоятельство, что де-Лави, во все время своего пребыванія въ Россіи, писалъ донесенія къ французскимъ министрамъ и получалъ предписанія отъ нихъ (напримѣръ, отъ графа Поншартрена и маршала д'Юкселли), очевидно состоялъ на государственной службѣ и поэтому можетъ считаться нѣкоторымъ образомъ дипломатомъ. Впрочемъ, изъ тѣхъ же писемъ французскихъ министровъ видно, что обязанность де-Лави заключалась главнымъ образомъ въ наблюденіи за ходомъ торговыхъ дѣлъ на Балтійскомъ морѣ (стр. 444, 510).

Въ связи со всѣмъ этимъ состоитъ очевидно „записка, служащая инструкціей для ... отправляющагося въ С.-Петербургъ. Составленная въ 1715 г. статсъ-секретаремъ Амло (Amelot)“ (стр. 490—493). Впрочемъ, она была написана въ то время, когда еще не было рѣшено, что именно де-Лави отправляется въ Россію въ качествѣ дипломатическаго агента. Лицу, отправляющемуся въ Россію, было поручено: узнать подробно о торговыхъ договорахъ между Англіею и Голландіею, съ одной стороны, и Россіею—съ другой, собрать свѣдѣнія о тарифѣ пошлинъ, о ярмаркахъ, о путяхъ сообщенія, составить списки вывознымъ русскимъ товарамъ, узнать о способахъ мѣновой торговли, на чистыя деньги и на векселя, освѣдомиться о звонкой монетѣ и объ отношеніи ея къ другимъ европейскимъ мо-

нетнымъ единицамъ, о мѣрахъ и вѣсахъ, о маклерскихъ конторахъ, о значительнѣйшихъ негодіапахъ въ Петербургѣ. Въ заключеніе же инструкціи было сказано: „Такъ какъ лицо, которое должно совершить путешествіе въ Петербургъ, по видимому, способно къ болѣе высшей дѣятельности, нежели о какой упомянуто въ настоящей запискѣ, можно бы было ему поручить въ то же время постараться узнать царя, государя наслѣдника, князя Меншикова, главныхъ министровъ и генераловъ, узнать интересы этого двора, его сношенія съ иностранными государствами, проникнуть предначертанія царя для увеличенія своего государства и своего могущества, преимущественно же что касается до флота, для котораго вѣроятно царь составилъ проекты. Было бы хорошо также имѣть точныя свѣдѣнія объ образѣ правленія, о совѣтахъ и судебныхъ учрежденіяхъ, гдѣ рѣшаются дѣла, о доходахъ царя, какъ обыкновенныхъ, такъ и чрезвычайныхъ, о религіи и о духовенствѣ, о числѣ войска, которое у царя на лицо или которое онъ можетъ имѣть, и обо всемъ, что относится къ средствамъ для того, чтобы вести и поддерживать войну“.

Итакъ, де-Лави поручено было не столько вести переговоры, сколько ограничиваться наблюденіями. Очевидно, французское правительство предоставляло себѣ открыть постоянныя переговоры лишь тогда, когда будутъ собраны самыя точныя и подробныя свѣдѣнія о намѣреніяхъ царя и о состояніи Московіи ¹⁾).

Взглянемъ теперь на роль де-Лави въ Россіи. 14-го января 1715 года онъ писалъ изъ Петербурга: „Я прибылъ въ этотъ городъ 2-го числа текущаго мѣсяца; въ слѣдующіе затѣмъ дни я вручилъ нѣсколькимъ министрамъ царя частныя рекомендательныя письма, данныя мнѣ по дорогѣ златными лицами, изъ коихъ нѣкоторыя состоятъ съ ними въ свойствѣ. Прежде всего я имѣлъ честь представиться вице-канцлеру, барону Шафирову, какъ одному изъ министровъ, къ которому царь питаетъ наибольшее довѣріе; онъ спросилъ у меня копію съ указа его величества, возлагающаго на меня здѣсь обязанности морскаго комиссара, и сказалъ мнѣ, что передастъ эту

¹⁾ Мы считаемъ весьма вѣроятнымъ, что эта инструкція была составлена до отпавленія де-Лави въ Россію, для него же. Но тутъ является то недоразумѣніе, на которое было указано уже выше. На этомъ документѣ означенъ 1714 годъ, а говорится въ немъ о пріездѣ въ Парижъ Лесорта; между тѣмъ Лесортъ пріѣхалъ туда не ранѣе 1715 года.

копію графу Головкину, государственному канцлеру. На слѣдующій день я имѣлъ честь сдѣлать визитъ сему послѣднему, и онъ обѣщалъ мнѣ, на сколько это будетъ зависетьъ отъ него, ходатайствовать передъ царемъ о томъ, чтобы французскіе купцы имѣли поводъ быть довольными торговлей, которую они предпримутъ вести во владѣніяхъ этого монарха. Вслѣдъ за тѣмъ я имѣлъ честь обѣдаться съ нимъ и съ другими министрами его царскаго величества у барона Лёвенвольде, гдѣ былъ принятъ весьма любезно" и пр.

По видимому, де-Лави сумѣлъ пріобрѣсти въ высшихъ слояхъ петербургскаго общества довольно почетное положеніе. Такъ, онъ обѣдывалъ у Саввы Рагузинскаго (стр. 101), принималъ посѣщенія резидентовъ великобританскаго и голландскаго (стр. 102), съ прусскимъ резидентомъ бесѣдовалъ о разныхъ довольно важныхъ предметахъ (стр. 103), имѣлъ случай вести переговоры о поставкѣ для Франціи и Италіи весьма значительнаго количества канатовъ (стр. 107), и пр. Въ одномъ изъ писемъ, относящемся къ 1715 г. и адресованномъ къ лицу, которое онъ называетъ „Monseigneur“, де-Лави высказываетъ желаніе упрочить занимаемое имъ служебное положеніе въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Въ продолженіе моей трехлѣтней службы королю я прожилъ все свое небольшое состояніе и деньги, данныя мнѣ взаимно друзьями, и до сихъ поръ не получилъ ни копейки; мое рвеніе и усердіе показать себя достойнымъ служить королю и отечеству побудили меня предпринять на собственный счетъ продолжительное и тягостное путешествіе сухимъ путемъ изъ Парижа сюда и принимать у себя иностранныхъ пословъ и знатнѣйшихъ сановниковъ царскаго двора. Могу сказать безъ хвастовства, что если бы мнѣ была оказана поддержка, то, свободно говоря на семи языкахъ и съ нихъ переводя, я способенъ оказать государству существенныя услуги. Такъ какъ я не получалъ вѣрительныхъ грамотъ, а назначенъ только простымъ морскимъ комиссаромъ, то не имѣю возможности оказывать государству услуги, которыя оно могло бы отъ меня ожидать. Ежедневно приходятъ французскіе подданные, которые были приглашены въ эту страну, пріеся у меня паспортовъ для возвращенія на родину; мнѣ кажется, что люди эти были бы весьма полезны государству; но такъ какъ я не имѣю полномочія выдавать имъ паспорта, то и не осмѣлился принять на себя исполненіе ихъ просьбъ“, и пр. (стр. 109—110). Очевидно, де-Лави, не бывшій настоящимъ дипломатомъ, желалъ занять болѣе важное оффіціальное положеніе.

Но послѣ этихъ донесеній, писанныхъ въ началѣ 1715 года, мы

не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о де-Лави до начала 1717 года. Между 28-мъ марта 1715 г. и 2-мъ января 1717 г. въ коллекціи документовъ, изданныхъ въ XXXIV-мъ томѣ Сборника, нѣтъ никакихъ его донесеній.

Однако, изъ донесенія отъ 2-го января 1717 года можно усмотрѣть, что не задолго предъ тѣмъ де-Лави писалъ къ своему покровителю (стр. 110) и при томъ очевидно, что де-Лави ссылается не на депешу отъ 28-го марта 1715 г., помѣщенную въ Сборникѣ непосредственно предъ донесеніемъ отъ 2-го января 1717 г., а на какую-то позднѣйшую. Пробѣлъ этотъ не разъясненъ редакторами рассматриваемаго изданія.

Посмотримъ, однако, измѣнилось ли въ продолженіе 1715 и 1716 годовъ оффиціальное положеніе де-Лави въ Россіи.

Мы не думаемъ, чтобы кругъ дѣятельности „морскаго комиссара“ расширился. И въ 1717 и 1718 годахъ де-Лави оставался лишь наблюдателемъ. О себѣ онъ почти вовсе не говоритъ болѣе въ своихъ донесеніяхъ, и только сообщаетъ разныя извѣстія о состояніи Россіи, о важныхъ лицахъ, о слухахъ и пр. Обыкновенно разказы его начинаются словами: „Меня увѣрили“, „здѣсь разказываютъ“, „мнѣ передавали“, но болѣе подробное указаніе источниковъ передаваемыхъ свѣдѣній встрѣчается у него рѣдко. Въ мартѣ 1717 г. де-Лави имѣлъ случай говорить съ вице-адмираломъ Крюйсомъ (стр. 117); въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ о своихъ, впрочемъ весьма неблагопріятныхъ, сношеніяхъ съ бывшимъ директоромъ морской академіи Сентъ-Илеромъ (стр. 119). Честолюбіе не покидало де-Лави. Одну изъ своихъ депешъ онъ оканчиваетъ фразою: „Умоляю васъ имѣть милость вспомнить обо мнѣ, когда встрѣтитя случай почтить меня приказаніями совѣта иностранныхъ дѣлъ“ (стр. 120).

Очевидно, центръ тяжести переговоровъ между Франціей и Россіей находился въ это время не въ Петербургѣ, а въ Парижѣ: царь именно тогда посѣтилъ Францію. Это обстоятельство внушало де-Лави надежду, что наконецъ онъ достигнетъ желаемой цѣли и сдѣлается настоящимъ дипломатомъ. 6 (17)-го мая 1717 года онъ писалъ: „Поѣздка царя во Францію подастъ мнѣ надежду, что нашъ дворъ заключить съ этимъ государемъ торговый договоръ, что улучшить мое положеніе. Я писалъ его тайному совѣтнику, доктору Эрескину (Areskin), прося его поговорить въ мою пользу въ случаѣ, если обо мнѣ стануть его спрашивать; онъ мнѣ пріятель и зна-

комъ съ моимъ семействомъ, и слѣдовательно, отдасть мнѣ справедливость" (стр. 214).

Однако де-Лави продолжалъ играть роль какъ-бы частнаго человека, пребывавшаго въ С. Петербургѣ для собственнаго удовольствія и тратившаго для этой цѣли собственные деньги. Вотъ что пишетъ онъ 27 го мая 1717 года: „Мнѣ очень жаль, что и здѣсь имѣю лишь весьма скудный матеріалъ для донесеній: отъ публики тщательно сарываютъ дурныя извѣстія и сообщаютъ лишь то, что можетъ нравиться народу, а часто выдумываютъ ихъ единственно для его усмѣленія; здѣсь нѣтъ обычая печатать какія либо газеты; правда, иногда появляются летучіе листки объ успѣхахъ его царскаго величества, но весьма рѣдко упоминается о томъ, что происходитъ въ странѣ; а потому для приобрѣтенія свѣдѣній слѣдуетъ знакомиться съ знатными лицами, приглашать ихъ на увеселительныя собранія, и, когда они выпьютъ немного лишняго, является возможность разузнавать отъ нихъ о самыхъ секретныхъ дѣлахъ; такимъ путемъ я часто узнавалъ, что дѣлается въ сенатѣ и при дворѣ князя Меншикова. Если бы вы (votre Grandeur) признали возможнымъ дать мнѣ средства увеличить мои расходы, то я могъ бы узнавать о всѣхъ принимаемыхъ здѣсь мѣрахъ, тѣмъ болѣе, что я говорю на нѣсколькихъ языкахъ, что мнѣ чрезвычайно благоприятно; а такъ какъ дворянство весьма уважаетъ англійскихъ и голландскихъ купцовъ, то я изъ политическихъ цѣлей вижу съ ними безъ церемоній и узнаю отъ нихъ многія вещи о князѣ Меншиковѣ и о сенатѣ, о которыхъ я иначе бы не зналъ“ (стр. 217). Объ этомъ же предметѣ де-Лави пишетъ и въ другомъ письмѣ (229 230). Судя по этимъ словамъ его, по видимому, онъ проживалъ въ Петербургѣ, по крайней мѣрѣ, отчасти на собственный счетъ, и можно полагать, что французское правительство вообще не придавало особеннаго значенія его дѣятельности въ Петербургѣ, такъ какъ оно скудно поддерживало его матеріальною положеніемъ. Онъ пишетъ 17-го октября 1717 года: „Издержки по корреспонденціи составляютъ для меня не менѣе 2000 л. въ годъ (!); справедливость требуетъ, чтобы эта сумма была мнѣ уплачена, такъ какъ я имѣю честь состоять при этомъ дворѣ на службѣ его величества, и вы довольны усердіемъ, съ которымъ я исполняю свои обязанности. Надѣюсь, что вы были столь добры обратить вниманіе на покорнѣйшее представленіе, каковое я имѣлъ честь сдѣлать вамъ по этому поводу“ и пр. (стр. 253). Неизвѣстно, исполнило ли французское правительство желаніе де-Лави

относительно увеличенія его содержания. За то мы знаемъ, что въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ просьбы его оставались безъ удовлетворенія.

Замѣтивъ, что его депеши доставляются во Францію не безъ нѣкотораго замедленія, онъ писалъ 7-го января 1718 года: „Быть можетъ, причина этого заключается въ любопытствѣ узнать, что было написано, и потому, я полагаю, что, во избѣжаніе подобныхъ неудобствъ, было бы необходимо, чтобы вы изволили выслать мнѣ шифръ“ (292). Известно, что иллюстрація денешъ иностранныхъ дипломатовъ была въ ходу въ Россіи въ то время. Именно къ первой половинѣ 1718 года относится дѣло царевича Алексѣя Петровича. Петръ оставался далеко не равнодушнымъ къ разнымъ толкамъ, распространяемымъ въ западной Европѣ касательно его образа дѣйствій. Вслѣдствіе вскрытія дипломатической корреспонденціи, нѣкоторые изъ иностранныхъ дипломатовъ, сообщавшихъ своимъ правительствамъ о русскихъ дѣлахъ, подвергались непріятностямъ разнаго рода и даже жестокому преслѣдованію со стороны русскаго правительства. Такого рода случаи были, между прочимъ, съ австрійскимъ президентомъ Плейеромъ, съ его секретаремъ Фёрстомъ и съ голландскимъ посланникомъ де-Ви ¹⁾. Поэтому и де-Лави имѣлъ основаніе просить о доставленіи ему шифра. Однако, какъ кажется, во Франціи не обращали вниманія на это желаніе де-Лави, или же, быть можетъ, не имѣли достаточно надежнаго случая исполнѣ безопасно переслать ему шифръ. Какъ бы то ни было, покровитель де-Лави не отвѣчалъ вовсе на его просьбу о шифрѣ, такъ что по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, 1-го августа 1718 года де-Лави опять просилъ о томъ же, и снова—безъ успѣха (стр. 363, 366).

Еслибы мы знали, къ кому обращался де-Лави со своими донесеніями, то могли бы изъ этого обстоятельства вывести кое-какія заключенія относительно значенія дипломатической роли де-Лави. Къ сожалѣнію, однако, издатели Сборника не разъясняютъ что это было за лицо. Въ заглавіи каждой депеши читается: „Le Sieur de La Vie à Monseigneur“, въ оглавленіи же говорится о „письмахъ де-Лави французскому министерству (маркизу Дюкселю и Дюбуа)“. Въ депешахъ де-Лави называетъ то лицо, къ которому онъ пишетъ, „Monseigneur“ или „Votre Grandeur“; въ переводѣ же эти титулы

¹⁾ *Германна, Zeitgenöss. Berichte*, 164 и 172; *Устрелова, Ист. Петра В.*, т. VI, стр. 519—520 и пр.

передаются различно: то „ваше высочество“, то „ваше преподобіе“, то „ваше преосвященство“. На чемъ основано предположеніе, что депеши адресованы къ двумъ лицамъ (Дюкселю и Дюбуа) или къ „министерству“, также неизвѣстно. Изъ содержанія и характера депешъ видно, что онѣ адресованы къ одному лицу, и что, не имѣя строго официальной формы, онѣ мѣстами походятъ на частныя письма. Изъ самихъ депешъ мы можемъ извлечь только слѣдующія подробности, проливающія нѣкоторый свѣтъ на личность, къ которой обращался де-Лави. Въ одной изъ депешъ послѣдній пишетъ: „Такъ какъ въ продолженіе пяти съ половиною лѣтъ, что я имѣю честь служить его величеству, я постоянно находился въ разлукѣ съ семьей, что было сопряжено съ двойнымъ расходомъ, то я написалъ женѣ пріѣхать сюда на первомъ отходящемъ кораблѣ, взявъ съ собою сына, двухъ слугъ и нѣсколько мебели и припасовъ. Покорнѣйше прошу васъ приказать, чтобы ей былъ высланъ паспортъ въ Бордо“ и пр. (стр. 216). Судя по тому обстоятельству, что выдача паспорта женѣ де-Лави зависѣла лишь отъ приказанія того лица, къ которому онъ писалъ, можно считать вѣроятнымъ, что это былъ весьма важный сановникъ. 28-го октября 1718 г. де-Лави писалъ къ нему: „Посреди множества лицъ, спѣшащихъ поздравить васъ съ саномъ, пожалованнымъ вамъ королемъ, вслѣдствіе мудрой проницательности его королевскаго высочества герцога-регента, оцѣнившего ваши рѣдкія достоинства, столь уважаемныя всѣми, кто только имѣетъ честь васъ знать, что вамъ угодно будетъ принять благосклонно и мои всепокорнѣйшія поздравленія“ (стр. 381). Отсюда можно заключить, что осенью 1718 года, то лицо, къ которому писалъ де-Лави, получило важное повышеніе: это указаніе можетъ послужить къ открытію имени этого лица. Къ нему одному адресованы напечатанныя въ XXXIV томѣ Сборника донесенія де-Лави, и петербургскій представитель французскаго правительства надѣялся на улучшеніе своего положенія главнымъ образомъ отъ посредничества этого покровителя, имя котораго остается пока неизвѣстнымъ.

Впрочемъ, изъ нѣкоторыхъ намековъ въ изданныхъ донесеніяхъ де-Лави мы узнаемъ, что онъ посылалъ во Францію и инныя записки. Такъ въ ноябрѣ 1717 года онъ пишетъ: „Я имѣлъ честь отпривать 23-го іюля 1717 г. записку гг. членамъ морскаго совѣта (à Messieurs du Conseil de Marine) относительно матеріаловъ (для кораблестроенія) и объяснялъ средства, при помощи которыхъ можно получить ихъ для королевскихъ арсеналовъ за умѣренную цѣну; совѣтъ сдѣлалъ

мнѣ честь отвѣтить, что доволенъ моимъ представленіемъ, не сообщая, однако, своего рѣшенія и не давая никакихъ приказаній“ (стр. 263).

Не подлежитъ сомнѣнію, что де-Лави былъ специалистъ по вопросамъ торговли и промышленности. Вотъ что говоритъ онъ о своей посылкѣ въ Россію: „Слѣдуетъ замѣтить, что Англичане и Голландцы вывозятъ изъ этого отдаленнаго мѣста Россіи (города Азова) наилучшія произведенія, которые перевозятъ въ Архангельскъ, а затѣмъ въ Ливорно въ Италію, откуда, какъ я видѣлъ, въ 1709 году, ихъ пересылаютъ въ Марсель и выгодно продаютъ тамъ. Это навело меня на мысль, что торговля съ Россіей вообще должна быть выгодна нашему народу, и потому я рѣшился тщательно изучить ее, чтобы доложить о томъ предшествовавшему министерству, что и побудило его величество блаженной памяти короля послать меня сюда“ (стр. 234). Поэтому въ донесеніяхъ де-Лави вопросы торговли и промышленности занимаютъ весьма видное мѣсто. Такъ, напримѣръ, дѣломъ 1717 года онъ пишетъ: „Такъ какъ царь находится во Франціи, а при отъѣздѣ сдѣлалъ мнѣ честь высказать мнѣ, что было и послѣ подтверждено мнѣ его министромъ, что онъ желаетъ, чтобы въ его государствѣ процвѣтала торговля съ Франціей, то, не сомнѣваясь, что онъ намѣренъ заключить торговый трактатъ съ его величествомъ, я уже имѣлъ честь выслать съ послѣдней почтой морскому совѣту изложеніе тѣхъ главныхъ вопросовъ, на которые слѣдуетъ обратить вниманіе при переговорахъ“ и пр. (стр. 221). Немного позже онъ сообщаетъ слѣдующее: „Если французская компанія будетъ дѣйствовать осмотрительно, то достигнетъ желаемой цѣли, то-есть утвердить свою торговлю съ Россіей, которая будетъ одна изъ выгоднѣйшихъ въ свѣтѣ. Такъ какъ безъ преувеличенія и тщеславія я могу сказать, что долгій опытъ и обширныя путешествія по Европѣ доставили мнѣ значительныя свѣдѣнія о торговлѣ вообще и о здѣшней въ особенности, то я весьма охотно помогу своимъ совѣтами французской компаніи, дабы предостеречь ее отъ интригъ Англичанъ и Голландцевъ, которые втайнѣ употребляютъ всѣ усилія съ цѣлью остановить успѣхъ этой торговли въ Россіи, Китаѣ и Персіи“ (стр. 332). Въ одномъ изъ донесеній, относящихся къ началу 1718 года, находимъ слѣдующій совѣтъ, въ духѣ распространенныхъ тогда идей меркантилизма: „Я полагаю, что слѣдовало бы запретить выѣздъ изъ королевства ремесленникамъ, переселеніе которыхъ весьма вредно отзовется на промышленности во Франціи“ (стр. 283). Въ другой депешѣ де-Лави сообщаетъ равныя свѣдѣнія о курсѣ, о мѣрахъ и вѣсахъ: „100 рус-

скихъ аршинъ составляютъ 104 эль брабантскихъ, а 40 русскихъ фунтовъ составляютъ по парижскому счету 33 ф. въ 16 унцій каждый, рейхсталеръ, котораго можно купить въ Голландіи, стоитъ здѣсь 9 гривенъ, то-есть 90 копѣекъ; въ настоящую минуту размѣниваютъ рубль на 100 стиверовъ" и пр. (стр. 334).

Изъ этихъ данныхъ видно, что де-Лави былъ въ Петербургѣ чѣмъ-то въ родѣ французскаго консула. Постоянно обращались къ нему Французы, жившіе въ Россіи и довольно часто попадавшіе въ затруднительныя обстоятельства. Нерѣдко случалось ему рекомендовать своему покровителю-корреспонденту разныхъ своихъ соотечественниковъ, желавшихъ возвратиться изъ Россіи во Францію (напримѣръ, на стр. 220). Въ случаяхъ столкновеній Французовъ съ разными лицами въ С.-Петербургѣ, онъ ходатайствовалъ за своихъ соотечественниковъ предъ русскими сановниками (напримѣръ, стр. 244, 267 и пр). Иногда онъ оказывалъ денежную помощь проживавшимъ въ Петербургѣ Французамъ, которымъ не выплачивались слѣдующія имъ деньги, и это давало ему поводъ жаловаться въ своихъ депешахъ на недобросовѣстность русскихъ чиновниковъ (стр. 282). Какъ кажется, Французы, пріѣзжавшіе въ Россію, обязаны были являться къ де-Лави. Весною 1718 года онъ писалъ: „Я употреблю всѣ усилія, чтобы склонить царя облегчить участь многочисленныхъ Французовъ всякаго званія, находящихся здѣсь въ самомъ бѣдственномъ положеніи, и буду имѣть честь доложить совѣту о томъ, что будетъ сдѣлано въ ихъ пользу. Многія изъ лицъ, поступающихъ на фабрики здѣсь и въ Москвѣ, избѣгаютъ являться ко мнѣ, выѣхавъ изъ Франціи безъ позволенія или подъ вымышленными именами, и это помѣшало мнѣ выслать точный списокъ ихъ; постараюсь узнать имена ихъ косвеннымъ образомъ“ (стр. 334).

Еслибы вмѣстѣ съ донесеніями де-Лави къ извѣстному вельможѣ были напечатаны и донесенія его въ Conseil de marine, то мы могли бы составить себѣ болѣе точное понятіе о кругѣ дѣятельности этого французскаго агента. Въ общихъ чертахъ онъ говоритъ о своей должности въ депешѣ отъ 20-го октября 1718 года: Я счастливъ, что вамъ извѣстно усердіе, съ которымъ я имѣю честь служить его величеству: я служу восьмой годъ, а четвертый нахожусь при здѣшнемъ дворѣ въ званіи комиссара и консула по морскимъ и торговымъ дѣламъ, и такъ какъ прежніе министры были довольны моею аккуратностью и моимъ усердіемъ, надѣюсь, что и вы будете довольны этимъ, а также вниманіемъ, съ которымъ я постараюсь сообщать вамъ о

всѣхъ обстоятельствахъ, доходящихъ до моего свѣдѣнія и могущихъ оказать пользу службѣ его величества“ и пр. (стр. 382).

Объясняя тѣ затрудненія, съ которыми ему приходилось бороться при исполненіи своихъ обязанностей, де-Лави 4-го февраля 1718 г. пишетъ: „Я былъ бы весьма счастливъ, еслибы могъ сравниться съ моими товарищами въ ихъ точности (ponctualité) относительно дѣлъ тѣхъ государствъ, гдѣ они находятся, ибо, кромѣ общенія съ народами, посреди которыхъ они живутъ, сходство въ нравахъ и знакомство съ языкомъ страны значительно облегчаетъ имъ выполненіе возложенныхъ на нихъ обязанностей. Я же, напротивъ, нахожусь въ страпѣ, гдѣ иностранцевъ не любятъ, языкъ (который я стараюсь изучить) мало извѣстенъ этимъ послѣднимъ, и это обстоятельство, вмѣстѣ съ недовѣріемъ, свойственнымъ характеру Русскаго народа, иногда лишаетъ меня возможности на столько проникать въ ихъ дѣла, на сколько бы мнѣ того хотѣлось“ и пр. (стр. 304). Безъ сомнѣнія, тутъ подъ „товарищами“ (collègues) онъ разумѣлъ именно консуловъ. Впрочемъ, перечисляя въ донесеніи отъ 9-го мая 1718 года, представителей иностранныхъ дворовъ и называя настоящихъ дипломатическихъ резидентовъ, а также консуловъ, онъ не называетъ себя ни въ числѣ первыхъ, ни вторыхъ.

Наконецъ, достойно вниманія, что находясь въ Россіи, де-Лави считалъ вѣроятнымъ отправленіе туда, въ качествѣ посланника, извѣстнаго намъ Балюза, пребывавшаго въ Польшѣ (стр. 254). Значитъ, самъ де-Лави не надѣялся занять настоящій дипломатическій постъ при русскомъ дворѣ.

Нѣкоторая скромность положенія де-Лави не мѣшала ему, однако вращаться въ высшемъ обществѣ новой русской столицы, и даже быть въ личныя сношенія съ Петромъ. Уѣзжая за границу въ началѣ 1716 года, царь въ бесѣдѣ съ де-Лави выразилъ желаніе, чтобы торговля Французовъ процвѣтала въ Россіи (стр. 221). Послѣ возвращенія царя изъ-за границы де-Лави, въ октябрѣ 1717 года, писалъ: „Я не могъ видѣть царя по причинѣ нездоровья, продолжавшагося недѣлю и весьма меня ослабившаго“ (стр. 256). Немногомъ позже онъ доносилъ: „Третьяго дня при дворѣ праздновали съ большимъ торжествомъ день рожденія великаго князя Петра Петровича; я присутствовалъ при этомъ, чтобы имѣть честь принести поздравленія его царскому величеству“ и пр. (стр. 260).

Нѣтъ сомнѣнія, что въ кругахъ иностранцевъ, проживавшихъ въ Петербургѣ, де-Лави игралъ довольно важную роль и имѣлъ значн-

тельными связи. „Вчера“ — сказано въ одномъ изъ его донесеній—, „я обѣдалъ у генерала Дюпре и онъ передавалъ мнѣ что изъ 35 галеръ 12 поступать въ его распоряженіе и онъ поведетъ ихъ въ Финляндію съ 2,000 человекъ экипажа“ (стр. 215). Лѣтомъ 1717 года онъ сообщаетъ, что ухаживаетъ за инженерами Леблондомъ и Фрезини, чрезъ которыхъ онъ узнавалъ подробности о важнѣйшихъ постройкахъ въ Кронштадтѣ и на Васильевскоѣ Острову (стр. 223). Въ донесеніи отъ 23-го августа 1717 года сказано: „На прошлой недѣлѣ вице-адмиралъ Крѣйсъ угощалъ капитановъ англійскихъ военныхъ кораблей, сопровождавшихъ сюда и въ Ригу тѣхъ изъ своихъ соотечественниковъ, которые прибыли въ Россію для веденія торговли. Я имѣлъ честь быть приглашеннымъ на этотъ обѣдъ и слышалъ, какъ вице-адмиралъ рассказывалъ, что въ настоящую минуту 10,000 человекъ работаютъ надъ устройствомъ канала“ и проч. (стр. 237) Въ концѣ 1717 года де-Лави побывалъ у лейбъ-медика Эрскина и послѣ того обратился къ своему покровителю-корреспонденту съ вопросомъ: нельзя ли сдѣлать Эрскина членомъ французской академіи, замѣчая при этомъ: „Такъ какъ этотъ саповникъ весьма уважаемъ царемъ и не враждебенъ нашей націи, то я полагаю, что онъ могъ бы быть намъ полезенъ“ (стр. 268). Изъ делешъ Вебера извѣстно, что Эрскинъ состоялъ въ тѣсной связи съ партией якобитовъ, пользовавшейся особеннымъ покровительствомъ Франціи ¹⁾. Поэтому Веберъ былъ весьма недоволенъ Эрскиномъ и однажды показалъ де-Лави письмо, полученное имъ отъ короля Георга и заключающее въ себѣ жалобы на якобитовъ и Эрскина (стр. 349). Далѣе де-Лави сообщаетъ о своей перепискѣ съ какимъ-то графомъ Вильо (стр. 303), о своемъ знакомствѣ съ миссіонеромъ Яковомъ Долеглю изъ Милана (стр. 347), о своихъ бесѣдахъ съ путешественникомъ Лангомъ, пробывшимъ около трехъ лѣтъ въ Китаѣ и возвратившимся оттуда въ 1717 году (стр. 380) и пр.

Нельзя не замѣтить, что де-Лави почти вовсе не говоритъ о своихъ сношеніяхъ съ русскими вельможами, между тѣмъ какъ онъ, безъ сомнѣнія, зналъ многихъ изъ нихъ. Уже выше мы видѣли, что онъ считалъ нужнымъ приглашать къ себѣ и угощать русскихъ саповниковъ съ цѣлью узнавать болѣе подробно о состояніи дѣлъ русскихихъ. Однако, онъ почти никогда не называлъ имена своихъ знакомыхъ, и лишь глухо, въ общихъ выраженіяхъ говоритъ о таковыхъ

¹⁾ См. *Германна, Zeitgenöss. Berichte*, стр.

сношеніяхъ. Такъ, напримѣръ, онъ пишетъ: „Одинъ высокопоставленный пріятель передавалъ мнѣ, что“ и т. д. (стр. 271) или: „я видѣлъ письма изъ Москвы, показывающія, что“ и пр. (стр. 330), или: „инженеръ, общавшій мнѣ планъ Кронштадтскаго порта, нашей рѣки и этого города, былъ очень боленъ, что и помѣшало ему сдержать слово; но въ настоящее время онъ поправился и обѣщаетъ на дняхъ вручить мнѣ его въ исправности“ (стр. 246). Только о знакомствѣ де-Лави съ Ягужинскимъ мы находимъ въ его депешахъ слѣдующее точное указаніе: „Такъ какъ я съ нимъ хорошо знакомъ, то постараюсь подружиться съ нимъ, чтобы, если возможно, проникнуть въ тайны“ (стр. 260)

Изъ всѣхъ этихъ данныхъ мы можемъ составить довольно точное понятіе о томъ положеніи, которое де-Лави занималъ въ Петербургѣ. Нельзя, конечно, сравнивать его политическое значеніе съ тою ролью, которую играли въ Россіи Плейеръ, Лоосъ, Вестфаленъ или Мардефельдъ. Впрочемъ, малозначительность политической роли де-Лави объясняется не только его скромною должностію морского комиссара и консула, но еще болѣе тѣми холодными отношеніями, которыя существовали между Россіей и Франціей до поѣздки Петра въ Парижъ въ 1717 году. Къ тому же французскіе купцы и фабриканты не были въ Россіи многочисленны и далеко не пользопались тѣмъ вниманіемъ, какъ англійскіе и голландскіе негоціанты. Политическое сближеніе между Россіей и Франціей на основаніи договора, заключеннаго въ Голландіи въ августѣ 1717 года, повело къ назначенію въ Россію французскаго посланника, каковымъ и явился Кампредонъ. О дальнѣйшей судьбѣ де-Лави послѣ 1718 года мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній.

Но именно въ скромной роли внимательнаго наблюдателя и заключается значеніе де-Лави, и этимъ обстоятельствомъ обуславливается значеніе его депешъ, служащихъ довольно важнымъ матеріаломъ для русской исторіи съ 1715 по 1718 годъ.

Обращаемся теперь къ оцѣнкѣ донесеній де-Лави какъ историческаго источника.

Пребываніе де-Лави въ Россіи относится къ весьма важной эпохѣ царствованія Петра. Въ періодъ съ 1715 по 1718 годъ, царь съ большими усиліями продолжалъ войну со Швеціей, въ надеждѣ добиться выгоднаго мира; къ этому же времени относится его путешествіе въ западную Европу, и по возвращеніи оттуда, дѣло царевича Алексѣя. Донесенія де-Лави сообщаютъ обо всѣхъ этихъ событіяхъ

многія данныя, въ томъ числѣ и такія, о которыхъ не упомянуто въ другихъ источникахъ.

Что касается до событій Сѣверной войны, то во время пребыванія де-Лави въ Россіи всего важнѣе были военныя операціи на морѣ. Живя въ Петербургѣ, французскій морской комиссаръ не могъ не слѣдить за сооруженіемъ военныхъ судовъ на верфяхъ новой столицы. Влѣзко знакомый съ вице-адмираломъ Крюсомъ, онъ узнавалъ о предстоящихъ на морѣ военныхъ дѣйствіяхъ. Такъ, напримѣръ, 2-го января 1717 года де-Лави пишетъ: „Я тщательно осмѣдомился о томъ, на сколько положительно извѣстіе о предполагаемой постройкѣ 300 транспортныхъ судовъ; меня упѣрили, что это правда и что эту постройку уже производятъ на берегахъ Ладожскаго озера, гдѣ суда, не смотря на ихъ многочисленность, могутъ быть выстроены въ короткое время, такъ какъ заготовлено много лѣса и всякаго рода матеріаловъ, а также имѣется значительное число рабочихъ, достаточно искусныхъ въ постройкѣ судовъ такого рода, стоимость которыхъ обойдется царю въ одну треть того, что ихъ постройка стоила бы во Франціи, Англіи и Голландіи“ (стр. 112). Черезъ какого-то „пріятеля“ де-Лави узналъ „конфиденціально“, что царь намѣренъ сдѣлать высадку въ Швецію, и что транспортныя суда нужны именно для этой цѣли (стр. 113). Немного позже де-Лави черезъ „одно значительное лицо“ узналъ, что шведскій флотъ показался близъ Ревеля, и это извѣстіе заставило Меншикова и Апраксина принять разныя мѣры предосторожности. Де-Лави пишетъ: „Если Шведы станутъ между нами и Финляндіей, войско, находящееся въ окрестностяхъ Або, можетъ умереть съ голода отъ недостатка запасовъ, которыми снабжено лишь на мѣсяцъ;.. здѣшній дворъ весьма озабоченъ, но все это тщательно скрывается отъ народа во избѣжаніе послѣдствій, которыя бы повлекъ за собою общій испугъ. Я постараюсь узнать отъ г. Лепино, инженернаго маіора, ближайшія подробности этого дѣла. Кажется, ревельскій флотъ въ весьма дурномъ состояніи и не можетъ пуститься въ море, не подвергаясь большой опасности; не говорю о недостаткѣ въ офицерахъ и матросахъ, но тѣ, которые имѣются на лицо, неспособны приносить большую пользу на морѣ, а къ тому же офицеры жалуются на скудость жалованья и общую дороговизну“ (стр. 180—181).

Въ маѣ 1717 года де-Лави пишетъ: «Продолжаютъ усердно работать надъ постройкой 12-ти военныхъ кораблей, вооруженныхъ отъ

60 до 90 пушекъ, и въ началѣ будущей недѣли два самыхъ большихъ изъ нихъ будутъ спущены на воду» и пр. (стр. 217). Далѣе де-Лави сообщаетъ о тѣхъ затрудненіяхъ, съ которыми приходилось бороться русскому правительству при постройкѣ флота, о страшной смертности на верфяхъ, о скорбунной болѣзни въ войскѣ, находящемся въ Финляндіи (стр. 223 — 224), о Ревельскомъ флотѣ, готовомъ къ отплытію въ Данію, откуда Петръ хотѣлъ сдѣлать высадку въ Шонію и пр. (стр. 227). Де-Лави сильно сомнѣвался въ успѣхѣ предпологаемыхъ предпріятій вслѣдствіе недостатка въ опытныхъ офицерахъ и матросахъ.

Въ августѣ 1717 г. де-Лави сообщалъ, что ревельскій флотъ вышелъ въ море съ цѣлью овладѣть островомъ Готландомъ. При этомъ случаѣ можно видѣть, какіе слухи ходили тогда о намѣреніяхъ царя. Именно въ это время была сдѣлана попытка высадки въ Шонію, при чемъ обнаружилось нѣкоторое несогласіе между Петромъ и Даніей. Въ Даніи обвиняли Петра въ тайныхъ сношеніяхъ со Швеціей, въ желаніи заключить сепаратный миръ съ Карломъ XII, въ недобросовѣстномъ образѣ дѣйствій въ отношеніи къ союзникамъ. И вотъ де-Лави узналъ нѣкоторыя, чрезвычайно любопытныя подробности этого дѣла, какъ видно изъ его письма отъ 3-го сентября 1717 года: „Я видѣлъ письмо г. де-Септъ-Илера, бывшаго директора морской академіи, къ консулу короля датскаго, написанное въ началѣ прошлаго августа и разказывающее, что онъ присутствовалъ при высадкѣ русскихъ на островъ Готландъ для овладѣнія имъ; по его мнѣнію, это предпріятіе состоялось по предварительному соглашенію со Шведами, чтобы не допустить короля датскаго овладѣть имъ“ (стр. 235 и 240).

Въ маѣ 1718 года де-Лави сообщаетъ разныя подробности объ отправленіи въ Финляндію на 80 транспортныхъ судахъ войска, мундировъ, оружія, съѣстныхъ припасовъ и пр. (стр. 341). Достоинно вниманія замѣчаніе о пріѣздѣ въ Россію какого-то іезуита, оказавшагося шведскимъ лазутчикомъ и съ позоромъ изгнаннаго изъ Россіи (стр. 236) и т. п.

Около того же времени начали распространяться разныя слухи о дипломатическихъ сношеніяхъ Россіи съ Швеціей съ цѣлью заключенія мира. Хотя переговоры Куракина съ барономъ Гёрцомъ въ Голляндіи велись въ тайнѣ, однако вскорѣ сдѣлалось извѣстнымъ объ этихъ сношеніяхъ всему политическому міру. Какъ намъ извѣстно,

между прочимъ, изъ депешъ Вебера ¹⁾, проживавшіе въ Петербургѣ дипломаты провѣдали объ Аландскомъ конгрессѣ и сообщили о томъ своимъ правительствамъ. Такъ и де-Лави съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за этими признаками предстоящаго мира между Россіей и Швеціей. „Здѣсь полагають“, пишетъ онъ въ іюні 1717 г., „что вопросъ о заключеніи мира между царемъ и королемъ Шведскимъ значительно подвинулся благодаря посредничеству короли (Французскаго?); всѣ желаютъ этого мира для поправленія дѣлъ“ (стр. 222—223). Извѣстія о ходѣ переговоровъ встрѣчаются и въ другихъ депешахъ де-Лави отъ второй половины 1717 года (стр. 261, 264). Въ концѣ же декабря этого года онъ писалъ: „Честъ имѣю начать почтительнѣйшую депешу сообщеніемъ распространенныхъ слуховъ о предстоящемъ заключеніи отдѣльнаго мира между царемъ и королемъ Шведскимъ, имѣющихъ, мнѣ кажется, полное основаніе; по этому поводу при дворѣ и по городу ходять различныя толки. Увѣряютъ, что царь совершенно расположенъ къ подобному миру, и я охотно этому вѣрю, ибо настоящее положеніе его дѣлъ, беспорядокъ въ финансахъ и упадокъ торговли вообще вынуждаютъ такой недостатокъ денегъ, что трудно запастись даже самыми необходимыми предметами“ (стр. 273).

Впрочемъ, Франція равнодушно относилась къ вопросу о сепаратномъ мирѣ царя съ Карломъ XII; напротивъ того, прочія державы были весьма недовольны тѣмъ, что Петръ при стараніи окончить войну, недостаточно принималъ въ соображеніе интересы своихъ союзниковъ. Въ этомъ отношеніи любопытно донесеніе де-Лави отъ 3-го января 1718 года: „Я узналъ, что г. Веберъ, ганноверскій резидентъ, прибылъ сюда съ цѣлью постараться уладить различныя столкновенія, возникшія между его дворомъ и дворомъ герцога Мекленбургскаго, а также убѣдить царя не заключать отдѣльнаго мира съ королемъ Шведскимъ. По поводу этого послѣдняго вопроса онъ имѣлъ нѣсколько конференцій съ е. и. величествомъ и его министрами, которые отвѣчали ему, что государь ихъ не помышляетъ объ отдѣльномъ соглашеніи“ и пр. (стр. 285). Все это подтверждается вполнѣ допесеніями самого Вебера, который приставалъ къ Шафирову съ вопросами о намѣреніяхъ царя, и которому Шафи-

¹⁾ См. изд. *Германна, Zeitgenöss Berichte*, и мою статью объ этомъ источникѣ въ *Журналъ Мин. Нар. Пр.* т. ССХІІІ, стр. 197 и слѣд.

ровъ говорилъ, что царь вовсе не думаетъ о мирныхъ переговорахъ съ Швеціей ¹⁾).

Свѣдѣнія о попыткахъ заключенія сепаратнаго мира между царемъ и королемъ Шведскимъ сообщаются и въ депешахъ де-Лави, относящихся къ первой половинѣ 1718 года (стр. 296, 297, 301, 312, 330, 342). Лѣтомъ этого года де-Лави уже узналъ нѣкоторыя подробности о переговорахъ на Аландскихъ островахъ; онъ сообщаетъ, что шведскіе уполномоченные держатъ себя съ большимъ достоинствомъ, и что царь предоставилъ своимъ министрамъ право дѣлать всѣ расходы, какіе только они признаютъ нужными для поддержания чести его службы (стр. 346). „Еще не волагаютъ“, продолжаетъ де-Лави,—„большихъ надеждъ на этотъ конгрессъ, такъ какъ Шведы не намѣреваются уступить Ливонію; полагаютъ, что пѣль барона Гѣрца заключается лишь въ томъ, чтобы отвлечь вниманіе и сдѣлать настоящій походъ безуспѣшнымъ, что, по видимому, ему удастся“. Совершенно соотвѣтственно ходу переговоровъ на Аландскихъ островахъ, де-Лави передаетъ, что Гѣрцъ старается нарушить согласіе между союзниками, и что онъ желалъ лишь выиграть время, поступая неискренно и коварно (стр. 353). Немногомъ позже распространился слухъ, что самъ царь, въ сопровожденіи прусскаго посланника барона Мардефельда, отправился въ Финляндію, что Лужинскій уѣхалъ въ Стокгольмъ, Брюсъ и Остерманъ скоро возвратятся съ Аландскихъ острововъ и пр. Де-Лави былъ въ недоумѣніи и не зналъ, вѣрить ли или нѣтъ этимъ слухамъ (стр. 369); однако немного позже онъ сообщилъ, какъ достовѣрное извѣстіе, что „Мардефельдъ остался на островѣ Аландѣ для соблюденія интересовъ короля Прусскаго“ (стр. 394). Любопытно извѣстіе де-Лави, что датскій посланникъ и прочіе иностранные министры настоятельно просили „дворъ“ сообщить имъ результатъ Аландскаго конгресса, но что желаніе это не было исполнено, такъ что оставался самый широкій просторъ разнымъ слухамъ, папримѣръ, о перенесеніи конгресса съ Аланда на Гангэудъ въ Финляндію (стр. 382—388) и т. п. О томъ, какъ внимательно въ Петербургѣ въ кругахъ дипломатовъ слѣдили за этими событіями, можно судить по слѣдующему разказу де-Лави: „Г. Веберъ, резидентъ его британскаго величества, хотѣлъ держать пари въ 500 червонцевъ о томъ, что миръ между царемъ и Швеціей не заключенъ, зная, что нѣкоторые злонамѣренные люди

¹⁾ См. изд. *Германна, Zeitgenöss. Berichte*, стр. 115, 133—134, 149, 157.

распускаютъ здѣсь слухъ, будто миръ этотъ уже состоялся. Баронъ Шафировъ, узнавъ о предполагавшемся пари, сказалъ въ собраніи: „Если закладъ этотъ состоится и вы проиграете, я готовъ за васъ заплатить“, и пр. (стр. 387). Однако неопредѣленность положенія не измѣнилась до конца года, на что и указывалъ де-Лави въ своей депешѣ отъ декабря 1718 года (стр. 394).

Въ это время короля Карла XII уже не было въ живыхъ. Въ ноябрѣ 1718 г. онъ палъ подъ стѣнами крѣпости Фридрихсгама. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ продолженія донесеній де-Лави: иначе мы могли бы узнать отъ него о томъ впечатлѣніи, которое произвело на жителей Петербурга извѣстіе о неожиданной смерти Шведскаго короля.

Нерѣдко въ донесеніяхъ де-Лави упоминается объ отношеніяхъ Россіи къ Турціи. Впрочемъ, въ это время не происходило въ этой области ничего особенно важнаго. Поэтому де-Лави ограничивался главнымъ образомъ воспроизведеніемъ разныхъ слуховъ объ ожидаемыхъ столкновеніяхъ между обѣими державами. Нѣкоторыя изъ этихъ сообщеній не лишены интереса. Такъ, въ письмѣ де-Лави отъ 9/17-го мая 1717 года сказано: „Я слышалъ, что между крымскими Татарами существуетъ партія, преданная его царскому величеству и состоящая изъ главнѣйшихъ лицъ; это, мнѣ кажется, весьма правдоподобно, ибо между Турками распространилось общее смятеніе; къ тому же, такъ какъ Азовское море на всемъ протяженіи имѣетъ не болѣе 20 футовъ глубины, Азовъ не можетъ вмѣщать флота; къ тому же царь имѣетъ еще 25 военныхъ кораблей близъ Воронежа, и наконецъ, вѣскольکو лѣтъ тому назадъ, разговаривая съ однимъ изъ моихъ пріятелей, англійскимъ капитаномъ, командующимъ однимъ изъ большихъ линейныхъ кораблей, царь высказалъ намѣреніе овладѣть Крымскимъ полуостровомъ при первомъ благопріятномъ случаѣ. Всѣ эти размышленія, вмѣстѣ съ давнимъ желаніемъ этого государя ввести свою торговлю чрезъ Дарданельскій проливъ въ Средиземное море, а также зависть его къ успѣхамъ императора, не оставляютъ мнѣ сомнѣнія въ томъ, что царь непремѣнно рассчитываетъ увеличить свои владѣнія въ этомъ направленіи и выжидаетъ лишь случая выполнить это намѣреніе собственными войсками съ помощью Калмыковъ“ и пр. (стр. 213).

Всѣ эти предположенія де-Лави были вскорѣ подтверждены словами вице-адмирала Крюйса, подробно объяснившаго французскому морскому комиссару положеніе дѣла. Крюйсъ полагалъ, что султанъ

долженъ будетъ уступить царю не только Азовъ, но и Крымъ, и что если турки не согласятся на это добровольно, то царь постарается силою овладѣть этими мѣстами. Де-Лави считаетъ осуществленіе этихъ проектовъ весьма выгоднымъ для Франціи. Не имѣя возможности конкурировать съ Англичанами и Голландцами въ торговлѣ и мореплаваніи на Балтійскомъ морѣ, Французы, какъ полагалъ де-Лави, въ случаѣ распространенія владычества Петра на Черномъ морѣ, могли бы завести весьма оживленныя торговыя сношенія между Тулономъ и Марселемъ съ одной стороны, и Азовомъ — съ другой (стр. 233).

Слухи о склонности царя къ наступленію на Турокъ постоянно возобновлялись. Въ декабрѣ 1717 года де-Лави пишетъ: „Царь повелѣлъ немедленно выслать въ Воронежъ большое число плотниковъ для постройки 300 галеръ; изъ этого нѣкоторые заключаютъ, что этотъ государь рѣшился возвратить себѣ все, что онъ принужденъ былъ уступить Туркамъ по условіямъ Прутскаго мира“ (стр. 272). Въ слѣдующемъ письмѣ де-Лави замѣчаетъ: „Ропотъ народный и многочисленность войска вызываютъ необходимость войны съ Оттоманскою Портою, въ случаѣ прекращенія войны со Швеціею, такъ какъ войска, вернувшись въ имперію и не имѣя дѣла, будутъ бунтовать по поводу народныхъ бѣдствій“ и пр. (стр. 254). Достояннѣ вниманія слѣдующій разказъ въ письмѣ де-Лави отъ 27-го мая 1718 года: „Турецкій ага, прибывшій сюда съ многочисленною свитой и имѣвшій порученіе къ вице-канцлеру, барону Шафирову, былъ принятъ на прошлой недѣлѣ этимъ министромъ весьма страннымъ образомъ, такъ какъ сей послѣдній, вспомнивъ свой плѣвъ въ Семибашенномъ замкѣ Константинополя и невѣжливое обращеніе, которому подвергся при аудіенціи у султана, несмотря на свое званіе царскаго посла, сѣлъ на кресло, надѣлъ шляпу и при входѣ аги не всталъ и не поклонился. Онъ ограничился тѣмъ, что пригласилъ его черезъ переводчика сѣсть и затѣмъ, пристально глядя на него, спросилъ у него, какія дѣла имѣеть онъ предложить? А выслушавъ его, спросилъ: имѣете ли вы сказать еще что либо? При выходѣ аги г. Шафировъ снова не всталъ и не снялъ шляпы, вслѣдствіе чего, разставаясь съ нимъ, ага съ своей стороны выказалъ гордость, но это было уже слишкомъ поздно, чтобы отплатить за непріятный приемъ, оказанный ему. Безъ сомнѣнія, подобное поведеніе было заранѣе обдумано г. Шафировымъ и одобрено царемъ“ (стр. 342—343).

Де-Лави былъ правъ, считая возможнымъ разрывъ между Россіей частью соххvii, отд. 2.

и Турціей и замѣчая, что царь занятъ составленіемъ проектовъ завоеваній на югъ. Петръ дѣйствительно мечталъ о новыхъ торговыхъ путяхъ, о широкихъ предпріятіяхъ въ этомъ направленіи. Однако, по окончаніи Сѣверной войны, столкновения между Россіей и Оттоманскою Портою не произошло. Азовъ и Крымъ еще на нѣсколько десятилѣтій остались въ рукахъ Татаръ и Турокъ.

Чрезвычайно важныя свѣдѣнія сообщаютъ донесенія де-Лави касательно борьбы между Петромъ и царевичемъ Алексѣемъ. На этотъ счетъ депеши французскаго морскаго комиссара заслуживаютъ большаго вниманія, чѣмъ даже письма Плейера и Вебера. Де-Лави весьма тщательно слѣдилъ за всѣми частностями этого печальнаго эпизода, прислушиваясь къ разнымъ толкамъ объ образѣ дѣйствій Петра, къ разказамъ объ интригахъ царевича, къ слухамъ о пыткахъ и казняхъ и пр.

Весною 1717 года, когда царевичъ уже находился за границею, де-Лави сообщилъ своему корреспонденту содержаніе одной бесѣды, которую имѣлъ съ вице-адмираломъ Крюйсомъ объ общемъ состояніи дѣлъ въ Россіи: „Когда я заговорилъ съ этимъ сановникомъ о частныхъ болѣзняхъ цари, онъ откровенно сообщилъ мнѣ, что если Богъ отвзветъ его изъ здѣшняго міра, то можно опасаться, что его преемникъ вмѣстѣ съ дворянствомъ покинетъ этотъ городъ, чтобы возвратиться въ Москву и возстановить тамъ свою резиденцію, и что Петербургъ опустѣетъ, то-есть если не будетъ слѣдовать предначертаніямъ пинѣ царствующаго государя, то дѣла примутъ совершенно иной оборотъ и придутъ въ прежнее состояніе. Я думаю, что это составляетъ главнѣйшую причину, по которой этотъ государь принуждаетъ своихъ дворянъ производить здѣсь крупныя затраты на постройку домовъ, дворцовъ и другихъ зданій и отдавать своихъ дѣтей на службу въ его флотъ, чтобы такимъ образомъ частный интересъ дворянъ побуждалъ ихъ и послѣ него не ослабѣвать въ совершенствованіи его плавань, которые уже стоили жизни столькимъ людямъ и на осуществленіе которыхъ потрачены такія большія суммы, и потому несомнѣнно, что если государь проживетъ еще десять лѣтъ, его преемники по необходимости будутъ принуждены слѣдовать его правиламъ, столь выгоднымъ для увеличенія могущества и торговли, и подражать во всемъ его образу правленія“ (стр. 118).

Это первое въ депешахъ де-Лави указаніе на разладъ въ образѣ мыслей Петра и царевича Алексѣя. По видимому, подробности столкновений между царевичемъ и его отцомъ, принявшихъ весьма серьез-

ный характеръ уже въ октябрѣ 1715 года, оставались неизвѣстными иностраннымъ дипломатамъ до опубликованія разныхъ документовъ по этому дѣлу во время розыска въ 1718 году. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ выѣзда Алексѣи изъ Россіи въ сентябрѣ 1716 года, ни Веберъ, ни де-Лави не сообщаютъ ничего о бѣгствѣ царевича. Не раньше какъ 29-го апрѣля 1717 года, значитъ, въ то время, когда Алексѣй находился въ крѣпости Эренбергъ, де-Лави, и то мимоходомъ, упоминаетъ о пребываніи царевича за границею. Намекая на общее пудопольствіе и раздраженіе въ различныхъ слояхъ общества, онъ пишетъ: „Для успокоенія народа распространяютъ слухъ, будто бы возвращеніе царя ожидаютъ въ скоромъ времени, тѣмъ болѣе, что дворянство, духовенство и купечество много роптали по поводу отсутствія царевича-наслѣдника, о которомъ полагаютъ, что онъ въ Италіи; меня же увѣряли, что знатнѣйшія лица здѣшняго двора снабдили его 60.000 червонцевъ и обѣщали служить его интересамъ до тѣхъ поръ, пока онъ не наслѣдуетъ престола своего отца, ибо думаютъ, что монархъ этотъ намѣренъ назначить по себѣ наслѣдникомъ сына своего Петра“ и пр. (стр. 182). И только въ іюнѣ 1717 года въ донесеніи де-Лави встрѣчаются болѣе подробныя данныя о бѣгствѣ царевича, находившагося въ это время въ крѣпости Сантъ-Эльмо близъ Неаполя. Достоинно вниманія, что сообщенія де-Лави почти дословно согласны съ извѣстіями Вебера за то же время ¹⁾. Де-Лави пишетъ: „Говорятъ, что царевичъ находится въ настоящую минуту въ Инспрукъ, и что русское дворянство свободнѣе отзывается о немъ, внушая народу и духовенству, что находящійся въ опалѣ царевичъ не можетъ наслѣдовать царю, и въ этихъ видахъ, не только приписываютъ ему различные недостатки, но даже высказываютъ подозрѣнія насчетъ законности его происхожденія. Полагаю, что всѣ эти обвиненія придуманы партіей царя и молодаго Петра Петровича, во главѣ коей находится князь Меншиковъ. Для возбужденія духовенства противъ наслѣдника престола распускаютъ слухъ, будто бы, находясь въ Инспрукъ, онъ обратился за покровительствомъ католическихъ государей для приобрѣтенія престола съ тѣмъ, чтобы въ награду за это принять ихъ вѣроисповѣданіе и ввести его въ Россію. Полагаютъ, что онъ поступилъ бы лучше, обратясь къ покровительству короля Великобританскаго, своего родственника. Замѣтили, что когда князь Меншиковъ праздновалъ день рожденія

¹⁾ Ид. *Германна*, 95—96.

царя, то пили за здоровье великаго князя Петра Петровича, но не за наслѣдника. Шведскіе плѣнные надѣются, что все это произведетъ въ государствѣ крупную революцію, которою Швеція можетъ воспользоваться, чтобы возвратитъ себѣ отъ Россіи провинціи ея завоеванныя; это легко можетъ случиться“ и пр. (стр. 226).

Мы знаемъ, что на Западѣ именно въ это время развитіе могущества Петра въ особенности стало возбуждать неудовольствіе. Многіе государственные люди въ разныхъ странахъ желали, чтобы Петръ не удержалъ за собою завоеваній, чтобы Россія опять отошла въ рядъ малозначительныхъ не европейскихъ державъ, чтобы внутренніе кризисы остановили развитіе ея внѣшняго могущества. Нельзя сказать, чтобы де-Лави думалъ такъ же. Онъ высоко ставилъ гениальности царя и въ борьбѣ его съ сыномъ отставалъ большею частію образъ дѣйствій Петра. Такъ, по случаю возвращенія Петра изъ-за границы осенью 1717 года, онъ пишетъ. „Всѣ увѣрены, что государь будетъ вынужденъ обратитъ къ крайнимъ мѣрамъ относительно нѣкоторыхъ главнѣйшихъ своихъ подданныхъ, которые своею враждой вызываютъ волненія въ государствѣ, такъ какъ каждая изъ двухъ враждебныхъ партій привлекаетъ на свою сторону частныхъ лицъ, которыя, смотря по степени извлекаемой ими пользы, не перестаютъ взаимно другъ друга преслѣдовать; предсѣдатель сената строитъ козни противъ триумвирата и его партій; тѣ, въ свою очередь, ежедневно дѣлаютъ новыя открытія, чтобы, въ виду собственной защиты, имѣти на готовѣ противовѣсь всѣмъ взводимымъ на нихъ обвиненіямъ,.... Князь Долгорукій и его партія, подозрѣваемая въ преданности царевичу Алексѣю Петровичу, въ силу личной вражды, употребляютъ всѣ средства, дабы подорвать вліяніе князя Меншикова, а такъ какъ сей послѣдній знаетъ, что царь имѣетъ весьма сильныя побужденія сохранить его и интересы царя того требуютъ, то Меншиковъ не опасается своихъ противниковъ и, въ увѣренности удержать надъ ними верхъ, остается во главѣ значительнѣйшей партіи въ имперіи... Будучи боленъ въ концѣ прошлой зимы, царь передъ отъѣздомъ въ Германію написалъ свое завѣщаніе, и противъ ожиданій большей части своихъ подданныхъ, назначилъ наслѣдникомъ престола молодого великаго князя Петра Петровича, помимо старшаго царевича и вопреки условіямъ, заключеннымъ съ Вольфенбюттельскимъ домомъ при вступленіи его въ бракъ. Желая, чтобы по смерти воля его была исполнена, и предвидя, что при этомъ возникнутъ почти непреодолимыя препятствія, царь призналъ необходимымъ облечь особою своею ми-

достью князя Меншикова, адмирала графа Апраксина и его брата, что имѣеть тѣмъ большее основаніе, что первый изъ нихъ начальствуетъ сухопутнымъ войскомъ, второй—морскимъ, а третій, какъ членъ сепата, наблюдаетъ за дѣйствіями своихъ сотоварищей и противодѣйствуетъ имъ, когда признаетъ въ томъ нужду; вотъ почему я и называлъ этихъ трехъ сановниковъ триумвиратомъ. Не сомнѣваюсь, что главнѣйшая ихъ задача состоитъ въ выполненіи послѣдней воли монарха, ибо передаться на сторону царевича, значило бы для нихъ приготовить собственную погибель (стр. 247—248).

Какъ видно, не всѣ эти разказы и толки въ донесеніи де-Лави соотвѣтствовали фактамъ. Не было въ Россіи стройно организованныхъ партій въ томъ смыслѣ, въ какомъ говорить о нихъ де-Лави. Затѣмъ мы знаемъ, что до отъѣзда за границу въ началѣ 1716 года Петръ не составлялъ завѣщанія въ пользу Петра Петровича, но ограничивался лишь угрозою лишить Алексѣя права на наследство престола.

Раздраженіе Петра на царевича не могло не повліять и на отношенія его къ внукамъ. Тѣмъ важнѣе слѣдующій разказъ въ донесеніи де-Лави отъ 28-го декабря 1717 года: „Передъ отъѣздомъ (въ Москву) государь навѣстилъ сына царевича-наслѣдника, произвелъ его въ сержанты, подарилъ ему свой портретъ, украшенный брилліантами, и выказалъ при этомъ случаѣ большую нѣжность“ (стр. 279).

Говоря о желаніи Алексѣя жениться на Афросиньѣ, де-Лави замѣчаетъ: „Такъ какъ она чухонка, и происхожденіе ея весьма темное, то царь не рѣшается дать свое согласіе, но царица, будучи сама такого же темнаго происхожденія, настойчиво убѣждаетъ своего супруга разрѣшить этотъ бракъ“ (стр. 279).

Вопросъ о престолонаслѣдніи обращалъ на себя вниманіе де-Лави, который въ этомъ отношеніи считалъ образъ дѣйствій царя чрезвычайно неосторожнымъ. „Государь этотъ — пишетъ онъ — старается разрушить то самое, надъ основаніемъ чего такъ давно трудился, ибо кто же захочетъ участвовать въ выполненіи послѣдней воли царя и поддержать великаго князя Петра Петровича противъ наслѣдника-цесаревича (prince héréditaire), который, имѣя значительную партію въ предѣлахъ имперіи, будетъ, конечно, поддержанъ своимъ зятемъ, императоромъ, о чемъ можно заключить по настоящему образу дѣйствій“ и пр. (290).

И у Вебера ¹⁾, и у де-Лави (стр. 292) подробно разказано о

¹⁾ Изд. Геррманна, стр. 109—110.

какой-то шайкѣ недовольныхъ, которая со священникомъ во главѣ, остановила царя гдѣ-то на пути въ Москву и выражала негодование на брѣдобрятіе, на нарушеніе Петромъ правъ церкви, на него иностранцевъ (стр. 293, 299); но нѣсколько позже самъ де-Лави увѣдомляетъ о недостоверности распространеннаго въ Петербургѣ слуха объ этомъ происшествіи (стр. 311).

Мы не будемъ однако приводить всѣ извѣстія де-Лави о дѣлѣ царевича со времени приѣзда его въ Кѣнигсбергъ и потомъ въ Россію. Отметимъ только нѣкоторыя черты, наиболѣе важныя. Такъ, для характеристики взгляда де-Лави любопытны слѣдующія замѣчанія по поводу слуховъ о приготовленіяхъ къ розыску по прибытіи Алексѣя. „Страхъ до того распространился что даже невинные люди не увѣрены въ своей безопасности и боятся привлеченія къ отвѣтственности, такъ какъ виноватые, стремясь затруднить слѣдствіе, вслѣдствіе стараются запутать и невинныхъ, надѣясь такимъ образомъ отдѣлаться меньшей степенью наказанія. Но мудрость его царскаго величества, который какъ Соломонъ умѣетъ проникать тайны беззаконія, его окружающаго разрушить всѣ ихъ хитросплетенія и окажетъ правосудіе всакому по заслугамъ безъ малѣйшаго лицепріятія“ (стр. 308). Достойны замѣчанія и слѣдующія разсужденія въ депешѣ отъ 4-го марта 1718 года: „Чѣмъ ближе я знакомлюсь съ смутнымъ положеніемъ Россіи, тѣмъ менѣе могу предвидѣть, чѣмъ кончатся всѣ эти безпорядки. Все предпринятое его царскимъ величествомъ во время его славнаго царствованія не будетъ прочно, если онъ не достигнетъ преклонныхъ лѣтъ, если наслѣдникъ его не будетъ походить на него и онъ не будетъ поддержанъ болѣе преданными подданными, чѣмъ настояціе. Онъ самъ знаетъ все это, а также и то, что русскіе, за исключеніемъ немногихъ, въ душѣ ненавидятъ всѣ сдѣланныя имъ перемѣны. Они ожидаютъ лишь его смерти, чтобы снова погрязнуть въ праздноствіи и грубомъ невѣжествѣ. А такъ какъ царь судитъ о будущемъ по настоящему и видитъ, что подданные его лишь изъ страха и послушанія повинуются его предначертаніямъ, поддерживаемые надеждой на то, что со временемъ царевичъ, находящійся въ опалѣ, возстановитъ во всемъ прежній порядокъ, то можно ли удивляться, что въ подобной крайности царь прибѣгаетъ къ средствамъ, по видимому идущимъ въ разрѣзъ съ законами природы, но, въ сущности, имѣющимъ серьезныя основанія для ихъ оправданія. Я говорю объ отреченіи несчастнаго царевича Алексѣя: отецъ обвиняетъ его въ томъ, что онъ противился всѣмъ его намѣреніямъ, презиралъ всѣ его добрыя

совѣты, причинилъ смерть принцессѣ, своей супругѣ, огорченіями, которыя онъ ей дѣлалъ, содержалъ любовницъ при жизни этой достойной принцессы, предавался разгулу и руководился совѣтами своихъ поповъ, довершилъ мѣру своихъ дѣлъ своимъ бѣгствомъ, замышлялъ дѣйствія весьма пагубныя для интересовъ своего отца и, наконецъ, поссорилъ его съ императорскимъ дворомъ. Все это побудило царя лишить его престола, съ тѣмъ, что даже въ томъ случаѣ, еслибы прекратилось царское потомство, то и тогда онъ не будетъ имѣть никакихъ правъ на престолъ. Теперь вопросъ заключается въ томъ, какъ поступить съ царевичемъ. Полагають, что онъ обречь, но я не вѣрю слуху, будто бы царь хочетъ назначить его патриархомъ, потому что, еслибы сыну принадлежало это достоинство, отецъ былъ бы обязанъ цѣловать ему руку и называть его отцомъ. Слѣдуетъ замѣтить, что такъ какъ духовенство было причиной несчастія молодаго царевича, то его отдадутъ въ ихъ руки" (стр. 321).

Откуда взялся сообщаемый де-Лави слухъ о предстоявшемъ назначеніи Алексѣя патриархомъ? Объ этомъ, сколько намъ извѣстно, не говорится ни въ какомъ другомъ источникѣ. Трудно было, кажется, придумать болѣе нелѣпное предположеніе. Мы знаемъ, какъ смотрѣлъ Петръ на опасность, грозившую свѣтской власти со стороны духовной, именно со стороны патриарха. Возстановленіе патриаршества, облеченіе Алексѣя этимъ саномъ, естественно подвергало бы государство въ сильнѣйшій кризисъ. Петръ, какъ мы знаемъ, считалъ опаснымъ даже простое постриженіе царевича именно потому, что между царевичемъ и духовенствомъ были и безъ того весьма тѣсныя связи. Могъ ли онъ помыслить—поставить Алексѣя во главу духовенства?

Гораздо правдоподобнѣе извѣстіе де-Лави о надеждѣ сторонниковъ Алексѣя на то, что императоръ Карлъ VI объявитъ царю войну, изъ за своего родственника-царевича; впрочемъ, съ своей стороны, де-Лави прибавляетъ къ этому слуху и совершенно справедливо,—что разрывъ между Австріей и Россіей невѣроятенъ (стр. 319—320).

Хотя весьма многія подробности розыска въ Москвѣ уже были извѣстны по изслѣдованіямъ Устрялова, Соловьева, Погодина, Есипова и др., все-таки въ депешахъ де-Лави встрѣчаются нѣкоторыя любопытныя данныя въ этомъ отношеніи. Такъ, наприимѣръ, 11-го марта 1718 года, онъ пишетъ: „Запрещено выдавать кому бы то ни было паспорта для выѣзда въ Москву или въ какое либо другое

мѣсто и вообще выѣзжать отсюда. Нѣсколькимъ знатымъ лицамъ отказали въ выдачѣ паспортовъ" (стр. 322).

Кромѣ обычныхъ донесеній, въ бумагахъ де-Лави встрѣчаются и другіе документы, въ которыхъ говорится о дѣлѣ царевича: такова, напримѣръ, записка: „Détails sur le voyage du Czarewicz et sa réonciation au trône" (стр. 326 и слѣдующія). Тутъ однако нѣтъ никакихъ новыхъ данныхъ. То же самое можно сказать о напечатанныхъ въ этой коллекціи документахъ „joint à la lettre de M-r Mathy" (стр. 328—330). Къ сожалѣнію, объ этомъ Мати ничего неизвѣстно: откуда онъ взялся, кто онъ былъ, и состоялъ ли онъ въ какой-либо связи съ де-Лави?

По пріѣздѣ царя изъ Москвы въ Петербургъ, де-Лави въ денешѣ отъ 3-го апрѣля 1718 г., сообщаетъ о манифестѣ, въ которомъ заключались подробности „преступленій князей, княгинь, сановниковъ и другихъ лицъ". О царевичѣ сказано, что царь назначилъ ему 40,000 р. ежегоднаго содержанія (стр. 331). „Увѣряютъ"—продолжаетъ де-Лави,—„что конфискація имѣній всѣхъ лицъ, участвовавшихъ въ послѣднемъ заговорѣ, и тѣхъ, которыя брали взятки, доставить его царскому величеству нѣсколько милліоновъ рублей" (стр. 331).

Не лишены интереса и слѣдующія данныя въ денешѣ де-Лави отъ 29-го апрѣля 1718 года: „Князь Василій Владиміровичъ Долгорукій, получивъ отъ царя два года тому назадъ приказаніе уговорить царевича вступить въ монастырь, имѣлъ неосторожность или злобу высказать ему, что это нисколько не должно внушать опасеній, ибо по смерти царя, онъ освободитъ его оттуда, чтобы помочь ему вступить на престолъ. Царь узналъ впоследствии объ этомъ обстоятельстве. Увѣряютъ также, что Долгорукому были извѣстны пагубныя намѣренія злоумышленниковъ, и хотя онъ не участвовалъ въ заговорѣ, однако снабжалъ нѣкоторыхъ деньгами. Преобладающее мнѣніе состоитъ въ томъ, что его лишать всѣхъ правъ и сослать въ ссылку. ... Письма довольно удивляются мудрой политикѣ, которой его царское величество держался относительно его; питая къ нему подозрѣнія въ продолженіе двухъ лѣтъ, онъ, не смотря на то, ласкалъ его и всюду возилъ съ собой. Онъ даже назначилъ его главнокомандующимъ войсками въ Украинѣ за пятнадцать дней до его оналы и ему же поручилъ разслѣдованіе по злоупотребленіямъ сановниковъ, и все въ тѣхъ видахъ, чтобы удержать его отъ бѣгства. Разведенная царица будетъ заключена въ Кексгольмъ, крѣпости на границахъ Финляндіи. Полагаютъ, что невѣстка ея, Марья Алексѣевна, болѣе чѣмъ

она виноватая, уже находится въ Шлиссельбургской крѣпости, гдѣ будетъ ожидать рѣшенія своей участи. Что касается до первой, находятъ, что со стороны царя весьма политично удалить ее изъ Россіи (sic), дабы навсегда лишить ее возможности замышлять противъ него. Царевичъ Алексѣй не показывается ни при дворѣ, ни въ городѣ. Онъ не видѣлъ своихъ дѣтей и всѣ его поступки показываютъ, что у него мозгъ не въ порядкѣ⁴ и пр. (стр. 335 и 336).

Наконецъ приближалась катастрофа. Въ петербургскомъ обществѣ мало знали о послѣднемъ фазисѣ розыска надъ Алексѣемъ. 27-го іюня 1718 года де-Лави пишетъ: „Царевичъ заключенъ два дня тому назадъ въ крѣпость; увѣрають, что нашлись письма, изъ которыхъ оказалось, что онъ замышлялъ противъ жизни своего отца; мнѣ передавали, что въ прошлую субботу царь позвалъ его въ сенатъ и тамъ, обнимая его, сказалъ ему: „Я тебѣ отецъ, а ты мнѣ сынъ: какъ же ты, несчастный, хотѣлъ меня убить? Вотъ, прибавилъ онъ, — доказательства этого“, и показалъ ему бумаги. Царь не могъ удержаться отъ слезъ, и послѣ того, какъ сынъ просилъ у него прощенія, передалъ его епископамъ и прочимъ духовнымъ лицамъ, чтобы судить его, прося ихъ быть какъ можно умѣреннѣе, судя его преступленія“ и пр. (стр. 349—350).

Объ этой сценѣ въ сенатѣ мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній. Въ народѣ же передавали объ этомъ эпизодѣ совершенно инныя извѣстія и разказывали, между прочимъ, что Алексѣй предъ отцомъ и сенатомъ не снималъ шапки, что царь билъ сына обухомъ въ присутствіи сената и что царевичъ отъ этого умеръ¹⁾.

Де-Лави не зналъ о томъ, что царевича нѣсколько разъ подвергали пыткамъ. О самой смерти его у де-Лави сказано слѣдующее: „Со смертью царевича несомнѣнно погибло сѣмя возмущенія и заговоръ... царевичъ былъ во главѣ заговора, имѣвшаго цѣлью совершенно измѣнить установленный порядокъ, сжечь этотъ городъ и флотъ и посягнуть на особу его величества, вѣрныхъ слугъ его и иностранцевъ. Никогда смерть не являлась такъ кстати для возстановленія общественнаго спокойствія и разсѣянія нашихъ опасеній по поводу угрожавшихъ намъ зловѣщихъ событій. Царь былъ у царевича съ судьями... произнесли ему смертный приговоръ. Тогда онъ, опомнившись, сталъ умолять отца простить ему его преступленія... Царь простилъ его, заливаясь горячими слезами и пр... царевичъ объявилъ,

¹⁾ Соловьевъ, ХУІІ, 226.

что если онъ поправится отъ болѣзни, то не желаетъ жить, что достоинъ смерти, и чувствуетъ ея приближеніе. Когда царь удалился, то каренитъ послалъ за нимъ, проси его возвратиться... иди къ вѣну, царь встрѣтилъ посланнаго съ извѣстіемъ, что тотъ уже умеръ" и пр. (стр. 354—355).

Вообще, въ дѣлѣ царевича де-Лави ни въ чемъ не обвиняетъ царя и волиѣ одобрять его дѣйствія. Быть можетъ, впрочемъ, описаніе перлюстраціи заставляло де-Лави писать въ этомъ духѣ. Въ донесеніи отъ 1-го августа сказано: „Несомнѣнно, что этотъ монархъ употреблялъ при жизни царевича всѣ средства, чтобы внушить ему чувства, столь необходимыя наследнику престола, и если онъ передъ смертью лишилъ его престола и титула, то былъ вынужденъ къ подобному образу дѣйствій необходимостью оградить собственную безопасность и благо своего государства, такъ что нельзя достаточно похвалить прекрасный образъ дѣйствій этого государя" (стр. 365).

Одновременно съ дѣломъ царевича Алексѣя было множество другихъ уголовныхъ процессовъ, о которыхъ изъ донесеній де-Лави и Вебера мы узнаемъ гораздо болѣе, чѣмъ изъ русскихъ источниковъ. Частые случаи казнокрадства и лихоимства заставляли царя прибѣгать къ весьма крутымъ мѣрамъ, которыя волиѣ одобрялись иностранными дипломатами.

Уже въ 1715 году де-Лави упоминаетъ объ открытіи злоупотребленій во администраціи, замѣчая, что конфискованныя имѣнія виновныхъ составляютъ до 5 милліоновъ рублей, и что царь „явилъ большое милосердіе относительно виновныхъ" (стр. 100). Въ 1717 году де-Лави пишетъ, что по недобросовѣстности Долгорукаго, задержавшаго 100,000 р., погибло 8,000 человекъ (стр. 250). Путешествіе Петра въ Москву, въ концѣ 1717 года, объяснили „желаніемъ царя не присутствовать при смертной казни нѣкоторыхъ сановниковъ, обокравшихъ его" (стр. 271). Къ тому же году относится, по показаніямъ де-Лави, еще нѣсколько случаевъ казни за казнокрадство и другія административныя злоупотребленія важныхъ сановниковъ (стр. 276—278, 328). Въ письмѣ отъ 28-го декабря того же года де-Лави сообщаетъ, что царь поручилъ судъ надъ многими виновными нѣкоторымъ гвардейскимъ офицерамъ Преображенскаго полка. Мѣру эту де-Лави находитъ довольно странною, замѣчая въ донесеніи отъ 7-го января 1718 года: „Я чрезвычайно удивленъ обращеніемъ этого государя съ знатнѣйшими своими подданными: въ настоящую минуту здѣсь, такъ сказать, нѣтъ никого, кто бы завѣдывалъ судо-

производствомъ. Царя совѣмъ или почти совѣмъ не было видно: онъ уѣхалъ, не желая никого слушать, и поручилъ дѣла знатнѣйшихъ дворянъ разбирательству простыхъ офицеровъ и военныхъ чиновъ, не имѣющихъ даже понятія о гражданскихъ законахъ, большая часть ихъ не умѣетъ писать... Въ этомъ городѣ, вслѣдствіе безчисленныхъ обвиненій, появилась какъ будто какая-то общественная зараза. Здѣсь никто не знаетъ, обвинитель онъ или обвиненный, что внушаетъ царю мысль, что почти всѣ виноваты, и потому онъ никому не оказываетъ довѣрія. Все сказанное мною относится до знатнѣйшихъ лицъ; низшія сословія какъ будто оставлены до слѣдующаго раза; всего болѣе удаляетъ отъ его царскаго величества всѣхъ знатныхъ особъ то невниманіе, съ которымъ онъ обращается съ ними, назначивъ каждому изъ нихъ майора, капитана и лейтенанта, изъ своей гвардіи, которому поручено разсмотрѣніе и рѣшеніе ихъ процесса ранѣе его возвращенія" и пр. (стр. 288—289).

Де-Лави не сомнѣвался однако въ томъ, что русскіе администраторы способны были на самыя ужасныя преступленія. 31-го января 1718 года, разказывая о пожарѣ въ зданіи сената, онъ замѣчаетъ: „Полагаютъ, что это несчастіе есть дѣло кого-либо изъ членовъ сената, желавшихъ при помощи этого пожара уничтожить улики и матеріалы къ производству слѣдствія по различнымъ дѣламъ, веденнымъ ими" (стр. 300).

Дѣло богатаго русскаго купца въ Амстердамѣ Соловьева, привлеченнаго къ суду въ 1717 году, остается пока неразъясненнымъ. Разбросанныя здѣсь и тамъ данныя объ этомъ дѣлѣ не даютъ точнаго понятія о мѣрѣ виновности Соловьева. Тѣмъ болѣе достойны вниманія нѣкоторыя замѣчанія де-Лави объ этомъ предметѣ. Онъ пишетъ весною 1717 года: „Царь, нуждаясь въ деньгахъ и узнавъ, что князь Меншиковъ имѣетъ въ амстердамскомъ банкѣ 300,000 р., подъ тѣмъ предлогомъ, будто бы повѣренный князя, Соловьевъ, ведетъ его дѣла не довольно честно, немедленно разсмотрѣлъ всѣ бумаги Соловьева ¹⁾ и принудилъ его потребовать эту сумму изъ банка и отдать ее ему лично" и пр. (стр. 177). Нѣсколькими мѣсяцами позже де-Лави сдѣлалъ выписку изъ письма, полученнаго имъ изъ Брауншвейга и заключающаго въ себѣ подробности о дѣлѣ Соловьева. Тутъ сказано, между прочимъ: „Его царское величество самъ неожиданно арестовалъ въ Амстердамѣ г. Соловьева и всѣ его счет-

¹⁾ Въ началѣ 1717 года Петръ прожилъ нѣсколько недель въ Амстердамѣ.

ныя книги и выслалъ его въ Петербургъ подъ конвоемъ Нарышкина и 25 солдатъ прусской королевской гвардіи; въ упомянутыхъ книгахъ оказалось 'пять милліоновъ, похищенныхъ у царя три или четыре года тому назадъ, и около 50 милліоновъ, которые подъ именемъ этого человѣка были положены нѣкоторымъ сановникомъ въ амстердамскій банкъ. Словомъ, его царское величество открылъ чрезъ это все имущество этого сановника и главнѣйшихъ его участниковъ. Это поразило его какъ громомъ. Вы вѣроятно увидите по приѣздѣ царя ужасныя событія и сцена эта будетъ еще крупнѣе, чѣмъ въ 1715 году". Къ этому прибавлено замѣчаніе де-Лави: „Я думаю, что сановникъ, о которомъ говорится—князь Меншиковъ, потому что братъ Соловьева служить у князя дворецкимъ" (стр. 252). Хотя и де-Лави замѣчаетъ, что этотъ случай надѣлалъ много шума въ Петербургѣ, онъ все-таки почти вовсе не говоритъ о послѣдствіяхъ событія, случившагося въ Амстердамп. Только говоря о казни прикованнаго къ этому дѣлу князя Волконскаго, чрезъ котораго царь надѣялся узнать кое-что о злоупотребленіяхъ братьевъ Соловьевыхъ, де-Лави замѣчаетъ: „Со времени казни Волконскаго семейство Соловьевыхъ вздохнуло свободнѣе" (стр. 278).

Такого рода случаи повторялись весьма часто и поддерживали въ Петрѣ постоянное раздраженіе. 5-го іюня 1717 года де-Лави пишетъ: „Князь Меншиковъ передалъ сенату письмо царя, который жалуется на дурное управленіе дѣлами государства, особенно на медленность при исполненіи его повелѣній и говоритъ, что за это накажетъ его Богъ, а самъ онъ по возвращеніи разберетъ поведеніе сената и накажетъ виновныхъ, вслѣдствіе чего всѣ члены этого знаменитаго учрежденія находятся въ неопisanномъ страхѣ" (стр. 218). Немногимъ позже: „Потихоньку говорятъ, что нѣкоторые изъ главныхъ сенаторовъ арестованы... одинъ изъ главныхъ членовъ этого учрежденія присвоилъ себѣ трехлѣтній доходъ съ солиныхъ коней на сумму 80,000 рублей ежегодно", и пр. (стр. 222).

Нѣсколько разъ де-Лави упоминаетъ о недобросовѣстности Меншикова, о его столкновеніяхъ съ сенатомъ, о часто мѣнявшемся обращеніи съ нимъ царя. Въ то самое время, когда Петръ открылъ въ амстердамскомъ банкѣ слѣды алчности фаворита, де-Лави пишетъ: „Князь Меншиковъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы упрочить за собою милость государя, до того, что въ виду приобрутенія расположенія адмирала Апраксина, продалъ ему часть своихъ имѣній за одну треть ихъ стоимости" (стр. 218). Между прочимъ Меншикова

обвиняли въ недостаткѣ зерноваго хлѣба, такъ какъ онъ купилъ зерна на милліонъ и получилъ отъ этого 500,000 руб. прибыли (стр. 219). Послѣ того, какъ онъ казался сильно компрометтированнымъ въ дѣлѣ Соловьева, всѣхъ удивило то обстоятельство, что царь, послѣ возвращенія изъ-за границы, бесѣдовалъ съ нимъ за обѣдомъ дружески и ласково (стр. 258). То разказывали, что царь билъ Меншикова (стр. 274), то говорили, что Меншиковъ будетъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Россіи и что губернаторы отдѣльныхъ провинцій будутъ отдавать ему отчетъ объ управленіи (стр. 331), то увѣряли, что онъ былъ подвергнутъ допросу въ засѣданіи суда, учрежденномъ для разслѣдованія злоупотребленій (стр. 390) и что царь лишитъ его управленія Эстляндіею и Ингріею, требуя отъ него отчета о его распоряженіяхъ (стр. 393).

Строгія мѣры не останавливали однако злоупотребленій. „Смуты, волновавшія это государство, вслѣдствіе интригъ приверженцевъ покойнаго царевича и злоупотребленій сановниковъ“, пишетъ де-Лави 28-го ноября 1718 г., — „не только не прекращены казнью многихъ виновныхъ, но напротивъ того усиливаются. Недовѣріе дошло до того, что ежедневно арестуютъ множество лицъ безъ всякаго разбора и по малѣйшему подозрѣнію, вслѣдствіе чего никто не можетъ быть увѣренъ въ своей безопасности... Царь, несмотря на силу своего ума, усиливаетъ общія опасенія своимъ безпокойствомъ; рѣдко бываетъ онъ спокоенъ даже въ продолженіе часа, кромѣ торжественныхъ дней, когда онъ старается на нѣсколько мгновеній забыть свои многочисленныя заботы“ и пр. (стр. 391). Въ декабрѣ 1718 г. происходили опять новыя казни (стр. 395), и немедленно послѣ оныхъ царь, какъ разказываетъ де-Лави, созвалъ членовъ сената и объявилъ имъ, что, наказавъ государственныхъ преступниковъ, онъ теперь обратится къ наказанію тѣхъ шлюбокъ, которыя по своей алчности обогатились имуществомъ своего правосуднаго государя и его подданныхъ, благосостояніемъ коихъ онъ всего болѣе дорожитъ. Въ то же время царь образовалъ судную комиссію, назначивъ председателемъ ея генерала Вейде, а нѣсколькихъ другихъ генераловъ ассессорами, чтобы судить виновныхъ по военнымъ законамъ, которые въ Россіи строже, чѣмъ во всѣхъ прочихъ государствахъ: „Это страшное судилище заставляетъ дрожать отъ испуга членовъ лучшихъ фамилій имперіи. Оно открыло сегодня свои засѣданія и потребовало князя Меншикова, адмирала Апраксина, сенатора, брата его, князя Долгорукаго, председателя сената и князя Гагарина, сибирскаго губерна-

тора, для допроса по обвиненіямъ, изводимымъ на нихъ фискалами. Остается подъ арестомъ еще болѣе 200 человекъ, обвиненныхъ въ злоупотребленіяхъ, и нѣкоторымъ въ нихъ угрожаетъ опасность лишиться жизни" (стр. 397). Къ сожалѣнію, изданія деши де-Лави прерываются въ концѣ 1718 года, и мы не имѣемъ дальнѣйшихъ свѣдѣній объ этихъ процессахъ.

Затрогивая милость вопросовъ, упоминая о разныхъ лицахъ, де-Лави въ своихъ донесеніяхъ доставляетъ, хотя и случайно, обильный матеріалъ для изученія разныхъ вопросовъ Петровскаго времени. Такъ, мы можемъ узнать отъ него кое-что о нѣкоторыхъ изъ дипломатовъ, находившихся въ то время при русскомъ дворѣ. Личность и дипломатическая дѣятельность ганноверо-англійскаго резидента Вебера уже довольно выяснилась чрезъ изданіе бумагъ этого дипломата профессоромъ Геррманномъ въ 1880 году. Несмотря на то, и нѣкоторыя свѣдѣнія о Веберѣ, встрѣчающіяся въ донесеніяхъ де-Лави (стр. 284 — 285, 322, 344, 349, 384, 389), достойны вниманія. Веберъ былъ хорошо знакомъ и состоялъ въ перепискѣ съ нимъ (стр. 117). Въ особенности любопытенъ слѣдующій разказъ, относящійся къ октябрю 1718 года: „Г. Веберъ имѣлъ съ царемъ двухчасовой и весьма жаркій разговоръ, который, впрочемъ, кончился благополучно, такъ какъ царь былъ такъ добръ, что въ присутствіи всего общества обнялъ его и провозгласилъ тостъ за лучшій исходъ дѣлъ. Мнѣ передавали, что ихъ разговоръ касался испанскихъ дѣлъ" (стр. 384).

Менѣе важны замѣчанія де-Лави о положеніи австрійскаго дипломата Плейера, о прусскомъ дипломатѣ Шлиппенбахѣ и пр. За то особенно интересны свѣдѣнія о голландскомъ резидентѣ де-Би, который имѣлъ сильное столкновеніе съ русскимъ правительствомъ по дѣлу царевича Алексѣя. Вообще положеніе де-Би при русскомъ дворѣ было не особенно выгодное. Однажды царь, „будучи недоволенъ Голландцами вслѣдствіе нѣкоторыхъ извѣстій, полученныхъ имъ, сказалъ ихъ резиденту, что, если Генеральныя Штаты предпримутъ что-либо противъ интересовъ Россіи въ Балтійскомъ морѣ, онъ выгонитъ всѣхъ негоціантовъ ихъ республики изъ Россіи, конфискуетъ ихъ имущество и передастъ ихъ торговлю другому народу" (стр. 341). Послѣ загадочной смерти царевича де-Би имѣлъ неосторожность сообщить нѣкоторыя подробности о его дѣлѣ въ своемъ донесеніи Генеральнымъ Штатамъ. Это письмо попало въ руки русскаго правительства и повлекло за собою цѣлый рядъ не-

пріятностей для голландскаго резидента. Особенно недоволенъ былъ Петръ замѣчаніемъ де-Би о неминуемо предстоявшемъ повсемѣстномъ бунтѣ. Де-Би подвергся домашнему аресту, а бумаги его пересматривались русскими чиновниками. Въ извѣстномъ сочиненіи Устрялова о Петрѣ уже обнародованы весьма любопытныя данныя объ этомъ дѣлѣ¹⁾. Но де-Лави, въ приложеніи къ депешѣ отъ 14-го іюля 1718 г., мы встрѣчаемъ протоколъ допроса, сдѣланнаго голландскому резиденту, и этотъ документъ (стр. 357 — 363) можетъ служить важнымъ дополненіемъ къ прежде обнародованнымъ извѣстіямъ. При натянутыхъ отношеніяхъ между Голландіей и Франціей нельзя удивляться тому, что де-Лави нисколько не сожалѣлъ о бѣдѣ, постигнувшей резидента Генеральныхъ Штатовъ, и находилъ образъ дѣйствій русскаго правительства совершенно правильнымъ. Де-Лави даже считалъ вѣроятнымъ, что де-Би зналъ нѣкоторыя подробности о какомъ-то заговорѣ противъ царя и не пожелалъ сообщить объ этомъ куда слѣдовало (стр. 356, 364). Вслѣдствіе этого случая де-Би долженъ былъ оставить Россію (стр. 378). Достоинно вниманія, что въ протоколѣ, подписанномъ де-Би, онъ объясняетъ все недоразумѣніе не только ложными слухами, но и своимъ „малодушіемъ“.

Де-Лави интересовался вопросомъ о размѣрахъ государственныхъ доходовъ Россіи. Какъ онъ узналъ, въ 1715 году они составляли сумму 20 милліоновъ рублей. „Двуми милліонами“, замѣчаетъ де-Лави о царѣ, „онъ въ состояніи содержать свой домъ и сухопутныя войска, но морскія силы обходятся ему весьма дорого,“ (стр. 108). Въ 1717 году де-Лави пишетъ о новой финансовой мѣрѣ: „Царь повелѣлъ всѣмъ боярамъ и прочимъ дворянамъ внести часть ихъ серебра для обращенія въ монету; такъ какъ многіе закапывали свое серебро въ землю, то я не думаю, чтобы подобная мѣра произвела ожидаемую пользу“ (стр. 218). Нѣсколько позже онъ сообщаетъ о подворномъ налогѣ въ столицѣ, и притомъ замѣчаетъ, что съ него ожидаютъ 100.000 рублей (стр. 275).

Нѣсколько разъ упоминаетъ де-Лави о флотѣ и о постройкѣ гаваней и каналовъ. „Царь—пишетъ онъ въ 1715 г.—остался недоволенъ тѣмъ, что англійскій резидентъ безъ его позволенія посѣтилъ Кроншлотъ, гдѣ находятся его военные корабли“ (стр. 108). Въ другомъ мѣстѣ говорится о постройкѣ гавани въ Балтійскомъ портѣ, возбуждающей сильный ропотъ между жителями Эстляндіи и Лифляндіи.

¹⁾ Ист. Петра Великаго, VI, стр. 549—567.

дѣл, уже разоренными прежними постройками такого рода (стр. 111—114), о постройкѣ новыхъ военныхъ кораблей (стр. 217), о страшной смертности между рабочими на верфяхъ (стр. 223), о привозѣ громаднаго количества дубоваго лѣса изъ Казани, „котораго достаточно для постройки восьми крупныхъ кораблей“ (стр. 233) и пр. Де-Лави удивлялся самоличному участию царя въ этихъ дѣлахъ, и между прочимъ, передаетъ слѣдующій случай: „Въ прошлое воскресенье царь велѣлъ спустить на воду 80-типушечный корабль, названный Св. Петръ; онъ все время присутствовалъ при этой работѣ, ободряя своимъ примѣромъ рабочихъ, оканчивавшихъ корабль; не разъ онъ съ топоромъ въ рукахъ помогалъ подрубать подпоры, не обращая вниманія на опасность и увлекаясь нетерпѣливостью, не смотря на видѣнные имъ примѣры, ибо, при спускѣ послѣдняго корабля... два человѣка были убиты“, и пр. (стр. 258). Въ 1718 году былъ спущенъ корабль, въ постройкѣ котораго участвовалъ царь. Разказывали, что онъ намѣренъ постоянно имѣть 13 кораблей на верфи, съ тѣмъ чтобы, по мѣрѣ спуска выстроенныхъ кораблей, приступить къ сооруженію новыхъ (стр. 350). Де-Лави замѣтилъ, что царь ласкалъ Англичанъ, завѣдывавшихъ постройкою военныхъ кораблей, проводилъ съ ними цѣлые часы, откровенно разговаривая о различныхъ предметахъ, при чемъ между прочимъ сказалъ, что во Франціи положеніе флота весьма плачевно, что множество кораблей тамъ пропадаютъ въ гаваняхъ, и что французское правительство не въ состояніи снарядить и спустить въ море эскадру въ двѣнадцать линейныхъ кораблей (стр. 263).

Далѣе де-Лави пишетъ о сооруженіи каналовъ и о громадномъ ихъ значеніи для Россіи (стр. 237—238), при чемъ, между прочимъ, замѣчаетъ, что Англичанинъ Перри, взявшій на себя соединить Волгу съ Дономъ, „былъ принужденъ бѣжать, такъ какъ губернаторъ той области угрожалъ ему, что въ случаѣ неудачи его повѣсятъ“ (стр. 288) ¹⁾.

Состояніе торговли и промышленности въ Россіи особенно интересовало де-Лави. Часто онъ говоритъ о прибывавшихъ въ Россію ремесленникахъ, между которыми были и Французы (стр. 226—236); упоминаетъ о разныхъ фабрикахъ (стр. 308 и 317), о намѣреніи царя отправить нѣсколько кораблей, нагруженныхъ русскими товарами въ Средиземное море. „Царь“, замѣчаетъ де-Лави при этомъ случаѣ,—

¹⁾ Впрочемъ самъ Перри, въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи «The present state of Russia», иначе разказываетъ о томъ, почему онъ покинулъ Россію.

„хочетъ удостовѣриться путемъ этой попытки, будетъ ли подобная торговля выгодна для его подданныхъ. Политика его прекрасна, ибо онъ все хочетъ знать собственнымъ опытомъ (стр. 215).

Де-Лави, какъ кажется, не особенно часто бывалъ при русскомъ дворѣ. Тѣмъ не менѣе онъ имѣлъ возможность получать подробныя свѣдѣнія о состояніи двора, и нѣкоторыя его замѣчанія о членахъ царскаго семейства достойны вниманія. Вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Россію де-Лави присутствовалъ на одномъ придворномъ празднествѣ; при этомъ случаѣ онъ говоритъ о Екатериинѣ: „Послѣ обѣда царь и царица открыли балъ, который продолжался около трехъ часовъ; царь часто танцевалъ съ царицей и съ маленькими царевнами и много разъ цѣловалъ ихъ; при этомъ случаѣ онъ обнаружилъ большую нѣжность къ царицѣ и можно сказать по справедливости, что, не смотря на неизвѣстность ея рода, она вполне достойна милостей такого великаго государя; описаніе качествъ этой государыни, сдѣланное мною три года тому назадъ въ письмѣ къ графу де-Шоншартрену, нисколько не прикрашено. Въ настоящую минуту она имѣетъ пріятную полную; цвѣтъ лица ея весьма блѣдъ съ примѣсью природнаго нѣсколько яркаго румянца; глаза у нея черные, маленькіе; волосы такого же цвѣта длинныя и густыя, шея и руки красивыя, выраженіе лица кроткое и весьма пріятное. Къ этому можно прибавить, что царь относится къ ней съ особеннымъ уваженіемъ“ (стр. 102). По случаю пріѣзда Петра изъ за границы осенью 1717 года де-Лави пишетъ: „Ея величество, супруга его, прибыла около девяти часовъ вечера (20-го сент.); говорятъ, что она необыкновенно торопилась. Предполагаютъ, что тутъ кроется какая-то тайна, и что она имѣла въ виду удалить царя, своего супруга, отъ возобновленія прежней привязанности къ нѣкоторымъ предметамъ. Я однако думаю, что она заботилась въ этомъ случаѣ лишь объ оказаніи покровительства тѣмъ изъ своихъ креатуръ, которыя нуждаются въ немъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, и объ особенномъ удовольствіи увидѣть мужа и дѣтей“ (стр. 255). ¹⁾

Осенью 1718 года де-Лави былъ приглашенъ ко двору по случаю празднованія дня рожденія трехлѣтняго царевича Петра Петровича. „Онъ еще не говоритъ и не ходитъ“, пишетъ де-Лави объ этомъ

¹⁾ Екатерина находилась за границею въ 1716 и 1717 годахъ вмѣстѣ съ Петромъ, но вернулся онъ порознь. См. мою статью въ *Р. Вѣстн.*, т. СIII, стр. 100.

ребенкѣ,— „но даръ утѣшается тѣмъ, что самъ онъ въ такомъ же возрастѣ былъ въ одинаковомъ положеніи“. Такой же отзывъ о слабости физическомъ развитіи царевича встрѣчается и у Вебера ¹⁾. О самомъ празднествѣ де-Лави рассказываетъ такъ: „Самыя тонкія вина подавались тамъ въ изобиліи. Царъ велѣлъ принести ведро простой русской водки и раздавалъ его въ простой деревянной чаркѣ въ два стакана, всѣмъ знатнѣйшимъ лицамъ въ томъ числѣ и дамамъ, которыхъ онъ всѣхъ безъ исключенія цѣловалъ“ и пр. (стр. 386).

Нѣсколько разъ въ донесеніяхъ де-Лави говорится о слухахъ касательно предстоящаго вступленія во второй бракъ племянницы Петра, Анны Ивановны, вдовы герцога Курляндскаго. Ей прочли въ женихи то принца Саксенъ-Вейсенфельскаго (стр. 271 и 298), который долженъ былъ сдѣлаться въ такомъ случаѣ герцогомъ Курляндскимъ (стр. 276), то маркграфа Филиппа (стр. 377). „Что касается до принца Вейсенфельскаго“, замѣчаетъ при этомъ де-Лави,— „его искательство отклонено, потому что у него только 5000 червонцевъ дохода, а у его соперника 30,000. Г. Грушко тайный совѣтникъ короля Прусскаго велъ переговоры объ этомъ бракѣ“ и пр.

Въ заключеніе нашего обзора донесеній де-Лави замѣтимъ, что хотя положеніе, которое занималъ въ Россіи французскій морской комиссаръ и консулъ, по важности и значенію далеко уступаетъ той роли, которую играли при русскомъ дворѣ его товарищи по дипломатическому корпусу, донесенія де-Лави, какъ источникъ для исторіи Петровскаго времени, заслуживаютъ не меньшаго вниманія, чѣмъ депеши другихъ иностранныхъ резидентовъ, находящихся одновременно съ нимъ въ Россіи—Вебера и Плейера.

¹⁾ Изд. *Германна*, 104.

А. Брикшеръ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ ССХХVIII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Средн. Подъяч., № 1.

1883.

СОДЕРЖАНИЕ

С О Д Е Р Ж А Н И Е

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

- Франція и Россія при Петрѣ Великомъ. А. Бужинскій.
Князь Горонецкій Мстиславъ Мстиславичъ. Вл. Бузескула.
Вопросъ о Кельтахъ. В. Васильевского.

Критика и библиографія:

- Коллегія въ древнемъ Римѣ. Ю. Кулаковскаго. Кіевъ. 1882. И. Помыковскаго.
Исслѣдованіе ряда вопросов по государственнымъ древностямъ Аенн. Р. Стемпковскаго. Варшава. 1882. В. Латышева.
Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. Д. Кобко. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1883. Д. Корсакова
Specimina linguae paleoslavonicae. Edidit V. Jagić. С.-Пб. 1882.—Сборникъ древне-русскихъ памятниковъ и образцовъ народной русской рѣчи. А. Смирнова. Варшава. 1882. А. Соболевскаго.
Сборникъ статей по славяновѣдѣнію къ юбилею В. И. Ламанскаго. С.-Пб. 1883. А. Павловскаго.
Еще о туранизмѣ въ славянской исторіи. Д. Иловайскаго.
Очерки западно-европейской историографіи П. Виноградова.

Чествованіе памяти митрополита Московскаго Макарія въ Самарѣ.

Императорское Русское Географическое Общество въ 1882 году.

Нынешнее состояніе народнаго образованія у Волгарь. П. Сырку.

Извѣстія о состояніи и дѣятельности нашихъ учебныхъ заведеній.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

(См. на 3-й стр. обертки).

ФРАНЦІЯ И РОССІЯ ПРИ ПЕТРЪ ВЕЛИКОМЪ ¹⁾.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. III. XXXIV.
С.-Пб. 1881.

III.

Путешествіе Петра во Францію въ 1717 году.

Не смотря на нѣкоторыя попытки со стороны Россіи и Франціи установить постоянныя дипломатическія сношенія, настоящаго сближенія между ними все-таки не было до путешествія Петра во Францію въ 1717 году. До того оба государства не могли найти общихъ интересовъ, которые установили бы между ними болѣе или менѣе прочную связь. Тѣмъ важнѣе рѣшить вопросъ, когда въ Петрѣ родилась мысль о путешествіи въ Парижъ, и какія обстоятельства содѣйствовали такому рѣшенію. Къ сожалѣнію, мы располагаемъ лишь весьма скудными данными для разъясненія этого вопроса.

Мы знаемъ, какъ холодно Петръ относился къ Франціи во время своего перваго путешествія по западной Европѣ въ 1697 и 1698 годахъ; знаемъ также, что пріемъ, оказанный Петромъ французскому посланнику Балюзу въ 1703 и 1711 годахъ, возбуждалъ неудовольствіе Людовика XIV. Царь не довѣрялъ Франціи, справедливо предполагая, что Людовикъ склоненъ поддерживать интересы Польши, Швеціи и Турціи противъ Россіи. Не легко судить о степени достовѣрности разказа современниковъ, будто Петръ еще при жизни Людовика XIV изъявлялъ желаніе видѣть Францію, но что король отклонялъ пріѣздъ царя ²⁾. Мы не считаемъ также вѣроятнымъ, чтобы

¹⁾ *Окончаніе*. См. майскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

²⁾ *Ramberty, Peter de Groote in Holland en te Zaendam, Amsterdam, II 33.*
часть ССХХУШ, отд. 2.

Петръ имѣлъ въ виду поѣздки въ Парижъ, когда отправился за границу въ началѣ 1716 года. Но еще въ томъ же году, во время пребывания за границей, онъ имѣлъ случай убѣдиться въ возможности нѣкотораго сближенія съ Франціей. До сихъ поръ, однако, объ этихъ попыткахъ дипломатическихъ сношеній между Франціей и Петромъ было мало извѣстно, и именно въ этомъ отношеніи оказываются достойными вниманія нѣкоторые документы, напечатанные въ XXXIV-мъ томѣ Сборника Историческаго Общества. Кромѣ того, въ немъ находится множество документовъ касательно поѣздки Петра въ Парижъ, пребывания его тамъ и веденныхъ при этомъ переговоровъ.

Какъ видно, между прочимъ, изъ отправленія въ Россію въ 1714 г. дипломатическаго агента де-Лави, во Франціи не переставали думать о возможности нѣкотораго сближенія съ Россіей, съ цѣлью главнымъ образомъ обезпечить интересы французской торговли и промышленности чрезъ заключеніе торговаго договора. Послѣ кончины Людовика XIV, малолѣтній преемникъ его въ весьма учтивомъ письмѣ къ царю сообщилъ о своемъ вступленіи на престолъ¹⁾. Весьма важная роль, которую Петръ игралъ затѣмъ въ Польшѣ, въ Германіи и въ Даніи въ 1716 году, еще болѣе должна была обратить вниманіе французскаго правительства на царя. Такимъ образомъ объясняется появленіе мысли воспользоваться личнымъ пребываніемъ Петра на западѣ для вступленія съ нимъ въ дипломатическія сношенія. Этотъ фактъ сдѣлался извѣстенъ лишь чрезъ изданіе французскихъ архивныхъ документовъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ.

Съ 26-го мая по 15-е іюня 1716 года Петръ лѣжился въ Пирмонтѣ. Но лѣченіе не мѣшало ему заниматься политическими дѣлами. При царѣ были его министры. Въ Пирмонтѣ явились представители различныхъ державъ, напримѣръ, императорскій посолъ графъ фонъ-Мечъ, которому Карлъ VI поручилъ просить Петра отказаться отъ предполагаемой имъ высадки въ Шоніи и убѣдить его вывести свои войска изъ Мекленбурга; сюда же пріѣхалъ гессенъ-кассельскій дипломатъ фонъ-Кетлеръ для веденія переговоровъ о мирѣ между Швеціей и Россіей²⁾.

И Франція имѣла намѣреніе отправить въ Пирмонтъ своего пред-

¹⁾ *Schéttens*. Mémoires pour servir à l'histoire du XVIII siècle, XI, 619—620.

²⁾ См. введеніе къ изданію *Германна*, *Zeitgenössische Berichte*, стр. IX—XII.

ставителя, чтобы договориться съ Петромъ о нѣкоторыхъ важныхъ дѣлахъ; это видно изъ письма графа де-Поншартрена къ графу де-ла-Марку отъ 18-го іюня 1716 года, напечатаннаго въ Сборникѣ (стр. 496—505). Тутъ, между прочимъ, сказано: „Король до сихъ поръ не имѣлъ съ нимъ (съ Петромъ) никакого прямого сношенія, и его величество приказалъ многимъ изъ своихъ министровъ при разныхъ дворахъ имперіи и дворахъ сѣвера дать ему знать непосредственно или черезъ его министровъ, что его величество былъ бы расположенъ войти съ нимъ въ связи и принять всякія мѣры, которыя могли бы установить доброе согласіе и взаимныя торговныя сношенія подданныхъ, что его величество и его королевское высочество, зная высокія качества его отличавшія, его познанія и славу, которую онъ приобрѣлъ своимъ мужествомъ, весьма желали бы упрочить эти связи, и этотъ государь не будетъ имѣть повода въ этомъ сомнѣваться, когда ему угодно будетъ выказать свои чувства касательно этого предмета. Оказалось по тому, какъ эти увѣренія были приняты многими изъ его министровъ и имъ самимъ въ послѣдній разъ, когда графъ Круаси былъ допущенъ на его аудіенцію недалеко отъ Гамбурга ¹⁾, что и онъ близокъ къ тому, чтобы раздѣлить тѣ же расположенія. Однако же извѣстно, что, будучи предубѣжденъ противъ Франціи тѣми, которые его окружаютъ, онъ выказалъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ холодность къ ней и недовѣріе за ея пристрастіе къ Шведскому королю. Его королевское высочество желаетъ, чтобы вы старались уничтожить эти предразсудки и, буде возможно, расположить царя къ заключенію какого либо союза съ его величествомъ“. Затѣмъ графъ де-Поншартренъ предоставляет себѣ дать графу де-ла-Марку болѣе подробныя инструкціи въ случаѣ благопріятнаго исхода общихъ переговоровъ. Изъ остальныхъ замѣчаний въ этомъ документѣ достойны вниманія еще слѣдующія: „Вамъ не безызвѣстно, что главнѣйшія державы, которыя вели войну съ Франціей, когда Шведскій король находился въ Саксоніи, принимали большое участіе въ рѣшеніи, принятомъ тогда этимъ государемъ вступить въ Московское государство. Онѣ нашли средства своими внушеніями увѣрить царя, что онѣ были всегда на сторонѣ его выгодъ, что ему слѣдовало смотрѣть на покойнаго короля какъ на

¹⁾ Хотя и нѣются разныя данныя о пребываніи Петра въ Гамбургѣ и его окрестностяхъ въ май 1716 года, но до сихъ поръ ничего не было извѣстно о свиданіи царя съ графомъ Круаси.

тайнаго врага, и предложеніе содѣйствія котораго должно быть для него подозрительнымъ. Однако же извѣстно, что среди такихъ предразсудковъ, поддерживаемыхъ съ большимъ искусствомъ и стараніями царь всегда смотрѣлъ на союзъ съ Франціею какъ на могущій быть полезнымъ для его подданныхъ" и пр. Графу де-ла-Марку затѣмъ вѣщается въ обязанность быть въ высшей степени сдержаннымъ во время первыхъ бесѣдъ съ царемъ и его министрами; онъ долженъ былъ заговорить о желаніи Франціи заключить торговый договоръ, о расположеніи французскаго правительства содѣйствовать тому, чтобы склонить Карла XII къ уступкѣ Петербурга и его окрестностей царю; затѣмъ онъ долженъ былъ узнать, какія обязательства принялъ бы на себя Петръ въ случаѣ заключенія договора съ Франціею. „Необходимо“, пишетъ, графъ де-Поншартренъ, — „чтобъ казалось, что вы говорите какъ бы сами отъ себя и безъ полученія приказаній, въ виду лишь изысканія средствъ устранить затрудненія, которыя могли бы слишкомъ долго препятствовать восстановленію спокойствія на сѣверѣ“. Въ какой мѣрѣ однако французское правительство, желая задобрить царя, въ то же время хотѣло сдѣлать раздоръ между царемъ и Англіею, видно изъ слѣдующаго порученія въ концѣ письма: „Нужно вамъ замѣтить еще, что вы узнали изъ вѣрныхъ источниковъ, что адмиралъ Норрисъ, командующій англійскою эскадрою въ Балтійскомъ морѣ, имѣетъ приказаніе отъ короля Великобританіи отправиться къ шведскому королю и объявить ему: если угодно будетъ возвратить все то, что шведскіе крейсера захватили у англичанъ и обѣщать не давать убѣжища инсургентамъ Великобританіи въ своихъ владѣніяхъ, то эскадра эта не присоединится къ его врагамъ и ничего не станетъ предпринимать противъ него. Можетъ быть, вы могли съ пользою употребить это свѣдѣніе, чтобы открыть, какія мысли у царя относительно герцогства Времена и Вердена“ и т. д.

Все это не повело къ желанной цѣли. Уже то обстоятельство, что французское правительство слишкомъ поздно задумало объ отправленіи графа де-ла-Марка въ Пирмонтъ, исключало возможность какого-либо результата. Письмо графа де-Поншартрена писано 7/8-го іюня, а недѣлю спустя Петръ уже выѣхалъ изъ Пирмонта. Такимъ образомъ для сближенія съ царемъ французскому двору пужно было принять другія мѣры. Посредникомъ при достиженіи этой цѣли должна была служить Пруссія.

Свѣдѣнія о попыткѣ Франціи сблизиться съ царемъ при помощи

Пруссія сообщаются въ Сборникѣ только въ запискѣ ле-Драна „Négociations entre la France et le Czar de la Grande Russie Pierre I. 1715—1717“, составленные уже въ 1726 году на основаніи французскихъ архивныхъ документовъ. „Послѣ смерти Людовика XIV,“ пишетъ ле-Дранъ,—„одною изъ первыхъ заботъ герцога Орлеанскаго было устранить затрудненія, которыя могли бы препятствовать царю принять посредничество короля въ восстановленіи мира на сѣверѣ. Къ концу 1715 года царь отправилъ съ своей стороны г. Лефорта для представительства въ Парижѣ въ качествѣ русскаго агента; но такъ какъ его полномочія ограничивались только дѣлами, состоявшими въ связи съ торговлею, то его королевское высочество предпочелъ не обращаться къ этому агенту, а дѣйствовать чрезъ королевскихъ министровъ въ Гагѣ, Польшѣ и при нѣкоторыхъ германскихъ дворахъ, съ цѣлью увѣрить царя, что онъ можетъ вполне положиться на употребленныя королею старанія въ дѣлѣ примиренія сѣверныхъ государей, что его величеству желательно вступить въ тѣсную дружбу съ государемъ, снискавшимъ себѣ такое уваженіе, и скрѣпить эти узы заключеніемъ торговаго договора между своими и русскими подданными. Эти увѣренія уже произвели было нѣкоторое дѣйствіе на царя, когда король Пруссій Фридрихъ-Вильгельмъ, заключивъ съ Франціею по совершенному въ сентябрѣ 1716 года договору, секретное условіе объ охраненіи Утрехтскаго и Ваденскаго договоровъ и объ умиротвореніи сѣвера, вскорѣ послѣ того счелъ нужнымъ побудить царя слѣдовать той же политикѣ и присоединиться съ этой цѣлью къ союзу, заключивъ договоръ съ королею.—Первыя попытки въ этомъ направленіи были сдѣланы Пруссіимъ королемъ при свиданіи съ царемъ въ Гавельбергѣ, съ сентябрѣ 1716 года; король однако не открывалъ послѣднему, что онъ уже заключилъ договоръ съ его величествомъ“ (стр. XXII—XXIII). Достоинно вниманія, что въ этомъ разказѣ вовсе не упомянуто ни о намѣреніи герцога Орлеанскаго отправить графа де-ла-Марка въ Пирмонтъ, ни о пребываніи де-Лави въ Петербургѣ. Кромѣ того, должно замѣтить, что свиданіе короля Фридриха-Вильгельма съ царемъ въ Гавельбергѣ датировано не вѣрно: оно происходило не въ сентябрѣ, а въ ноябрѣ, 1716 года.

О самомъ ходѣ дѣла мы узнаемъ изъ особеннаго примѣчанія въ запискѣ Ле-Драна слѣдующее: „Господинъ Ильгенъ, министръ иностранныхъ дѣлъ въ Берлинѣ, сообщилъ французскому министру графу Роттембургу, въ концѣ октября 1716 года, что его государь, король

Прусскій, имѣлъ тогда въ виду, совокупно съ королемъ (Французскимъ) вступить въ союзъ съ царемъ: что имѣ представляется для этого самый благоприятный случай, такъ какъ царь обидѣлся письмомъ императора по поводу совершенныхъ русскими войсками безпорядковъ въ Мекленбургскомъ краѣ; что король Прусскій намѣренъ даже заключить отдѣльный и секретный договоръ съ Шведскимъ королемъ, союзство съ царемъ; что такое рѣшеніе было принято вслѣдствіе полученныхъ достовѣрныхъ свѣдѣній о намѣреніи Англійскаго короля не только отдѣлиться отъ сѣвернаго союза, но и принять на себя роль посредника для заключенія мира, что король (Французскій) самъ могъ бы быть посредникомъ и даже третейскимъ судьей въ этомъ мирѣ; что хотя этотъ проектъ и превеликъ, но его легко осуществить, что его величеству извѣстны требованія Прусскаго короля, и что и царь въ свою очередь будетъ весьма умѣреннымъ“ (стр. XXIII).

Послѣ всего этого можно думать, что сближеніе между Россіей и Пруссіей, съ одной стороны, и Франціей — съ другой, было весьма важнымъ предметомъ бесѣдъ, происходившихъ въ Гавельбергѣ между Петромъ и королемъ Фридрихомъ - Вильгельмомъ I. Къ сожалѣнію, ни въ прусскихъ, ни въ русскихъ источникахъ не найдено пока болѣе подробныхъ данныхъ объ этомъ свиданіи. Царь пріѣхалъ въ Гавельбергъ 12-го ноября и оставался тамъ до 17-го числа. Союзъ между обонми государями дѣйствительно состоялся. Нѣтъ сомнѣнія, что была рѣчь и о Франціи ¹⁾. Во всякомъ случаѣ, царь былъ доволенъ результатомъ этого свиданія. 17-го ноября 1716 года онъ писалъ Еватеринѣ: „О здѣшнемъ объявляю, что нашъ пріѣздъ сюда не даромъ, но съ нѣкоторою пользою“, и къ Апраксину: „Мы здѣсь по желанію короля Прусскаго пріѣхали и мѣсто небезполезное učinили“ ²⁾.

Царь былъ въ Гавельбергѣ на пути изъ Даніи въ Голландію. Въ Даніи онъ былъ очень недоволенъ образомъ дѣйствій союзниковъ. Тѣмъ легче могъ онъ думать о заключеніи сепаратнаго мира со Швеціей, тѣмъ охотнѣе долженъ былъ встрѣтить предложеніи въ родѣ сдѣланныхъ ему прусскимъ правительствомъ.

6-го декабря Петръ пріѣхалъ въ Амстердамъ. Тутъ должны были продолжаться переговоры, въ которыхъ играла роль Франція. Тутъ, тотчасъ по пріѣздѣ, онъ получилъ отъ русскаго посла въ Берлинѣ,

¹⁾ См. нѣкоторыя подробности у *Соловьева*, XVIII, 61.

²⁾ Письма русск. государей, I, 50; Мат. для исторіи р. елота, II, 156.

графа Александра Головкина, слѣдующее донесеніе: „Сказывалъ Ильгенъ, что спрашивалъ его французскій министръ графъ Ротембургъ, какую склонность имѣеть ваше величество къ Франціи, и потомъ онъ, Ротембургъ, засвидѣтельствовалъ, что дукъ-д'Орлеанъ охотно желаетъ съ вашимъ царскимъ величествомъ въ доброй дружбѣ пребыть, на что онъ, Ильгенъ, ему сказалъ, что ваше царское величество не склоненъ къ тому, и Ротембургъ писалъ къ своему двору и думаетъ скорѣ получить отвѣтъ. Потомъ Ильгенъ разсуждалъ, что не малая польза можетъ произойти всему сѣверному союзу, если Франція въ доброе согласіе съ сѣверными союзниками вступить и не будетъ помогать общему непріятелю деньгами и другими способами, къ чему, по его, Ильгену, мнѣнію можно Францію склонить“. 14-го декабря получено было новое донесеніе: французскій посланникъ объявилъ Прусскому королю, что Франція охотно желаетъ вступить въ доброе согласіе съ Россіей и Пруссіей; Петръ велѣлъ Головкину объявить королю, что онъ, царь, также готовъ вступить въ соглашеніе съ Франціей сообща съ Пруссіей.

Такимъ образомъ завязались дипломатическія сношенія между Франціей и Россіей. Французскій дворъ требовалъ отъ русскаго гарантіи договоровъ Утрехтскаго и Баденскаго; Петръ первымъ условіемъ союза со стороны Франціи ставилъ гарантію всѣхъ завоеваній, сдѣланныхъ Россіей въ Сѣверную войну. Хотя Франція и не соглашалась на это, Петръ однако могъ надѣяться чрезъ посѣщеніе французской столицы найти новое средство для достиженія желанной цѣли, для заключенія выгоднаго мира ¹⁾.

Современники передавали, что Петръ желалъ отправиться во Францію въ надеждѣ занять деньги у этой державы ²⁾. Мы увидимъ, что денежный вопросъ дѣйствительно игралъ нѣкоторую роль въ переговорахъ, веденныхъ во время пребыванія Петра въ Парижѣ. Но во всякомъ случаѣ, отправляясь во Францію, Петръ руководствовался чисто политическими соображеніями, и нельзя сомнѣваться въ томъ, что надежда его на Францію была возбуждена заявленіями французскаго правительства.

Увѣренія въ готовности Франціи вступить въ близкія сношенія съ царемъ повторялись и во время пребыванія Петра въ Голландіи.

¹⁾ *Соловьевъ*, XVII, 68—74; *Сб. Ист. Общ.*, XXXIV, 519.

²⁾ См. письмо Робетона къ Веберу въ изданіи *Геррманна*, Peter d. Gr. und Alexei, стр. 191.

На этотъ счетъ мы встрѣчаемъ весьма любопытныя данныя въ вышеупомянутой запискѣ Ле-Драна: „Такъ какъ царь въ 1717 году хотѣлъ провести часть земли въ Голландіи“, разказываетъ Ле-Дранъ,— „то баронъ Кнингаузенъ, министръ Прусскаго короля, былъ въ то же время отправленъ изъ Берлина въ Гагу, чтобы дѣйствовать на тѣхъ же основаніяхъ ¹⁾ и старался сблизить короля (Французскаго) съ царемъ посредствомъ договора, въ которомъ и король Прусскій могъ бы быть договаривающею стороною. Баронъ Кнингаузенъ ловко повелъ эти переговоры и, заставивъ русскихъ министровъ отказаться отъ нѣкоторыхъ предложеній, которыя на его личный взглядъ не могли бы быть приняты королемъ, въ концѣ марта 1717 года, успѣлъ заставить ихъ принять согласное съ желаніями Прусскаго короля рѣшеніе, и тогда баронъ Кнингаузенъ вручилъ, по порученію царя, королевскому посланнику въ Гагѣ г. Шатонёфу проектъ оборонительнаго между нихъ величествами союза, заключающаго только четыре слѣдующія условія: 1) что царь приметъ на себя гарантію Утрехтскаго и Ваденскаго договоровъ, не требуя въ замѣнъ никакой гарантіи, какъ относительно своего государства, такъ и своихъ завоеваній, зная, что не можетъ испрашивать гарантіи послѣднихъ, пока не послѣдуетъ ихъ уступки; 2) что его величество не будетъ выдавать никакой субсидіи Шведскому королю, въ теченіе войны послѣднaго съ царемъ; 3) что его величество окажетъ свое содѣйствіе въ умнротвореніи сѣвера, безъ всякаго пристрастія къ Шведскому королю; 4) что ему будетъ выдаваема царю ежемѣсячная субсидія въ 25000 экю, впредь до окончанія Сѣверной войны“.

„Царь хорошо сознавалъ“, продолжаетъ Ле-Дранъ,— „что Франція не легко поддастся на выдачу ему субсидіи, которую пришлось бы отнять у Шведскаго короля; что эти переговоры могутъ затапуться, и что даже послѣ достигнутаго соглашенія по главнымъ статьямъ, когда дѣло дойдетъ до формулированія договора, могутъ возникнуть новыя затрудненія, которыя замедлили бы окончаніе дѣла. Вслѣдствіе этого относясь съ полнымъ довѣріемъ къ добрымъ намѣреніямъ герцога Орлеанскаго, онъ рѣшился, не дожидая даже отвѣта его королевскаго высочества на свои четыре предложенія, отправиться въ Парижъ въ сопровожденіи своихъ главныхъ министровъ, чтобы принять личное участіе въ заключеніи союза, предложеннаго ему Прусскимъ королемъ. Баронъ Кнингаузенъ тоже отправился туда, и вслѣдъ

¹⁾ Какъ до того Илгенъ и Ротембургъ.

за ихъ прибытіемъ тотчасъ начались переговоры“ (стр. XXXIII—XXXV).

Такимъ образомъ, благодаря документамъ, помѣщеннымъ въ XXXIV томѣ Сборника Историческаго Общества, мы можемъ составить себѣ точное понятіе о тѣсной связи между заявленіями французскаго правительства въ концѣ 1716 года и рѣшеніемъ Петра лѣтомъ 1717 года посѣтить столицу Франціи.

О подробностяхъ путешествія царя изъ Голландіи въ Парижъ (отъ 19-го марта по 26-е апрѣля 1717 года) пока было извѣстно довольно мало. Поѣздка Петра по Австрійскимъ Нидерландамъ на пути во Францію описана въ основанной на богатомъ архивномъ матеріалѣ монографіи Гашара (Gachard) въ *Bulletins de l'Académie royale des sciences, des lettres et des beaux arts de Belgique* (2-me série t. XLVI. Bruxelles, 1878, стр. 510—546). О путешествіи же царя отъ бельгійско-французской границы мы имѣли лишь нѣкоторыя скудныя данныя въ „Походномъ Журналѣ“ или „Юрналѣ“, въ письмахъ царя къ Екатеринѣ и въ документахъ, напечатанныхъ въ XIII томѣ Русской Старины (стр. 111—194). Тѣмъ большее значеніе имѣютъ издачныя въ XXXIV-мъ томѣ Сборника документы объ этомъ предметѣ (стр. 123—196) Тутъ встрѣчается значительное число писемъ тѣхъ лицъ, которымъ было поручено встрѣчать и угощать царя и заботиться о доставленіи ему всего нужнаго. Въ этихъ донесеніяхъ особеннаго вниманія заслуживаютъ данныя о впечатлѣніи, произведенномъ царемъ на французскихъ сановниковъ, и распоряженія французскаго правительства, свидѣтельствующія о чрезвычайной предупредительности въ отношеніи къ Петру.

Вотъ чтò, между прочимъ, сказано въ инструкціи, данной интенданту въ Дюнкирхенѣ: „Около 14-го числа сего мѣсяца (апрѣля) въ Дюнкирхенъ пріѣдетъ иностранная знатная особа для дальнѣйшаго слѣдованія въ Кале...¹⁾); его королевское высочество желаетъ, чтобы эта особа и свита ея, состоящая изъ 20 главныхъ лицъ и около 20 слугъ, были помѣщены въ Дюнкирхенѣ; полагаютъ, что домъ, который въ прежнее время былъ занятъ морскими интендантами, былъ бы пригоденъ для этой цѣли, если онъ только меблированъ приличнымъ образомъ... Необходимо, чтобы особа, о которой

¹⁾ Петръ прибылъ въ Дюнкирхенъ нѣсколько раньше, именно 10-го апрѣля, а пробылъ тамъ четыре дня. См. мою статью въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, CXI, стр. 647—648.

идеть рѣчь, была помѣщена въ главной части здания, а во второмъ этажѣ и въ другихъ удобныхъ частяхъ того же дома нѣсколько комнатъ были бы порядочно меблированы для главнѣйшихъ лицъ ея свиты; вы также отведете въ обывательскихъ домахъ (dans quelques maisons bourgeoises) квартиры для прочихъ знатныхъ лицъ, а что касается слугъ, то они могли бы помѣститься въ гостиницахъ, на основаніи распоряженій, которыя вы прикажете сдѣлать донкирхенскому магистрату. Необходимо также, чтобы вы озаботились приготовленіемъ приличныхъ и чистыхъ каретъ для двадцати главнѣйшихъ лицъ свиты, а равно телѣгъ и лошадей для двадцати человекъ, составляющихъ прислугу, только для путешествія изъ Донкирхена въ Кале; но такъ какъ эта особа, быть можетъ, предпочтетъ какъ для себя, такъ и для лицъ, ее сопровождающихъ, и для прислуги, продолжать путь по каналамъ на лодкахъ, которыя тянутся лошадьми, то вамъ слѣдуетъ распорядиться о поставкѣ таковыхъ судовъ, и такъ какъ въ такомъ случаѣ потребовалась бы весьма овертная лодка, то вы можете послать въ Сенъ-Омеръ за лодкой, принадлежащей королю“ (стр. 123—126).

Въ инструкціи г-ну д'Еронвиллю (d'Hérouville), командовавшему войсками въ Донкирхенѣ, о „знатномъ лицѣ, желающемъ сохранить инкогнито“, говорится слѣдующее: „Не смотря на то, его королевскому высочеству угодно было оказать ему все отличіе и вниманіе, могущія заявить съ его стороны высокое уваженіе, не отдавая ему тѣхъ почестей, отъ которыхъ, повидимому, это знатное лицо, само уклоняется, дабы избѣжать затрудненій церемоніала. Вамъ слѣдуетъ только оказать ему любезность, объяснивъ, что, лишь вслѣдствіе его желанія сохранить полнѣйшее инкогнито, его королевское высочество, не смотря на собственное желаніе отнестись къ нему съ особымъ вниманіемъ, предписалъ вамъ не дѣлать ничего кромѣ того, что захочетъ оно само, вѣроятно предпочитая предоставить ему полную свободу дѣйствій“ (стр. 127).

Наконецъ, въ инструкціи г. де-Либуа, камеръ-юнкеру королевскаго дома, отправленному на встрѣчу царю, предписано заботиться о мѣрахъ къ приему царя во всѣхъ мѣстахъ, чрезъ которыя царь пройдетъ на пути въ Парижъ. Де-Либуа долженъ узнать, какимъ образомъ царь былъ принятъ и чествуемъ въ Нидерландахъ, каковъ его образъ жизни; долженъ по возможности увидѣться съ княземъ Куракиннымъ для полученія отъ него свѣдѣній, необходимыхъ для опредѣленія церемоніала, подходящаго къ этому случаю. „Князь Ку-

ракинъ", сказано въ этой инструкціи, — „изъ всѣхъ посланниковъ царя отличается наибольшою вѣжливостію и талантами, намѣренія его всегда были прямы; такъ какъ ему было поручено передать г-ну де-Шатонѳфъ о рѣшеніи своего государя посѣтить Парижъ, то независимо отъ прочихъ причинъ, побуждающихъ обратиться къ нему предпочтительно передъ остальными послами царя для полученія свѣдѣній о его намѣреніяхъ, самъ монархъ указалъ этотъ путь". Въ инструкціи этой обращается особенное вниманіе на сохраненіе инкогнито царя, но притомъ замѣчено: „Г. де-Либуа долженъ особенно заботиться о томъ, чтобы не оставить въ умѣ царя ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что отъ него вполне зависитъ получать самыя высокія почести и что почести эти отиѣнены единственно во исполненіе его желаній... Намѣреніе короля состоитъ въ томъ, чтобы этотъ государь былъ доволенъ знаками вниманія его величества... Такъ какъ вѣрнѣйшій способъ достигнуть въ этомъ успѣха заключается въ томъ, чтобы сообразоваться съ его привычками, то г. де-Либуа долженъ умѣть разузнать объ нихъ или черезъ посредство его пословъ, или иными путями, и воспользоваться этими свѣдѣніями какъ для руководства своихъ дѣйствій, такъ и для раздачи соответствующихъ приказаній лицамъ, подвѣдомымъ ему въ этомъ отношеніи".

Затѣмъ камеръ-юнкеру де-Либуа поручается ввѣдать, не предпочтетъ ли царь полученіе ежедневной суммы, примѣрно 1,500—2,000 ливровъ въ день, вмѣсто содержанія, назначеннаго для него. Наконецъ, въ инструкціи сказано, что войска разставлены такимъ образомъ, чтобы царь во время путешествія постоянно имѣлъ караулъ отъ 12 до 15 дворянъ и отъ 20 до 30 человѣкъ въ каждомъ городѣ, гдѣ онъ будетъ ночевать. Де-Либуа былъ данъ пропускной билетъ, освобождающій отъ всякихъ пошлинъ одежду и вещи царя и свиты, съ запрещеніемъ осматривать ихъ и накладывать на нихъ печати (стр. 127—138).

Де-Либуа, встрѣчая царя, оказался довольно ловкимъ и расторопнымъ распорядителемъ и агентомъ. О встрѣчѣ своей съ Петромъ въ Садкотѣ онъ доносилъ изъ Дюнкирхена, 21-го апрѣля, слѣдующее: „Князь Куракинъ представилъ меня его величеству въ его лодкѣ, я передалъ привѣтствіе короля; князь Куракинъ перевелъ оное и сообщилъ мнѣ отвѣтъ царя, что онъ чрезвычайно признателенъ за увѣренія въ дружбѣ короля; къ этому онъ прибавилъ нѣсколько словъ и въ заключеніе сказалъ, что радъ меня видѣть. Послѣ того я передалъ привѣтствіе его королевскаго высочества; князь Куракинъ

отвѣтилъ почти то же, что и въ первый разъ; сказавъ нѣсколько словъ о мудрости и славѣ его королевскаго высочества, царь вышелъ изъ лодки и перешелъ въ городскую лодку, предпочитая ее каретамъ; ...я оставался при его величествѣ... и имѣлъ случай сказать ему нѣсколько похвалъ, которыя онъ повидимому выслушалъ съ удовольствіемъ... Не смотря на инкогнито, къ нему обращаются не иначе, какъ называя его величествомъ... Онъ ужиналъ послѣ семи часовъ; я пилъ за его здоровье, затѣмъ царь пилъ за здоровье короля, а нѣсколько минутъ спустя и его королевскаго высочества; я пилъ за здоровье царицы.... Завтра царь осмотритъ старыя порты, магазинны и пр.Свита царя состоитъ изъ 57 человекъ; сегодня вечеромъ былъ большой расходъ вслѣдствіе этого увеличенія... Я затрудняюсь на счетъ экипажей... приготовлено только двѣ четверомѣстныя кареты, и, какъ я вижу, болѣе 17 человекъ сочли бы себя обиженными, еслибы имъ предложили помѣститься въ плохія коляски" (стр. 139—141).

Два дня спустя де-Либуа писалъ: „Вчера въ 6 часовъ утра царь осматривалъ старыя порты и перешелъ пѣшкомъ чрезъ каналъ противъ Рисбау, а вернувшись оттуда осматривалъ бассейнъ и магазинныя строенія. Сегодня утромъ онъ еще разъ осматривалъ Рисбау, фортъ Реверскій и фортъ Вѣлльнъ, гдѣ его застигъ приливъ, что представляло нѣкоторую опасность; онъ съ легкостью вскочилъ на лошадь, а мы заплатились только парижскою каретою, которая до того попорчена, что почти негодна къ употребленію“ ¹⁾ (стр. 143).

Вопросъ о дорожныхъ экипажахъ сильно беспокоилъ де-Либуа. Русскимъ не понравились почему-то французскія кареты. При многочисленной свитѣ Петра расходы превышали смѣту. Къ тому же де-Либуа часто жаловался на недобросовѣтность и сребролюбіе царской прислуги. Онъ пишетъ: „Я представляю Куракину злоупотребленія царскаго повара, который подъ предлогомъ двухъ или трехъ тарелокъ кушанья для царя, беретъ говядины и вина столько, сколько потребовалось бы для восьми человекъ“ (стр. 144). Въ другомъ мѣстѣ де-Либуа сообщаетъ: „Мнѣ хотѣлось узнать, до чего можетъ простираться увеличеніе расхода и всѣ злоупотребленія, и оказалось, что это составляетъ болѣе 400 ливровъ въ день, считая свѣчи, кромѣ экипажей“ (стр. 166). А немногимъ позже: „Случалось уже три раза,

¹⁾ Объ этомъ случаѣ говорится и въ письмѣ маркиза де-Пріе въ статьѣ Гашара въ *Бюллетенѣ Белл. Акад.*, 522.

что цѣлый столъ, и притомъ первый, оставался не занятимъ, такъ какъ царь обѣдалъ у себя, а всѣ вельможи ѣли украдкой (en cachette) припасы, взятыя безъ всякой мѣры и приличія въ нашихъ буфетахъ" (стр. 142—143). „Мнѣ показалось“, замѣчаетъ еще де-Либуа,— „что самъ царь отчасти замѣчаетъ злоупотребленія“ (стр. 179).

Было очень много хлопотъ съ русскими путешественниками, и не обходилось безъ непріятностей. Князь Куракинъ жаловался де-Либуа, что они царя везутъ въ дурныхъ каретахъ (стр. 148 и 149), спорили о числѣ лошадей (стр. 150). „Этотъ маленькій дворъ“, жалуются де-Либуа,— „весьма перемѣчивъ и нерѣшителенъ, и всѣ отъ престола до конюшни чрезвычайно вспыльчивы“ (стр. 151). При вѣчныхъ заявленіяхъ неудовольствія разными мелочами, де-Либуа считалъ возможнымъ, что царь вовсе не поѣдетъ въ Парижъ, а возвратится въ Брюссель. Въ новой инструкціи, посланной де-Либуа, ему совѣтовали избѣгать въ разговорѣ съ Куракинымъ всякихъ замѣчаній о расходѣ на угощеніе; просили его не забывать, что необходимо угождать царю и знатнымъ лицамъ его свиты, и что по возможности не должно жаловаться Куракину на царскую прислугу и вельможъ.

Вопросъ о настоящей цѣли путешествія царя сильно занималъ Французовъ. Де-Либуа пишетъ 23-го апрѣля: „До сихъ поръ я не узналъ дѣйствительной причины путешествія царя, кромѣ простаго любопытства и нѣкоторой врожденной любознательности. Я усматриваю какія-то неясныя намѣренія установить торговлю, но сомнѣваюсь въ томъ, чтобы это составляло главную цѣль“ (стр. 145). Изъ Парижа де-Либуа писали: „Вамъ не должно обнаруживать малѣйшее любопытство относительно видовъ царя при настоящемъ его путешествіи и продолжительности его пребыванія въ королевствѣ“ (стр. 155).

О самомъ Петрѣ де-Либуа дѣлаютъ слѣдующія замѣчанія: „Царь очень великъ ростомъ, нѣсколько сутуловатъ и имѣетъ привычку держать голову немного внизъ. Онъ смуглъ и въ выраженіи лица его есть что-то суровое; кажется, онъ обладаетъ живымъ умомъ и большою смѣтливостью; въ движеніяхъ его замѣтно нѣкоторое величіе, впрочемъ, не всегда выдерживаемое. Онъ задумчивъ и разсѣянъ, хотя для всѣхъ доступенъ и простъ въ обращеніи; говорятъ, что онъ очень силенъ и способенъ къ работѣ физической и умственной. Мнѣ кажется, что со времени его пріѣзда онъ не посвятилъ ни одного часа на занятія дѣлами... Царь проситъ, чтобы король соизволилъ помѣстить его въ Парижѣ въ одномъ изъ частныхъ домовъ;

онъ желаетъ избѣжать королевскихъ дворцовъ... Еслибы вы могли предоставить ему домъ съ видомъ на рѣку, то это было бы наслаженіемъ для царя. Этотъ монархъ настоятельно проситъ, чтобы его величество соизволилъ назначить къ нему какого-нибудь морскаго офицера, который, если возможно, хорошо бы говорилъ по голландски, чтобы служить ему хотя въ Парижѣ переводчикомъ... Меня убѣряли, что въ Кале есть командиръ Флейты ¹⁾, г. Фандермершъ, который могъ бы выполнить эту обязанность" (стр. 145—148). Въ другомъ письмѣ, изъ Кале, де-Либуа пишетъ, что удивляется любознательности царя, прибавляя: „Впрочемъ, я болѣе и болѣе убѣждаюсь, что въ этомъ путешествіи не играютъ важной роли политическія дѣла и намѣренія“. Де-Либуа удивлялся и тому, что Петръ, занимая роскошныя помѣщенія, не выбиралъ для себя лучшей горницы, а спалъ гдѣ-нибудь въ небольшой комнатѣ. Онъ замѣчаетъ: „Въ характерѣ царя встрѣчаются зародыши добродѣтелей, но они въ дикомъ состояніи и перемѣшаны съ недостатками. По моему мнѣнію, ему всего болѣе недостаетъ послѣдовательности и постоянства въ намѣреніяхъ, и потому нельзя твердо надѣяться на условія, которыя могутъ быть заключены съ нимъ“. О лицахъ царской свиты де-Либуа пишетъ: „Сознаю, что князь Куракинъ вѣжливъ; какъ кажется, онъ уменъ и склоненъ къ тому, чтобы все шло къ обоюдному удовольствію. Не знаю, по характеру ли, или потому что боится царя, который, кажется, очень строгъ и крутъ, князь Куракинъ относится къ малѣйшимъ бездѣлицамъ съ жаромъ, какъ будто бы дѣло шло о важныхъ предметахъ... Князь Долгорукій, кажется, весьма обходительный человекъ и очень уважаемъ царемъ; одно неудобство заключается въ томъ, что онъ не понимаетъ рѣшительно никакого языка кромѣ русскаго. Кстати, позвольте вамъ замѣтить, что весь этотъ дворъ обижается названіемъ московитскаго и даже Московіи. Генералъ-лейтенантъ Бутурлинъ весьма цѣнимъ царемъ; онъ не много понимаетъ по нѣмецки. Совѣтникъ Толстой пользуется довѣріемъ и очень вѣжливъ; онъ говоритъ по итальянски: адъютантъ и камергеръ Ягужинскій близокъ царю; онъ пользуется всѣми его милостями и довольно учтивъ, любитъ удовольствія и никогда не ложится спать трезвымъ; кажется, онъ не вмѣшивается въ дѣла и, сказать по правдѣ, все касающееся настоящаго путешествія возложено на князя Куракина“. Затѣмъ слѣдуютъ менѣе важныя замѣчанія о Нарышкинѣ, Эрскинѣ,

¹⁾ «Flûte», названіе судна.

Макаровѣ, Волковѣ, Салтыковѣ, Олсуфьевѣ и пр. Достоинно вниманія замѣчаніе объ Остерманѣ: „Я не видѣлъ совѣтника Остермана; не знаю, какъ онъ это сдѣлалъ; его приглашали нѣсколько разъ; мнѣ кажется, онъ рѣдко приходитъ къ столу и мало виѣшивается въ дѣла“. „Главный священникъ“, сказано далѣе,—„товарищъ въ удовольствіяхъ фаворита (Рагузинскаго?), также невоздерженъ и весьма въ тягость; кажется его дѣло только пить; онъ говоритъ единственно по русски“. О Шафировѣ де-Либуа замѣчаетъ, что онъ пользуется довѣріемъ царя едва ли не болѣе Куракина, которому не уступаетъ въ изяществѣ манеръ (стр. 166).

Де-Либуа сообщаетъ и объ образѣ жизни царя: „Царь встаетъ рано, обѣдаетъ около десяти часовъ, ужинаетъ около семи и удаляется въ свои комнаты раньше девяти; онъ употребляетъ водку передъ обѣдомъ, пиво и вино послѣ полудня, за ужиномъ ѣстъ мало, а иногда и вовсе не ужинаетъ. Мнѣ не удалось еще замѣтить какаго-либо совѣщанія или конференціи о серьезныхъ дѣлахъ, если только не разсуждаютъ о нихъ за рюмкою вина. Я даже удивленъ этимъ и не знаю, не живутъ ли они со дня на день, при чемъ царь одинокъ и весьма быстро рѣшаетъ все, что можетъ представиться. Этотъ государь при всякомъ случаѣ мѣняетъ свои удовольствія и прогулки и необычайно подвиженъ, нетерпѣливъ и взыскателенъ“ (стр. 163—165).

Де-Либуа замѣчаетъ также, что царь охотно ѣстъ французскія блюда и пьетъ французскія вина, кромѣ шампанскаго, и любитъ черншій хлѣбъ; что онъ иногда принимаетъ за столомъ, но затѣмъ сдѣлался менѣе доступнымъ; что онъ охотно показывается на улицахъ, но не любитъ, чтобы за нимъ бѣгали. Въ Кале онъ остался особенно доволенъ осмотромъ ліонскаго полка и укрѣпленій города и присутствовалъ на охотѣ. Де-Либуа пишетъ: „Царь былъ очень веселъ и пріятливъ; онъ не обладаетъ граціей, но видно, что въ такія минуты онъ старается нравиться; мнѣ показалось, что онъ ухаживалъ за хозяйкою, супругой президента“.

До чего доходило стараніе Французовъ угодить царю, видно изъ особенной „Note sur la façon de se nourrir du czar“, въ которой сказано, какимъ блюдамъ и напиткамъ онъ даетъ предпочтеніе, на примѣръ, что онъ любитъ соусы, приправленные пряностями, горошекъ, черствый хлѣбъ, апельсины, что онъ за обѣдомъ не ѣстъ сладостей, не пьетъ сладкихъ винъ, по утрамъ пьетъ анисовку, за обѣдомъ вино Нью и пр. (стр. 184—185).

Сколько хлопотъ доставляло французскому правительству путешествіе Петра особенно потому, что маршрутъ и время переѣздовъ изъ одного города въ другой часто измѣнялись, видно изъ документовъ, напечатанныхъ въ Русской Старинѣ (XIII, 111 — 114). Къ этимъ извѣстіямъ могутъ служить дополненіемъ нѣкоторыя данныя, сообщаемыя въ Сборникѣ (стр. 40 и слѣд.). Такъ, на примѣръ, г. Мали де-Нель (Mailly de Nesle), отправленный изъ Парижа въ Кале привѣтствовать царя, доносилъ слѣдующее: „Царь положительно отказывается путешествовать въ каретѣ, и потому г. де-Либуа нашелъ здѣсь нѣсколько двумѣстныхъ одноколки, которыми онъ воспользуется... Царь ежеминутно мѣняетъ свое намѣреніе; сначала онъ думалъ обѣдать въ Вулонѣ и ночевать въ Монтрелѣ и все уже было сообразно съ этимъ приготовлено, какъ вдругъ онъ передумалъ и, быть можетъ, ночуетъ въ Вулонѣ; такая перемѣнчивость чрезвычайно затруднительна“. Затѣмъ де-Нель пишетъ: „Сегодня день ихъ Пасхи, и чтобы достойно отпраздновать это торжество, они всѣ напились, за исключеніемъ только царя, который, говорятъ, никогда не пьетъ до помраченія разсудка“. Въ постскриптумѣ сказано: „Въ ту минуту, когда я запечатывалъ письмо, пришли сказать мнѣ, что царь перемѣнилъ намѣреніе и откладываетъ свой отъѣздъ отсюда до вторника“ (стр. 188—189).

Отправляясь изъ Кале, Царь намѣревался ночевать въ Монтрелѣ, но, уставъ отъ ѣзды въ одноколки, объявилъ, что останется ночевать въ Вулонѣ. Петръ требовалъ, чтобы сдѣлали каретныя дроги, на которыя поставили бы кузовъ повозки. „Вотъ“, пишетъ де-Нель, — „экипажъ, въ которомъ онъ въ настоящую минуту хочетъ путешествовать. Всего страннѣе то обстоятельство, что онъ рассчитываетъ ѣхать въ этомъ экипажѣ такъ же скоро, какъ въ почтовой каретѣ. Я объяснилъ ему, что это невозможно и что кромѣ того онъ рискуетъ быть опрокинутымъ, такъ какъ крестьянскія лошади не привыкли къ такимъ экипажамъ; но эти доводы нисколько на него не подѣйствовали“ (стр. 188). Въ Бове мѣстный епископъ устроилъ свой домъ какъ можно удобнѣе для помѣщенія царя, приготовилъ вокальный и инструментальный концертъ и иллюминацію съ фейерверкомъ; въ домѣ былъ даже поставленъ гербъ московскій; въ комнатѣ, назначенной для Петра, онъ нашелъ бы портреты своего отца и дѣда; но всѣ эти приготовленія оказались напрасными. Петръ проѣхалъ не останавливаясь, обѣдалъ въ убогой деревушкѣ въ четверти мили разстоянія отъ города и т. д. Только нѣкоторыя лица свиты

Петра обѣдали у епископа, который доносилъ: „Ничто не можетъ быть гризливѣ того обѣденнаго стола, который былъ ему поданъ въ деревнѣ. Онъ заплатилъ лишь 18 франковъ за обѣдъ для себя и для людей и досталъ изъ собственнаго кармана салфетку, служившую ему вмѣсто скатерти“ (стр. 195—196) ¹⁾.

О шестинедѣльномъ пребываніи Петра въ самомъ Парижѣ (съ 26-го апрѣля по 9-е іюня) сохранилось не мало свѣдѣній и во французскихъ источникахъ, и въ русскихъ. Нѣкоторыя извѣстія Септ-Симона, Дашго и пр. весьма интересны, и конечно, цѣннѣе, чѣмъ свѣдѣнія, сообщаемыя въ новѣйшемъ изданіи Историческаго Общества; но и XXXIV-й томъ Сборника также заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя данныя, дополняющія хронику парижской жизни Петра.

Вопросъ о томъ, гдѣ помѣстить Петра въ Парижѣ, занималъ французское правительство еще до его пріѣзда. Не легко было угодить ему въ этомъ отношеніи. Де-Либуа, встрѣчая Петра на границѣ, писалъ изъ Дюнквирхена 23-го апрѣля: „Царь проситъ, чтобы король соизволилъ помѣстить его въ Парижѣ въ одномъ изъ частныхъ домовъ, и во всякомъ случаѣ размѣстить его свиту близъ него; онъ желаетъ избѣжать королевскихъ дворцовъ... Разсматривая планъ Парижа, онъ просилъ меня указать ему древній Лувръ и отель герцога де-Вильруа, а г. Куракинъ далъ мнѣ понять, что вы говорили объ этомъ отелѣ лицу, пріѣхавшему вчера, и полагаетъ, что царь желалъ бы помѣститься въ немъ предпочтительно передъ прочими домами. Г. Куракинъ принялъ весьма холодно мое предложеніе, которое я сдѣлалъ вскользь, о возможности занять снабженный всѣмъ необходимымъ домъ, гдѣ помѣщался курфюрстъ Кельнскій. Еслибы вы могли предоставить домъ съ видомъ на рѣку, то это было бы наслажденіемъ для царя“ (стр. 147). Въ письмѣ къ де-Либуа отъ 27-го апрѣля 1717 г. сказано: „Домъ маршала Вильроа, о которомъ я говорилъ лицу, прибывшему къ царю въ Дюнквирхенъ, есть отель Ледигьеръ; вы знаете, что онъ расположенъ вблизи сада и арсенала и въ незначительномъ разстояніи отъ рѣки; я не могу еще сообщить вамъ, будетъ ли онъ готовъ ко времени пріѣзда царя, но скоро узнаю объ этомъ, и въ такомъ случаѣ ему предстоятъ бы выборъ между помѣщеніемъ въ Лувръ и въ этомъ отелѣ“. Въ особенной при-

¹⁾ Объ этомъ эпизодѣ говорится и у Голикова, V, 314—315. Царь сказалъ: „Я солдатъ, и когда найду хлѣбъ да воду, я буду доволенъ.“

пискѣ затѣмъ сказано: „Сейчасъ я узналъ, что отель этотъ свободенъ“ (стр. 151).

Царь сначала не отвѣчалъ положительно на сдѣлаанныи ему предложенія относительно помѣщенія. Де-Либуа въ письмѣ отъ 28-го апрѣля жаловался, что Куракинъ не отвѣтилъ на вопросъ, гдѣ Петръ желалъ бы помѣститься (стр. 175). 1-го мая де-Либуа писалъ, что царь согласенъ помѣститься въ Лувръ, по крайней мѣрѣ на первое время по прїѣздѣ (стр. 187).

Такимъ образомъ для Петра въ Парижѣ были приготовлены два помѣщенія—въ Лувръ и въ домъ Ледигьеръ (Lesdiguières), принадлежавшемъ маршалу Виллеруа. Какъ извѣстно, сначала Петръ прїѣхалъ въ Лувръ, гдѣ для него были отведены великолѣпно убранныя комнаты покойной вдовствующей королевы. Тутъ онъ, однако, пробылъ всего не болѣе трехъ четвертей часа, посмотрѣлъ на два стола, накрытые на 50—60 человекъ, спросилъ хлѣба и рѣдки, попробовалъ шесть сортовъ вина, выпилъ два стакана пива, но не захотѣлъ остаться жить въ Лувръ. Тщетно маршалъ Тессе упрасивалъ его сѣсть за столъ, увѣряя, что король будетъ очень радъ, если онъ проведетъ здѣсь нѣсколько дней. Петръ отказался и просилъ, чтобъ его не стѣсняли; по видимому, помѣщеніе въ Лувръ показалось ему слишкомъ великолѣпнымъ. Онъ тотчасъ же переѣхалъ въ отель Ледигьеръ, гдѣ жилъ и маршалъ де-Тессе, которому было поручено сопровождать всюду царя ¹⁾.

О свиданіи царя съ Людовикомъ XV и съ герцогомъ Орлеанскимъ, о разныхъ увеселеніяхъ и поѣздкахъ Петра въ загородные дворцы въ окрестностяхъ Парижа въ документахъ Сборника не говорится. Только въ запискѣ ле-Драна, составленной въ 1726 году, указано на письмо маршала Виллеруа къ маркизу де-Ментенонъ, въ которомъ сообщается о свиданіяхъ Петра съ Людовикомъ XV: „Не могу передать вамъ достоинства, изящности и любезности обращенія, съ какими король отдалъ и принялъ визитъ царя, но долженъ въ то же время замѣтить, что этотъ государь, мнимый варваръ, вовсе не походитъ на такового; онъ проявилъ такія чувства величія, великодушія и прївѣтливости, какихъ мы вовсе не ожидали“ (стр. XXV).

Не мало было хлопотъ изъ-за царя въ Парижѣ, какъ видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго письма де-Тессе отъ 26-го мая 1717 года:

¹⁾ См. русскія данныя въ моей статьѣ о путешествіяхъ Петра въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, т. CLII, стр. 658 и слѣд.

„Изъ прилагаемаго письма князя Куракина вы усмотрите... что завтра утромъ царь прїѣдетъ въ Парижъ. Не знаю, кто внушилъ ему желаніе видѣть кардинала де-Ноаль въ процессіи; все, что я могъ сдѣлать, это сбѣгать въ архіерейскій домъ и условиться о мѣстѣ съ двумя балконами и нѣсколькими комнатами, откуда отлично видѣнъ выходъ процессіи изъ собора Божіей Матери. Это въ сиротскоѣмъ домѣ противъ госпиталя Отель-Дьё. Монахини, которымъ принадлежатъ эти балконы, обѣщали мнѣ украсить ихъ коврами, но не знаю, не лучше ли будетъ предписать г. де-Фонтдъё послать туда нѣсколько ковровъ изъ дворцовыхъ кладовыхъ. Не знаю также, не слѣдуетъ ли вамъ сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы какой нибудь сержантъ или офицеръ королевской гвардіи былъ поставленъ на караулъ у дверей. Сейчасъ нарочный отъ кардинала сообщилъ мнѣ, что онъ позаботится положить ковры на вышеупомянутые балконы, и слѣдовательно, не нужно ничего приказывать въ кладовыхъ. Въ добавокъ я не знаю, гдѣ царь будетъ обѣдать, и возвратится ли онъ въ Версаль. Я не имѣю никакихъ извѣстій отъ герцога д'Антенъ; со всѣми этими перемѣнами нѣтъ ни одного человѣка, у котораго не пошла бы голова кругомъ. И такъ, все, что я могу сдѣлать, это отправиться съ двумя или тремя каретами ожидать его въ отелѣ Ледигіеръ и быть тамъ въ семь часовъ“ и пр. (стр. 207).

Мы не знаемъ, видѣлъ ли царь процессію и кардинала де-Ноаля. Намъ однако извѣстно, что до 26-го мая онъ провелъ нѣсколько дней въ Версалѣ, Марли, Трианонѣ и Сень-Дени. Какъ кажется, онъ прїѣхалъ въ Парижъ только 27-го мая, хотя Куракинъ и писалъ къ де-Тессе изъ Марли, что именно въ этотъ день царь желаетъ видѣть процессію, въ которой будетъ участвовать кардиналъ (стр. 208). 31-го мая Петръ изъ Марли поѣхалъ въ Сень-Жерменъ, а оттуда въ Сень-Сиръ, чтобъ осмотрѣть знаменитую женскую школу, заведенную г-жею Ментенонъ.

Затрудненія при прїемѣ царя были неизбежны особенно потому, что онъ, нисколько не стѣсняясь, весьма часто перемѣнялъ свои помѣщенія и вообще не столько слѣдовалъ заблаговременно составленному плану путешествія, сколько минутному влеченію видѣть то или другое, отправиться въ какое-либо мѣсто или оставаться нѣсколько дольше тамъ, гдѣ ему нравилось. Такъ и при отъѣздѣ Петра изъ Парижа трудно было сдѣлать необходимыя для того приготовленія, какъ видно изъ слѣдующей инструкціи г. де-Нуантелю отъ 16-го іюня 1717 г.: „Царь выѣдетъ отсюда въ будущее воскре-

сенье послѣ полудня для слѣдованія по пути, изложенному въ прилагаемомъ спискѣ. Этотъ монархъ намѣревается путешествовать большими переѣздами, благодаря смѣннымъ лошадямъ, приготовленнымъ ему по пути, но онъ до сихъ поръ не опредѣлилъ ни одного мѣста, гдѣ онъ остановится для отдыха или для ночлега; и такъ нельзя рѣшить ничего положительнаго относительно оказываемаго ему приѣма; достаточно будетъ, если вы дадите общій приказъ употребить всѣ усилія для удобства и безопасности его путешествія“ и т. д. (стр. 211).

Не смотря на нѣкоторыя совѣщанія французскихъ дипломатовъ съ министрами царя въ Пирмонтѣ, Гавельбергѣ и пр., до прибытія Петра въ Парижъ французское правительство не имѣло никакой возможности составить себѣ точное понятіе о намѣреніяхъ Петра, служившихъ поводомъ къ его путешествію во Францію. Мы видѣли выше, какъ де-Либуа старался развѣдать о цѣли поѣздки, но безуспѣшно.

Между документами, напечатанными въ Сборникѣ, находимъ предписаніе „господину Амело“ (à Mr. Amelot), отъ 27-го апрѣля, изъ котораго видно, что французское правительство не предугадывало въ это время тѣхъ результатовъ, къ коимъ приведетъ пребываніе Петра въ Парижѣ. Тутъ, между прочимъ, сказано: „Пріѣздъ царя близокъ, и его королевское высочество, предвидя, что этотъ монархъ, быть можетъ, имѣетъ намѣреніе заключить съ королемъ торговый трактатъ, повелѣлъ мнѣ предписать вамъ отъ его имени собрать по этому предмету всѣ свѣдѣнія, могущія дать вамъ средства заняться этимъ дѣломъ на случай, что о немъ зайдетъ рѣчь“ (стр. 160).

Оказалось, что Петръ пріѣхалъ во Францію не для заключенія торговаго договора, а по дѣламъ чисто-политическаго свойства: прежде всего онъ думалъ объ окончаніи Сѣверной войны. Подробности о томъ, какъ зашла рѣчь о шведскихъ дѣлахъ, намъ не извѣстны. Зато между документами, напечатанными въ XXXIV-мъ томѣ Сборника, мы встрѣчаемъ „тайную инструкцію“ (18-го мая 1717 г.), составленную для маршала де-Тессе, которому было поручено вести переговоры съ русскими министрами. Тутъ, между прочимъ, сказано, что маршалъ долженъ договариваться съ царскими министрами объ условіяхъ трактата дружбы и торговли, но что при этомъ должна быть принята въ соображеніе связь, существующая между Швеціей и Франціей. При указаніи на отношенія Франціи къ Карлу XII за-

мѣчено, что Людовикъ XIV приказалъ передать значительную сумму генералу Стейбоку для содержанія войска, которое было собрано имъ въ Помераніи, и нѣсколько времени спустя, разбило Датчанъ при Гадебушѣ. Къ этому, однако, прибавлена жалоба, что Карлъ XII „мало внималъ мудрымъ совѣтамъ, даннымъ ему по повелѣнію его величества“ (Людовика XIV). Затѣмъ воспроизводится содержаніе трактата, заключеннаго 3-го апрѣля 1715 года между Швеціей и Франціей, и въ силу котораго Швеція получала ежегодно субсидію въ размѣрѣ 600,000 экю. Далѣе въ инструкціи говорится объ отношеніяхъ Франціи къ Польшѣ, Пруссіи, Англіи и Голландіи; указано на содержаніе трактата, заключеннаго въ Берлинѣ 14-го сентября 1716 года, по которому Франція обѣщала свое посредничество для возстановленія мира между Швеціей и Пруссіей. Переходя наконецъ къ изложенію отношеній между Франціей и Петромъ, авторъ инструкціи говоритъ о необходимости устранить предубѣжденія Россіи относительно Франціи ¹⁾, о свиданіи Петра съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ I и о переговорахъ между французскимъ дипломатомъ Шатонёфомъ и русскими министрами въ Голландіи въ концѣ 1716 и въ началѣ 1717 года.

Именно въ это время со стороны Пруссіи было выражено желаніе, чтобы Франція не посылала субсидій Карлу XII, содѣйствовала бы заключенію мира и давала бы царю до заключенія мира по 25.000 экю ежемѣсячно.

Послѣ очерка положенія дѣлъ до пріѣзда царя во Францію авторъ инструкціи доказываетъ, что посредничество Франціи при окончаніи Сѣверной войны можетъ служить способомъ къ противодѣйствію честолюбивыхъ замысловъ Вѣнскаго двора и къ удаленію Петра отъ мысли сблизиться съ императоромъ. Тутъ слѣдуетъ цѣлый рядъ предписаній маршалу Тессе, какъ вести переговоры, какъ пользоваться содѣйствіемъ прускаго дипломата барона Книппгаузена, и указывается на необходимость продолжать выдачу субсидій Швеціи до истеченія срока договору съ Карломъ XII и на неудобство давать субсидію царю; наконецъ, говорится о гарантіи завоеваній

¹⁾ Странно, что во французскихъ документахъ такъ часто говорится о депешныхъ, будто бы, всякаго основанія предубѣжденіяхъ царя относительно Франціи, между тѣмъ какъ Людовикъ XIV во многихъ случаяхъ помогалъ противникамъ Россіи.

царя, о заключеніи съ Россіей торговаго дозора и пр. (стр. 510—531).

О ходѣ переговоровъ, происходившихъ въ Парижѣ, мы имѣемъ довольно подробныя свѣдѣнія въ известномъ сочиненіи Флассана: „Histoire de la diplomatie Française ¹⁾“. Но отчеты маршала Тессе о конференціяхъ съ Куракинымъ и Шафировымъ значительно дополняютъ эти свѣдѣнія. Инструкція, составленная для маршала Тессе, помѣчена 18-го мая. Въ тотъ же самый день начались конференціи, какъ видно изъ донесенія маршала отъ 19-го мая (стр. 196—201). Тутъ подробно изложено ходъ совѣщанія. Франція уклонялась гарантировать завоеванія Петра, такъ какъ въ этомъ отношеніи все зависѣло отъ успѣха оружія. Весьма любопытны объясненія представителей Россіи: „Франція вступила въ союзъ съ Швеціей лишь потому, что въ то время король шведскій имѣлъ владѣнія въ Германіи и могущество Швеціи вмѣстѣ съ вашими союзниками въ Германіи составляло противовѣсъ силѣ императора. Съ тѣхъ поръ положеніе Европы измѣнилось: Франція утратила своихъ союзниковъ въ Германіи; полу-уничтоженная (quasi-anéantie) Швеція не можетъ оказать никакой помощи; могущество императора значительно усилилось и я, царь, предлагаю Франціи замѣнить для нея Швецію. Я предлагаю ей не только свой союзъ и свое могущество, но въ то же время и содѣйствіе Пруссіи, безъ которой я бы не могъ дѣйствовать; Польша весьма охотно приметъ участіе въ этомъ союзѣ, а когда Франція, Пруссія, Польша и я, царь, соединимся между собою, то этимъ не только возстановится равновѣсіе, въ виду котораго былъ заключенъ трактатъ съ Швеціей, но мое содѣйствіе дастъ перевѣсъ“ (стр. 198). Русскіе министры требовали отъ Франціи субсидій. Маршалъ Тессе отвѣчалъ отрицательно.

Тессе велъ переговоры подъ руководствомъ маршала д'Юкселя (d'Uxelles), который на донесеніе его отъ 19-го мая отвѣчалъ 20-го въ довольно подробной запискѣ, въ которой сказано, между прочимъ (стр. 538—544): „Его величество не въ состояніи съ честью объявить себя противъ Швеціи, ни подать помощи противъ нея; попытки, имъ предпріятыя, могли бы отстранить его посредничество, что было бы гораздо вреднѣе для царскихъ выгодъ, нежели сколько онѣ могли принести ему пользы, и пр. Далѣе однако д'Юксель

¹⁾ IV, 445—459.

пишетъ: „Его королевское высочество, который знаетъ, насколько могущество царя, независимое даже отъ союза съ Прусскимъ королемъ, превосходить могущество шведской державы, ... всегда будетъ смотрѣть какъ на самое важное дѣло времени своего регенства, на соглашеніе, которое онъ желаетъ установить между королемъ и царемъ“. Относительно требованія царскихъ министровъ, чтобы Франція не давала болѣе денегъ Швеціи, а поддерживала Россію, д'Юксель писалъ: „Нѣтъ теперь основаній для того, чтобы дать царю помощь деньгами... но достаточно дать ему понять, что... такія денежныя вспоможенія будутъ соразмѣряться съ средствами, употребленными царемъ или на пользу Франціи, или на помощь союзниковъ ея въ имперіи... Вамъ можно даже завѣрить царскихъ министровъ, что если Шведскій король станетъ продолжать выказыванія того же сопротивленія къ замиренію, какъ онъ дѣйствовалъ доселѣ, то его величество прикажетъ ему ничего не выдавать изъ того, что слѣдуетъ ему изъ вспомошествованія, обѣщаннаго ему покойнымъ королемъ, ни того, что причитается за остальные десять мѣсяцевъ договора“ (стр. 544).

О второй конференціи, которая происходила очевидно 19-го мая въ документахъ, выданныхъ въ XXXIV томѣ Сборника, нѣтъ свѣдѣній. По видимому, тутъ недостаетъ одного письма маршала де-Тессе къ маршалу д'Юкселю. Краткая записка 20-го мая (утромъ) (стр. 536—537) едва ли можетъ считаться отчетомъ объ этой второй конференціи, такъ какъ 21-го мая утромъ де-Тессе опять подробно доносилъ о содержаніи „третьей конференціи“. И тутъ дѣло не подвинулось впередъ, но донесеніе де-Тессе любопытно тѣмъ, что въ немъ сообщается о слѣдующемъ заявленіи Петра, сдѣланномъ имъ въ Мёдонѣ: „Что вы скажете о королѣ Шведскомъ, который, будучи крайне обязанъ Франціи, не только отказывается отъ ея посредничества, но даже предлагаетъ мнѣ черезъ императора быть посредникомъ между нимъ и мною и обращается ко мнѣ съ таковымъ предложеніемъ именно тогда, когда узналъ, что я ѣду во Францію; я, конечно, ему отказалъ“. Тессе далѣе доносилъ, что отнынѣ будетъ участвовать въ конференціяхъ и баронъ Книпгаузенъ; къ этому однако Тессе прибавляетъ: „Мы условились въ томъ, что каждый изъ насъ будетъ оказывать Пруссаку лишь на столько довѣрія, на сколько то будетъ необходимо, не доводя до свѣдѣнія его тѣхъ статей, которыя должны будутъ оставаться секретными“. О томъ, что въ конференціи было говорено о гарантіи завоеваній царя, Тессе пишетъ:

Когда я, стараясь возвысить цѣну нашихъ услугъ, говорю, что мы предлагаемъ гарантировать царю все, что будетъ уступлено ему при заключеніи мира и, вслѣдствіе этой гарантіи, выставляемой мною какъ большая выгода, я отклоняю рѣчь о субсидіяхъ или, по крайней мѣрѣ, отодвигаю ее до поры до времени, эти господа смѣются мнѣ въ лицо и отвѣчаютъ, что вовсе не нуждаются въ насъ для этой гарантіи, что они меня благодарятъ и что они достаточно сильны для того, чтобы сами гарантировать себѣ то, что будетъ имъ предоставлено сѣвернымъ миромъ. Словомъ, я не предвижу, чтобы его королевское высочество могъ извлечь какую либо пользу изъ настоящихъ нашихъ переговоровъ, а также изъ путешествія царя и его видимои готовности заключить съ нами крѣпкій союзъ, если только онъ не рѣшится, вступивъ съ царемъ въ отношеніи, въ которыхъ онъ до сихъ поръ находился къ королю Шведскому, выдавать ему подобныя же субсидіи“.

Этими немногими документами ограничивается запасъ историческаго матеріала о дипломатическихъ переговорахъ въ XXXIV томѣ Сборника. Почему не напечатаны дальнѣйшія донесенія маршала де-Тессе, безъ сомнѣнія, находящіяся во французскомъ архивѣ, — мы не знаемъ. Царь оставался въ Парижѣ до 9-го іюня. Можно думать, что дипломатическіе переговоры продолжались до отъѣзда царя. Впрочемъ, въ составленной въ 1726 году запискѣ Ле-Драна встрѣчаются ещенѣкоторыя, довольно важныя данныя о парижскихъ переговорахъ. Тутъ (стр. XXV—XXXVIII) изложенъ весь ходъ ихъ до заключенія трактата въ началѣ августа 1717 года. Какъ видно изъ разказа Ле-Драна, царскіе министры заявили, что принимаютъ посредничество Франціи лишь въ угоду королю, такъ какъ очевидно, что послѣдній имѣетъ прямой интересъ не допустить, чтобы императоръ Карлъ VI сдѣлался единственнымъ посредникомъ при замиреніи сѣверной Европы. Особенно упорнымъ былъ споръ о субсидіи, которой требовала Россія. Франція обѣщала по окончаніи срока союза съ Швеціей (въ маѣ 1718 г.) не выдавать болѣе субсидіи этой державѣ. Россія же требовала уплаты для себя субсидіи до этого срока. Франція предлагала ежегодную сумму въ размѣрѣ 300,000 экю; царь требовалъ 1.800,000 ливровъ, потому что таковъ былъ размѣръ субсидіи, которую Франція выплачивала Швеціи, притомъ съ обязательствомъ охранять оружіемъ Баденскій и Утрехтскій договоры. Оказалось невозможнымъ придти скоро къ окончательному соглашенію. Только

Пруссія и Россія изъявили готовность принять посредничество Франціи. Въ то время, когда царь оставилъ Парижъ, важнѣйшія статьи были улажены, но договоръ не могъ быть подписанъ; между прочимъ, потому, что для нѣкоторыхъ условій требовалось согласіе Прусскаго короля. Въ запискѣ Ле-Драна сообщены нѣкоторыя подробности о содержаніи трактата и о соблюденіи, при заключеніи его, нѣкоторыхъ формальностей.

Какъ видно изъ всѣхъ этихъ данныхъ, пребываніе Петра въ Парижѣ имѣло весьма важное политическое значеніе. Сперва французское правительство не ожидало какихъ-либо значительныхъ результатовъ отъ его посѣщенія; никто не зналъ о настоящихъ его намѣреніяхъ. Но личность Петра произвела довольно сильное впечатлѣніе на французскихъ сановниковъ, и сближеніе между обѣими державами было плодомъ личнаго участія въ переговорахъ царя, умѣвшаго внушить всѣмъ и каждому высокое понятіе о значеніи и вѣсѣ Россіи. Мы видѣли, что маршалъ д' Юксель, президентъ совѣта иностранныхъ дѣлъ, предписывалъ маршалу де Тессе нѣкоторую сдержанность и крайнюю осторожность. Вслѣдствіе нѣкоторой холодности со стороны французскаго правительства, заключеніе договора до отъѣзда Петра не могло состояться. Однако были люди, умѣвшіе оцѣнить выгоду сближенія съ Россіей. „Ничто болѣе сего“, замѣчаетъ по этому поводу герцогъ Сенъ-Симонъ въ своихъ мемуарахъ,—„не могло благопріятствовать нашей торговлѣ и нашему вѣсу на сѣверѣ, въ Германіи и въ цѣлой Европѣ. Въ рукахъ сего монарха находилась торговля Англій (sic), а король Георгъ сильно опасался его изъ-за своихъ германскихъ владѣній. Голландіи, равно какъ и императору Римскому, онъ умѣлъ внушить уваженіе; словомъ, безспорно то, что онъ былъ весьма важное лицо въ Европѣ и въ Азій, и что Франція много выиграла бы отъ тѣснаго съ нимъ союза. Онъ не любилъ императора и желалъ мало по малу избавить насъ отъ вліянія Англій, и именно сей послѣдней странѣ обязаны мы тѣмъ, что самымъ непріятнымъ образомъ отвергли его предложенія, дѣланныя намъ еще много времени спустя по его отъѣздѣ. Тщетно настаивалъ я не разъ по этому дѣлу у регента; тщетно представлялъ я ему самыя дѣльные и неопровергаемые доводы; онъ находился подъ обаяніемъ аббата Дюбуа, поддерживаемаго еще д'Эффіатомъ (d'Effiat), Капильякомъ и герцогомъ де-Ноалемъ. Съ тѣхъ поръ уже неоднократно приходилось намъ расказываться въ послѣдованіи пагубнымъ внуше-

ніямъ Англіи и въ безумномъ пренебреженіи предлагаемыхъ намъ Россіей условій¹⁾.

Значеніе Россіи, могущество царя, средства, которыми онъ располагалъ, давали ему возможность держать себя съ большимъ достоинствомъ. На разныя замѣчанія, сдѣланныя маршаломъ Тессе во время переговоровъ, онъ получилъ слѣдующій отвѣтъ: „Я, царь, хочу занять мѣсто Швеціи; я хочу вамъ гарантировать ваши договоры; я вамъ предлагаю союзъ, вмѣстѣ съ Пруссіей и Польшей; я отъ васъ не требую никакой гарантіи для моихъ завоеваній. Я предвижу въ будущемъ угрожающее могущество австрійскаго дома, долженствующее внушить намъ серьезныя опасенія; поставьте меня на мѣсто Швеціи; такимъ договоромъ я вамъ замѣню все то, чего вы можете ожидать отъ Швеціи, и могу васъ обезпечить отъ всего, что вы можете и должны заподозрѣвать отъ могущества императора“ (стр. 535).

Переговоры между французскими и царскими министрами происходили въ глубочайшей тайнѣ. Франція нуждалась въ царѣ, какъ въ сильномъ и вліятельномъ союзникѣ. Однако именно могущество царя не нравилось многимъ другимъ державамъ. Англія, Голландія, императоръ были крайне недовольны возростающимъ значеніемъ Россіи. Есть основаніе думать, что именно во время пребыванія Петра въ Парижѣ, Франція съ разныхъ сторонъ получала предостереженія относительно Петра. Такъ наприимѣръ, Сенъ-Симонъ разказываетъ о саксонскомъ дипломатѣ Лосѣ, который всюду слѣдовалъ за царемъ не столько въ качествѣ дипломата, сколько въ качествѣ лазутчика²⁾. Тессе, сообщая о своей первой конференціи съ царскими министрами маршалу д'Юкселю, просилъ его передать подробности всего дѣла регенту: „ибо“, прибавляетъ онъ, — „еслибы я самъ отправился къ нему или къ вамъ, то, видя мои частыя посѣщенія, нѣмецкіе и всякіе другіе иностранные шпіоны, наблюдающіе за малѣйшими дѣйствіями, не преминули бы кое-что подозрѣвать, а быть можетъ, и угадали бы“ (стр. 196).

Въ то время европейскія державы, съ одной стороны, домогались союза съ Россіей, а съ другой—старались противодѣйствовать ея усиленію. И современники, и позднѣйшіе историки признають, что

¹⁾ Mém. du duc de Saint-Simon. Paris. 1872, IX, 236 и 237.

²⁾ Mem. IX, 254.

образъ дѣйствій царя и его министровъ въ Парижѣ обнаружилъ не только замѣчательную ловкость, но и чувство собственнаго достоинства, высокое понятіе о значеніи Россіи и даже нѣкоторое чванство ¹⁾. То же впечатлѣніе производятъ и матеріалы, изданныя въ XXXIV-мъ томѣ Сборника Русскаго Историческаго Общества.

А. Брикнеръ.

¹⁾ *Martin, Hist. de France, XV, 85.*